

№ 2 (35)
2016

ВЕСТНИК

Дальневосточного
юридического института
МВД России

Выходит с 2001 г.
Периодичность –
четыре раза в год

Учредитель и издатель –
Дальневосточный
юридический институт
Министерства внутренних
дел Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Главный редактор
М.А. Тулиглович,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель
главного редактора
А.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь
А.А. Осадчий

Члены редколлегии:

Е.Ю. Антонова,
д-р юрид. наук, доцент;

И.М. Антонов,
канд. юрид. наук, доцент;

Д.А. Баринов,
канд. юрид. наук, доцент;

А.С. Бахта,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);

В.Н. Бойко,
д-р юрид. наук, профессор;

Н.Н. Дерюга,
д-р юрид. наук, профессор;

Л.Н. Древалъ,
д-р юрид. наук, профессор;

Н.Н. Егоров,
д-р юрид. наук, профессор
(г. Москва);

И.С. Еремина,
д-р пед. наук,

канд. юрид. наук, доцент;

В.В. Кульгин,
д-р юрид. наук, профессор;

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история права и государства

Николюк В.В., Филимонов А.Г. Природа правового нигилизма русского человека / 5

Апольский Е.А. Зарождение отечественной научной разработки теоретических основ государственного (конституционного) права в Российской империи (XIX – начало XX в.) / 12

Уголовный процесс

Мамошина Р.Н., Мамошин М.А. Проблемные аспекты изъятия образцов для сравнительного исследования у физических лиц в стадии возбуждения уголовного дела / 20

Колосович М.С. Тайна в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития / 26

Гелюс Т.Ф. Некоторые пути разрешения проблемных вопросов, связанных с установлением потерпевшего и закреплением его процессуального статуса при расследовании хищений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства / 32

Овчинников Ю.Г. Преследует ли современный УПК РФ задачу полного и быстрого раскрытия и расследования преступлений: теоретический взгляд на проблему / 41

Захарова В.К. О некоторых особенностях обеспечения права на защиту обвиняемых на досудебных стадиях уголовного судопроизводства Китайской Народной Республики и Российской Федерации: история и современность / 48

Уголовное право и криминология. Уголовно-исполнительное право

Антонова Е.Ю. Педофилия как основание применения химической кастрации: аргументы pro et contra / 54

Никитенко И.В. Миграционная политика современной России: проблемы законодательства и практики его применения / 64

Фадеев В.Н. Взгляд в будущее криминологии / 70

Маликов С.В. Темпоральные основы уголовно-правового испытания / 76

Дядюн К.В. Законодательное регулирование отсрочки отбывания наказания: проблемы и решения / 82

Бойко Н.В. Некоторые виктимологические аспекты предупреждения преступности / 90

Забелов А.Ю. Толкование понятия «провокация преступления» в практике Европейского суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации / 95

Сытников В.О. Уголовная ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции по зарубежному законодательству / 100

Н.Е. Мерецкий,
д-р юрид. наук, профессор;
И.В. Никитенко,
д-р юрид. наук, доцент;
С.В. Супрун,
канд. юрид. наук, доцент;
С.Ю. Ударцев,
канд. юрид. наук, доцент
(г. Краснодар);
Н.А. Шабельникова,
д-р ист. наук, профессор
(г. Владивосток)

Редактор
Е.Ю. Колобанова
Корректор
Н.Б. Хохлова

**Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на
соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук**

*Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
ПИ № ФС77-37942
от 5 ноября 2009 г.*

Публикуемые материалы
отражают точку зрения автора,
которая может не совпадать
с мнением редколлегии.
Рукописи не возвращаются.

Подписано в печать 20.06.2016.
Бум. офис. Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 23,02.
Тираж 300 экз. Заказ № 19.
Цена свободная.
Подписной индекс 83731.

Дальневосточный юридический
институт МВД России.
Редакционно-издательский
отдел. Типография.
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, 15.

Электронный адрес редакции:
e-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
Тел. (4212) 46-52-17
Тел./факс: (4212) 46-52-06

© ФГКОУ ВО ДВЮИ
МВД России, 2016

Тертышников Е.М. Специфика конструкции объективной стороны
состава преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ / **104**

Административное право. Административный процесс

Денисенко В.В., Мумладзе М.А. Проблемы определения подве-
домственности и подсудности дел об административных правона-
рушениях в области незаконного использования специальных тех-
нических средств, предназначенных для негласного получения ин-
формации, в частной детективной или охранной деятельности / **111**
Гришаков А.Г., Федяев Е.А. Обеспечение безопасности дорож-
ного движения на территории административного участка как од-
но из направлений деятельности участкового уполномоченного
полиции / **116**

Тюкалова Н.М., Карпенко Т.А. Общая характеристика института
административной ответственности за нарушение общественного
порядка и общественной безопасности при проведении массовых
мероприятий / **123**

Лихолет Е.Н. Обеспечение транспортной и авиационной безопас-
ности: проблемы административно-правового регулирования / **128**

Мотрович И.Д., Васильева Н.Л. Проблемы реализации админи-
стративной ответственности за нарушение сроков регистрации (пе-
ререгистрации) оружия / **135**

Кулаков Н.А. Алгоритм действий сотрудников полиции по пресе-
чению административных правонарушений, связанных с незакон-
ным использованием музыкальных произведений, исполнений и
фонограмм / **145**

Ковальчук О.В. Становление и развитие государственного регули-
рования в области дорожного движения: советские годы и совре-
менность / **152**

Шевырёв Д.Н. Инновационные решения по реализации административного штрафа в сфере обращения лекарственных средств / **158**

Криминалистика. Судебно-экспертная деятельность. Оперативно-розыскная деятельность

Казачек Е.Ю., Киселёв Е.А. О тактических особенностях подго-
товки к допросу несовершеннолетнего потерпевшего при расследо-
вании тяжких и особо тяжких преступлений / **163**

Коновод А.А. Способ совершения преступления как составная
часть криминалистической характеристики уклонения от уплаты
налогов и (или) сборов с физического лица / **169**

Черкашин А.В. К вопросу об основаниях проведения оперативно-
розыскных мероприятий подразделениями уголовного розыска в
противодействие насильственным преступлениям сексуального ха-
рактера в отношении малолетних / **175**

Земельное право. Природоресурсное право. Экологическое право

Калёнов С.Е. Правовое регулирование дисциплинарной ответ-
ственности за земельные правонарушения / **181**

Шарипова О.В. Правовое понятие «лес» / **188**

Финансовое право. Налоговое право

Дёмин А.В. Институт «налоговых альтернатив» в российском и
американском налоговом праве / **193**

Информация для авторов / 198

№ 2 (35)
2016

VESTNIK

of Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Published since 2001.
Quarterly

Founder and publisher -
Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal
Affairs of the Russia

Editorial board:

Editor-in-Chief
M.A. Tuliglovich,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

Deputy Editor-in-Chief
A. N. Deryuga,
Doctor of Law, associate professor

Executive Secretary
A.A. Osadchy

Editorial staff:
E.U. Antonova,
Doctor of Law, associate professor;

I.M. Antonov,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

D.A. Barinov,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

A.S. Bakhta,
Doctor of Law, professor
(Moscow);

V.N. Boiko,
Doctor of Law, professor;

N.N. Deryuga,
Doctor of Law, professor;

L.N. Dreval,
Doctor of Law, professor;

N.N. Egorov,
Doctor of Law, professor
(Moscow);

I.S. Eremina,
Doctor of Pedagogy,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;

V.V. Kuligin,
Doctor of Law, professor;

CONTENTS

Theory and history of law and state

Nikolyuk V.V., Filimonov A.G. Nature of legal nihilism of the Russian person / 5

Apolski E.A. Genesis of the national scientific development of theoretical principles state (constitutional) law in the Russian empire (XIX – early XX centuries) / 12

Criminal procedure

Mamoshina R.N., Mamoshin M.A. Problematic aspects of withdrawal of samples for comparative studies in individuals under criminal investigation / 20

Kolosovich M.S. Privacy in criminal proceeding: current state and development prospects / 26

Gelus T.F. Some ways of solving problematic issues associated with the establishment of the victim and the consolidation of its procedural status during the investigation of thefts, committed in the sphere of housing and communal services / 32

Ovchinnikov Y.G. Pursuit modern the code of criminal procedure the task for the full and prompt disclosure and investigation of crimes: a theoretical approach to the problem / 41

Zakharova V.K. About special features of the right to the protection of the accused in criminal proceedings of China and Russia: the history and present times / 48

Criminal law and criminology. Criminal-executive law

Antonova E.Y. Pedophilia as a basis of application of chemical castration: arguments pro et contra / 54

Nikitenko I.V. Migration policy of modern Russia: problems of legislation and practice / 64

Fadeev V.N. Looking to the future of criminology / 70

Malikov S.V. Temporal grounds of probation in Russian criminal law / 76

Dyadyun K.V. Legislative regulation of the delay of serving of the punishment: problems and decisions / 82

Boyko N.V. Some aspects victim crime prevention / 90

Zabelov A.Y. Using the concept of «provocation of crimes» in the European Court of human rights and the Supreme Court of Russian Federation / 95

Sytnikov O.V. Criminal liability for sale to minors of alcoholics products by the foreign legislation / 100

Tertyshnikova E.M. The specifics of the objective side the construction elements of a crime under art. 244 of the criminal code / 104

N.E. Meretsky,
Doctor of Law, professor;
I.V. Nikitenko,
Doctor of Law, associate professor;
S.V. Suprun,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor;
S.U. Udartsev,
Kandidat nauk degree in Law,
associate professor
(Krasnodar);
N.A. Shabelnikova,
Doctor of History, professor
(Vladivostok)

Managing editor

E.U. Kolobanova

Proofreader

N.B. Khokhlova

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses on competition of a scientific degree of candidate of science and of a doctor of science should be published

The edition is registered in the Federal Service for communication, informational technologies and media control: Registration certificate ПИ № ФС77-37942 of November, 5, 2009.

The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view. Manuscripts are not returned.

Signed for press on 20.06.2016. Format 60x84 1/8. Size 23.02 printer sheets. Circulation 300 copies. Order № 19.

Free price.

Subscription index 83731.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia. Editorial office. Printing House. 15, Kazarmenny pereulok, Khabarovsk, 680020

E-mail: redactor80@gmail.com;
vestnikdvui@yandex.ru
tel. (4212) 46-52-17
tel./fax: (4212) 46-52-06

© Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia, 2016

Administrative law. Administrative procedure

Denisenko V.V., Mumladze M.A. Problems of determination of jurisdiction and jurisdiction of cases of administrative offences in the field of illegal uses of special technical the means intended for secret obtaining information, in private detective or security activity / **111**

Grishakov A.G., Fedyaev E.A. Road-traffic safety in the territory of the administrative area as one of the activities authorized by the district police / **116**

Tyukalova N.M., Karpenko T.A. General characteristics of institution of administrative responsibility for violation of public order and public security during mass events / **123**

Likholet E.N. Provision of transport and aviation security problems: administrative legal regulation / **128**

Motrovich I.D., Vasilyeva N.L. Problems of implementation administrative responsibility for violation of terms of registration (re-registration) weapons / **135**

Kulakov N.A. Algorithm of actions of police officers for suppression of the administrative offenses connected with illegal use of pieces of music, executions and soundtracks / **145**

Kovalchuk O.V. The formation and development of state regulation in the field of road traffic: the soviet years and the modernity / **152**

Shevyrev D.N. Innovative solutions for the implementation administrative fines in the field of drugs / **158**

Criminalistics. Forensic expert activity. Operative search activity

Kazachek E.Y., Kiselev E.A. On the tactical features of the preparations for the interrogation of a minor victim when the investigation of grave and especially grave crimes / **163**

Konovod A.A. Way of commission of crime as a component of the criminalistic characteristic of evasion of taxes and (or) collecting from the natural person / **169**

Cherkashin A.V. To a question on the grounds of operational and investigative work of the criminal investigation departments in combating violent crimes of a sexual nature against minors / **175**

Land law. Nature and resources law. Environmental law

Kalyonov S.E. Legal regulation of disciplinary liability for land offences / **181**

Sharipova O.V. Legal definition of forest / **188**

Financial law. Tax law

Demin A.V. Tax alternatives in the Russian and American tax law / **193**

Information for authors / 198

УДК 340.12

ПРИРОДА ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА

Вячеслав Владимирович Николюк, профессор кафедры Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Александр Григорьевич Филимонов, доцент кафедры Омской академии МВД России кандидат философских наук, доцент

E-mail: nvv56@mail.ru

Построение правового государства в России в постсоветский период сталкивается с процессами, которые мешают решить эту задачу. Многие политики и ученые говорят, что главная проблема – правовой нигилизм. В статье сделана попытка анализа природы правового нигилизма русского человека.

Ключевые слова: право; закон; правовой нигилизм; русский народ; власть; государство.

NATURE OF LEGAL NIHILISM OF THE RUSSIAN PERSON

Vyacheslav Vladimirovich Nikolyuk, chair professor of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia named after V.V. Lukyanov
Doctor of Law, professor, honored scientist of the Russian Federation;

Alexander Grigoryevich Filimonov, chair associate professor of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia *Kandidat nauk* degree in Philosophy, associate professor

Creation of the constitutional state in Russia during the Post-Soviet period faces processes which prevent it from solving this problem. Many politicians and scientists say that the main problem is legal nihilism. An attempt of analyzing of the nature of legal nihilism of the Russian person is made in this article.

Keywords: right; law; legal nihilism; Russian people; power; state.

На современном этапе развития российской государственности идет поиск путей перехода от тоталитарных форм правления к демократическим. И здесь вопрос соблюдения закона всеми субъектами общественных отношений становится очень важным, так как от этого зависит эффективность системы управления, призванной решать насущные вопросы, стоящие перед обществом. Столкнувшись со многими проблемами, объективными на этапе переходного периода, представители всех ветвей власти, ученые-юристы стали говорить о правовом нигилизме русского народа, связывая все неудачи с правовой безграмотностью русского народа, его природной неспособностью жить по закону.

Особое внимание к вопросам правового нигилизма в российском обществе обусловлено еще и тем, что право как основной регулятор отношений субъектов в государстве становится не просто декларацией, а реальным механизмом, позволяющим субъекту правовых отношений обеспечить защиту своих ценностей и интересов. Правовой нигилизм в России ограничивает возможности права в развитии общества, становится

тормозом в движении общества к намеченным целям, построении правового, социального государства.

Проблему доминирования правового нигилизма в современной России обозначают, например, В. Зорькин и П. Крашенинников, по их обоснованному мнению, она объективно препятствует обеспечению эффективного правоприменения.

«Россия как государство, – отмечает В. Зорькин, – по большому счету никогда ранее в своей истории не брала правового барьера. Проблемы создания, толкования и применения законодательных норм, возникающих на Руси начиная с Русской Правды, касались в основном лишь небольшого круга жизненных ситуаций и сравнительно узких социальных слоев. На всем остальном пространстве социального регулирования много веков доминировало слабо формализованное право обычая, укорененное в нормах религиозной морали и задававшее массовые представления о справедливом и должном. Именно здесь находятся корни того российского недоверия к писаному формальному праву, которые отражены в многочисленных народных присловиях: «судить по закону или по совести», «закон что дышло» [4, с. 460].

«Внедрение культурных норм в социальную практику, – пишет П. Крашенинников, – является тяжелейшей, если не сказать, запредельно сложной задачей. Под культурной нормой понимается набор действий (как мыслительных, так и «физических»), осуществляемых человеком в определенных жизненных ситуациях ... автоматически. В нашем случае речь идет о привычке соотносить любые свои действия прежде всего с законодательством, а не своим «хочу» или конъюнктурой момента. Однако в нашем обществе доминируют совершенно иные культурные нормы, описываемые известными поговорками: «когда нельзя, но очень хочется, то можно», «строгость закона компенсируется необязательностью его исполнения», закон что дышло...», «судить не по закону, а по совести», и т. д. При таком доминировании правового нигилизма в обществе трудно рассчитывать и на решение ... задачи – создание эффективного правоприменения» [7, с. 8].

Нигилизм (от лат. *nihil* – ничто) означает отрицание общепринятых ценностей, идеалов, норм морали, культуры и т.п. Ф. Ницше, рассматривая вопросы нигилизма, писал, что «когда мы говорим о нигилизме, то «высшие ценности теряют свою ценность. Нет цели. Нет ответа на вопрос «зачем?»» [9, с. 9].

В научной литературе имеется много определений понятия «правовой нигилизм» [2, с. 42-45; 5, с. 26; 13, с. 1305-1319; 20, с. 168]. Л.А. Петручак изложил его в двух курсах: «Личностный (субъективный) момент правового нигилизма, как правило, проявляется в неуважительном отношении к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных и общественных структур, не воспринимающих право в качестве базовой, фундаментальной ценности, способной к справедливому (в их понимании) урегулированию общественных отношений. Социальный (поведенческий) признак правового нигилизма есть внешняя, поведенческая форма отношения перечисленных субъектов к праву, законодательству, правопорядку. Правовой нигилизм есть отрицание субъектом правовых отношений норм права в государстве» [13, с. 1317-1318].

В трудах российских ученых мы находим объяснение этому явлению российской действительности. Так, В.Г. Сафонов пишет: «Правовой нигилизм присущ русскому народу издавна, это... традиция. Нашему народу сложно двигаться вперед, последовательно проводя реформы, шаг за шагом обдумывая свои действия. Складывается впечатление, что наш путь – революции и «перестройки» под лозунгом «до основания, а затем...». Государство и общество пожинают сейчас плоды радикального правового нигилизма, который убирает из сознания субъекта все, оставляя лишь корысть и собственнические интересы. Воистину, Россия – страна крайностей» [19, с. 29].

На ментальность как источник правового нигилизма у российских граждан указывает А.Н. Зрячкин: «Одним из постоянных источников правового нигилизма можно считать своеобразный российский менталитет, точнее, его отдельные черты. Для него

характерно неуважительное отношение к законам, порядку. К сожалению, мы не слышим в мире, в отличие, например, от японцев, англичан, немцев, законопослушной нацией» [5, с. 23].

Рассматривая ментальные черты русского народа, его вековые пристрастия не быть законопослушным субъектом правовых отношений в государстве, некоторые авторы обращаются к историческим корням, чтобы объяснить причины такого явления и констатировать этот факт как сущностную сторону правового бытия русского народа. Например, Р.А. Ромашов и Е.Г. Шукшина утверждают, что «обращение к истории развития российского общества дает возможность выявить его особенности, наглядно отраженные в правовой культуре: это многовековые пласты патриархально-коммунитарного, общинного менталитета, с его как отрицательными, так и положительными свойствами, конформизм и одновременно нетерпимость, явно пренебрежительное отношение к закону при не менее очевидном уважении к «порядку», неприязнь к власти в целом и в то же время надежда, вера в доброго, справедливого лидера, вождя, при длительном отсутствии значимых демократических свобод постоянное стремление к «воле», творческому развитию личности и многое другое» [17, с. 2].

Названные явления и находят свое отражение в правовом сознании русского народа. Именно на это указывает О.П. Сауляк, когда пишет, что характерной чертой российского правосознания практически всегда было не уважительное отношение к праву, а явление, ему противоположное, т.е. правовой нигилизм [18, с. 2]. При этом ученые, указывая на правовой нигилизм как родовую черту русского народа, подчеркивают правопослушность граждан западных государств.

Стремление сравнивать российскую действительность с западной является общим для всех исследователей, кто придерживается методов механического переноса опыта народов западных стран на почву российской действительности, хотя все отлично понимают, что исторический опыт формирования правового государства на Западе и в России радикально отличается. Современный русский философ А. Зиновьев указывает на то, что западные образцы создания правового государства формировались веками, в конкретных условиях западного мира, в ожесточенной социальной борьбе, в опустошительных войнах, путем огромных усилий, жертв и потерь. Они не являются универсальными, пригодными в одинаковой мере для всех других государств. «Одни и те же образцы в различных условиях дают различные результаты, порою – прямо противоположные. Даже в тех случаях, когда они в какой-то мере применимы в незападных странах, их нельзя переносить в эти страны без учета всей совокупности конкретных условий этих стран. Такой бездумный перенос неизбежно ведет к разрушительным, порой к катастрофическим последствиям в западнизируемых странах» [3, с. 413].

Данные высказывания особенно актуальны в эпоху радикальных перемен в обществе, когда мы продолжаем «списывать» опыт европейцев, оценивать себя с позиции европейцев, но как не думали, так и не хотим думать с позиций русского бытия и находить ответы, исходя из этого бытия. Чтобы рассмотреть отношение русского народа к праву, его правовое сознание, нам, действительно, надо обратиться к истории, но к истории своей, русской, а не западной. Необходимо понять, какие особенности бытия влияют на формирование правового сознания, чем оно отличается от правового сознания народов Западной Европы, и искать объяснение правового нигилизма в русских объективных условиях, определяющих особенности правосознания русского человека. «Более века, – пишет П.П. Марченя, – в исторической, общественно-политической и даже юридической литературе находит своих благодарных читателей (и, разумеется, имеет своих писателей) миф о «правовом нигилизме» русского народа, неспособного якобы к осознанию ценности права и, соответственно, имманентно невосприимчивого к правовым идеям и равнодушного к исторической судьбе собственного государства... Несмотря на свой абстрактный характер, общественное правосознание всегда «заземлено» и генетически привязано к национально-историческим особенностям

культуры, религии и социальной структуре конкретного государства и общества. И это позволяет нам говорить о российском правосознании, американском, немецком и т.д.» [8, с. 20-22].

На какие особенности исторического развития России, а значит, и особенности русского правосознания указывали российские и западноевропейские ученые?

Во-первых, необходимо указать на то, что на развитие права, политики и других форм общественного сознания существенное влияние оказывают господствующие производственные отношения. Ядро производственных отношений составляют отношения собственности. Какова природа производственных отношений, таковы будут и доминанты в социальной, политической и духовной сферах жизни общества. Производственные отношения, исторически складывающиеся в российской экономике, качественно отличаются от западных. Если на Западе господствует рынок, который опирается на идеи экономической свободы и защиты прав личности, то в России доминируют отношения раздатка, основу которого составляют идеи справедливости и общественного служения. О.Э. Бессонова пишет, что «выживание суперэтноса здесь обеспечивается базовыми институтами раздатка, а рыночные институты выполняют компенсаторскую функцию» [1, с. 18]. Рассматривая структуру раздаточной экономики, она выделяет такие ее элементы, как общественно-служебная собственность, служебный труд, раздачи, сдачи, финансовые институты раздатка, административные жалобы [1, с. 19-34]. Данная система производственных отношений будет определять взаимодействие государства и личности, именно природа этих отношений поставит человека в те зависимости, которые и обеспечат выживание общества. По логике своего развития, политические, правовые отношения в Российском государстве должны отличаться от западных, потому что основу их бытия составляет другая доминанта выживания.

На протяжении всего исторического развития России просматривается одна господствующая линия, и эта линия связана с укреплением власти, будь то власть великого князя или власть президента. Процесс укрепления центральной власти по отношению к другим субъектам в государстве начинается с истоков формирования Русского государства. Расширение центральной власти постоянно происходило на фоне усиления ее контроля за наделами сельскохозяйственных земель. Формировалось вотчинное хозяйство, в котором был один хозяин, т.е. царь московский, а все остальные считались его подданными, или вассалами. Главная характеристика русской системы власти – это концентрация власти в одном центре, и здесь это слово должно писаться с большой буквы – «Власть». Она – ведущее действующее лицо русской истории, в ходе которой меняются лишь наименования: царь, император, генеральный секретарь, президент. Эта Власть персонифицирована, в отличие от Запада, где она имеет абстрактную природу и не является личной прерогативой правителя [14; 22].

Концентрация власти в одном центре «русской системы» выражается, в частности, в том, что на протяжении пяти столетий в России существовали два параллельных вида высших административных организаций, управляющих страной: с одной стороны, приказы XVI-XVII вв., коллегии XVIII в., министерства XIX-XX вв., а с другой – государев двор XVI-XVII вв. (в XVIII в. – Императорский двор), Собственная Его Императорского Величества Канцелярия XIX в., ЦК КПСС – XX в. В настоящее время это Администрация Президента Российской Федерации. При этом Двор – Канцелярия – ЦК – Администрация занимаются всем, и сфера их деятельности и полномочий не ограничена. Они действуют от имени и по поручению Власти, обслуживают ее, транслируют ее волю и решения «посредствующим властям» и обществу.

В последние годы кое-что в русской системе Власти так или иначе переменялось, что-то ушло в прошлое, появилось новое, но суть системы и ее природа остались прежними. Выйдя из пункта «А», Россия вновь пришла к пункту «А». Ныне Власть готова устанавливать институты, внешне являющиеся правовыми и демократическими, но

смысл всех этих действий, как и прежде, заключается в укреплении самой себя, т.е. Самовласти [12, с. 503; 11, с. 415].

«Идея закона, – пишут И.Н. Сенин и В.В. Кожевников, – изначально ассоциировалась на Руси с главой государства, монархом, а не с юридическими нормами. Право воспринималось как приказ государственной власти... На Руси всегда правили люди, а не законы. Отсюда – неприятие закона, как свойство русской природы» [20, с. 6-7]. Государство изначально противостоит русскому человеку как нечто враждебное, и на него, как на врага, не распространяются моральные запреты: его можно обмануть; у него можно красть; обещания, данные государству, можно не выполнять.

Неограниченный контроль государства над обществом и невозможность влияния гражданского общества на Власть формируют особый вид взаимодействия между субъектами правовых отношений в государстве, с одной стороны, и Властью, точнее, с его управленческим аппаратом, с другой стороны. Здесь выстраивается отличная от Запада система отношений, а именно система полного господства Власть над остальными субъектами права в государстве. Эта система должна найти свой способ управления, обеспечивающий решение как насущных задач, стоящих ежедневно перед государством, так и стратегических, обеспечивающих его жизнедеятельность во взаимодействии с другими общественными системами окружающих его государств и народов.

Такая система управления, будучи отражением объективных законов функционирования русского общества, складывается, приобретая черты, свойственные только этой цивилизации. А.П. Прохоров, характеризуя эти особенности, пишет: «В системах управления западных стран перераспределение ресурсов в пользу победителя является результатом конкурентной борьбы, ее итогом. В России же период нестабильного состояния системы управления – период «конкуренции администраторов» – заключается в том, что перераспределение ресурсов разворачивается с самого начала, еще до того, как конкуренты получили конечный результат своей деятельности. Уже по первым шагам, по начальным попыткам кластерных ячеек достичь результата система управления делает вывод о том, кто из конкурентов победитель, а кто аутсайдер, кого финансировать, а кого ликвидировать, кого повышать по должности, а кого увольнять. За долгие столетия указанный подход к конкуренции как к борьбе за волевое распределение ресурсов вошел в плоть и кровь русской модели управления, въелся в стереотипы поведения людей» [15, с. 45-46].

Следует согласиться с ученым в том, что аварийно-мобилизационное состояние управления не может продолжаться бесконечно, в обществе вырабатываются защитные механизмы, граждане уклоняются от выполнения обязанностей, учатся избегать репрессий, а система постепенно переходит в застойное состояние. В связи с этим система оказывается ввергнутой во внутренний конфликт: от всех звеньев управления ожидается неукоснительное выполнение требований и максимальная отдача, выдвигаются непомерные требования и к начальникам, и к подчиненным. Граждане же отказываются жертвовать собой, а организации – своими подчиненными.

В других странах подобный конфликт привел бы к чему-то аналогичному: гражданской войне, революции, внутреннему распаду и дезорганизации. Он разрушил бы систему управления, а вместе с ней и общество. Но с Россией этого не случилось, так как был достигнут исторический компромисс между системой управления и населением. Выработалась особая технология достижения равновесия. Указанный компромисс заключается в формальном соблюдении обязанностей.

В общем характер российского общества, в отличие от западноевропейского, определяется не столько соглашением подданных и государственной власти об обоюдном соблюдении законов, сколько молчаливым сговором о безнаказанности при их несоблюдении [15, с. 45-46]. Этот молчаливый сговор не есть нечто худшее для русского человека, он есть необходимое условие, которое позволяет ему сохранить свою правовую природу и бороться за свои права. В противном случае сила государственной ма-

шины смела бы его со своего пути, невзирая ни на какие жертвы, что и происходило в отечественной истории, когда русский человек начинал открыто бороться за свои права.

Русский человек, реализуя свои права, в большей своей степени думает о правде, чем о законе. Российская правовая мысль с эпохи Киевской Руси устами митрополита Киевского Иллариона говорит о правде как основе правовых отношений в обществе, в то время как западная – о законе [6, с. 34-42; 16; 21]. Содержательное отличие правды от закона довольно значительно, но в России, особенно с эпохи Петра I, все говорят о законе, а правду забыли. Правду можно забыть в интеллектуальном дискурсе, не учитывав в законодательной деятельности, но ее нельзя вытравить из глубинных оснований массового сознания русского народа. Правда призывает к справедливости не только по закону, она взывает к правде нравственной, ядро которой составляет справедливость. Для русского человека закон без нравственности – это только закрепленные права господствующего класса, который думает не об общественном благе, а о собственных личных, эгоистических интересах. Такой закон он внутренне не принимает, потому что считает его несправедливым, но за ним стоит сила государства, вследствие этого он формально вынужден ему подчиниться. Но формальное подчинение, без внутреннего осознания его важности и необходимости, приводит к правовому нигилизму.

Итак, природа русского общества, его правовая действительность имеют фундаментальные отличия от западного общества в своем функционировании. Российская правовая мысль должна ответить на вопрос «Что такое «правда» и как ее идеи воплотить в законодательном творчестве?» Поэтому решение вопроса о повышении ценности права в российском обществе, снижении степени влияния правового нигилизма на жизнь граждан Российского государства должно опираться на знание особенностей функционирования русской цивилизации.

Современное положение России ставит ее перед выбором: или она сумеет найти адекватный ответ и построить систему отношений в обществе, позволяющую формировать конкурентную среду и независимую личность, для которой закон, право и справедливость будут фундаментальной ценностью, и тогда Россия сохранится в лоне русской цивилизации и найдет при этом точки соприкосновения с Западом, или очередная попытка построения правового государства будет неуспешной, как и прежние, – на разных этапах его исторического развития.

Однако в XXI в. успешное развитие России как самобытной цивилизации возможно только при условии формирования конкурентной среды и при господстве права – главной ценности для всех субъектов правовых отношений. Здесь можно снова повторить слова известного русского правоведа П.И. Новгородцева: «Если Россия... не поверит в силу права... она никогда не будет иметь успеха ни в каких делах своих, ни внешних, ни внутренних» [10, с. 137].

Для того чтобы право стало играть в обществе основополагающую роль, чтобы оно опиралось не на призывы к субъектам о необходимости соблюдения закона, а на потребность жить по закону, нужно обеспечить появление в обществе носителей правовых обязанностей, не формальных, а реальных, т.е. тех, кто имеет возможность принимать решения в экономике, влиять на формирование институтов власти, а также контролировать работу всех ее ветвей.

Для России остается актуальной задача развития среднего бизнеса, гражданского общества и ограничения власти государства. Представители частного сектора экономики должны создавать конкурентную среду государственному сектору, обеспечивать прохождение своих представителей во власть и через них защищать свои интересы, ограничивая при этом личные устремления чиновников. Выравнивая экономическое развитие частного сектора и государственного, возможно и политически ограничить власть государственных чиновников, делая их более ответственными за соблюдение закона в

государстве. Тогда и появятся реальные условия формирования у граждан России правового сознания, ядро которого будет составлять ответственность перед законом.

Литература

1. Бессонова О.Э. Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции. М., 2015.
2. Глушаченко С.Б., Савкина М.Е. Исторический анализ нигилизма в Западной Европе и России // История государства и права. 2004. № 1.
3. Зиновьев А. Русская трагедия. М., 2008.
4. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М., 2013.
5. Зрячкин А.Н. Правовой нигилизм: причины и пути их преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007.
6. Илларион. Слово о законе и благодати. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. IV. М., 1999.
7. Крашенинников П. 12 апостолов права. 2-е изд. М., 2016.
8. Марченя П.П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2.
9. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 9. Черновики и наброски 1880-1882 гг.
10. Новгородцев П.И. Об общественном идеале. М., 1991.
11. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993.
12. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2003.
13. Петручак Л.А. Правовой нигилизм в современной России // LexRussica. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2008. № 6.
14. Пивоваров Ю.С. Русская власть и публичная политика // ПОЛИС. 2006. № 1.
15. Прохоров А.П. Русская модель управления: компромисс между системой и населением // Вопросы философии. 2003. № 2.
16. Рачков П.А. Правда и справедливость // Вестник Московского университета. Философия. 1996. № 1.
17. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Правовая культура и правовой нигилизм в молодежной среде // История государства и права. 2006. № 2.
18. Сауляк О.П. Правовой нигилизм как инвариант отечественного правосознания // Российская юстиция. 2009. № 9.
19. Сафронов В.Г. Правовой нигилизм и экономика России: современное состояние // Законодательство и экономика. 2004. № 5.
20. Сенин И.Н., Кожевников В.В. Правовой нигилизм как социальное явление. Омск, 2005.
21. Черников М.В. Философия правды в русской культуре. Воронеж, 2002.
22. Шкаратан О.И. Евразийский вектор русского цивилизационного транзита. Статья 2. Исторические корни специфической русской цивилизации и направления ее транзита // Общественные науки и современность. 2004. № 4.

УДК 340.1

**ЗАРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУЧНОЙ РАЗРАБОТКИ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
(КОНСТИТУЦИОННОГО) ПРАВА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(XIX – НАЧАЛО XX В.)**

Евгений Александрович Апольский, доцент кафедры Ставропольского университета кандидат юридических наук, доцент

E-mail: apolski@mail.ru

В статье анализируются цели, задачи, содержание и результаты магистерских и докторских диссертаций по государственному праву, защищенных в императорских российских университетах в конце XIX – начале XX в. Предпринята попытка систематизировать полученные авторами результаты по критерию отнесения их к формам теоретического знания. Сделаны выводы относительно научной картины дореволюционной диссертационной разработки общетеоретических вопросов науки государственного (конституционного) права.

Ключевые слова: государственное (конституционное) право; диссертация; университет; Российская империя.

**GENESIS OF THE NATIONAL SCIENTIFIC DEVELOPMENT
OF THEORETICAL PRINCIPLES STATE (CONSTITUTIONAL)
LAW IN THE RUSSIAN EMPIRE (XIX – EARLY XX CENTURIES)**

Evgeniy Aleksandrovich Apolski, chair associate professor of the Stavropol University *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

The article analyzes the goals, objectives, content and results obtained in the master's and doctoral theses in state law, protected in the imperial Russian universities in the late XIX – early XX centuries. An attempt to systematize the results obtained by the authors with the criteria of classification with forms of theoretical knowledge was done. Conclusions regarding the scientific picture of there-revolutionary the sis working of the general theoretical questions of the state (constitutional) rights science were made.

Keywords: state (constitutional) law; thesis; university; Russian empire.

Считая бесспорным утверждение о том, что фундаментом и двигателем любой науки являются диссертационные исследования, а также тот априорный факт, что современное развитие научных знаний невозможно без учета и анализа предшествующих исследований, исторических аспектов возникновения и развития разработки того или иного института (отрасли) права, мы обратились к изучению дореволюционных магистерских и докторских диссертаций по государственному праву, защищенных в императорских российских университетах. Основные задачи при этом заключались в том, чтобы найти истоки диссертационной разработки общей теории государственного (конституционного) права, проанализировать содержание и результаты, полученные авторами в работах, выявить и систематизировать формы теоретического знания (гипотезы, научные идеи, концепции, понятия, теории и т.д.), представленные в указанных исследованиях.

Ставилась при этом и сугубо практическая цель: снабдить современных ученых (в основном молодых и занимающихся подготовкой своих диссертаций к защите) определенной базой данных научных результатов, полученных государствоведами Россий-

ской империи в диссертациях по государственному праву, для определения новизны, актуальности и результативности сегодняшних научных изысканий.

В итоге установлено, что за весь период функционирования императорских российских университетов (вплоть до 1918 г.) в России было защищено лишь четыре диссертации, предметом которых являлись вопросы общей теории государственного (конституционного) права [5; 6]. Это магистерские работы Н.М. Коркунова (Русское государственное право. Введение и общая часть. Дерптский (Юрьевский) университет, 1893 г.) и С.А. Котляревского (Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. Харьковский университет, 1907 г.) и докторские диссертации Ф.В. Тарановского (Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Санкт-Петербургский университет, 1911 г.) и В.М. Гессена (Основы конституционного права. Московский университет, 1916 г.).

Рассмотрим в хронологическом порядке указанные работы, проанализируем их цели, задачи и полученные авторами результаты.

Из четырех диссертаций по теоретическим вопросам государственного (конституционного) права наиболее ранней является магистерское исследование Н.М. Коркунова «Русское государственное право», том первый которого был защищен в Дерптском (Юрьевском) университете в 1893 г. В сегодняшнем понимании эта диссертация представляет собой учебник, хотя формы научного знания автор в нем представил. Во введении рассмотрены понятие, юридическая природа, задачи и происхождение государства, различные формы и соединения государств, представлен обзор литературы русского государственного права и обозначена система изложения курса [2, с. 1-130]. В Общей части ученый поместил четыре отдела: 1) государственный строй России (государственное единство и устройство); 2) субъект государственного права (монарх, подданные, их разряды, иностранцы); 3) объект государственного права (государственная власть, ее органы и границы); 4) содержание государственного отношения (права монарха, права и обязанности подданных, воинская повинность, военное положение).

Отметим формы теоретического знания, выведенные в работе.

Прежде всего следует выделить предложенное *понятие* государства – общественный союз, представляющий собой самостоятельное и признанное принудительное властвование над свободными людьми [2, с. 4]. Также сформулирована *научная идея* относительно системы науки государственного права: система изложения государственного права должна определяться юридической конструкцией государства. Этим определяется разделение системы государственного права на четыре основных отдела: 1) общая характеристика государственного строя, 2) учение о субъектах государственного отношения – монарха и подданных, 3) учение об объекте – о власти, ее функциях и органах и 4) учение о содержании государственного отношения – о правах и обязанностях монарха и подданных.

По ходу освещения основных аспектов государственного права Н.М. Коркунов высказывал некоторые научные идеи:

- подчинение государственной власти, как основанное на праве и имеющее форму обязанности, менее стесняет личную свободу, чем подчинение другим проявлениям власти общества над личностью как основанным (за исключением церковной власти) на голом факте и имеющим форму необходимости;

- основной причиной, порождающей образование государства, следует признать не завоевание одного племени другим, а борьбу между различными племенами, приводящую к большей их сплоченности и к возникновению в каждом из них объединяющей власти первоначально только во время войны, но затем получающей значение и в мирное время;

- при изложении русского государственного права применялись три различные системы: 1) изложение в порядке отдельных томов Свода законов; 2) деление всего из-

ложения на учение о власти и учение об обществе; 3) разделение государственного права на право устройства и право управления;

- понятие самодержавия объемлет собой понятие неограниченности в смысле сосредоточения в руках монарха всей полноты государственной власти. Если Основные законы наряду с самодержавием упоминают еще и о неограниченности власти, то только для большей ясности. Иначе неограниченность не могла бы быть опущена в определении власти Императрицы во всем равной с властью Императора;

- судебный элемент в губернском присутствии представлен гораздо слабее, чем в уездном съезде, и потому, как это ни странно, смешение административных и судебных функций оказывается в высшей инстанции сильнее, чем в низшей;

- довольствуясь очень низким образовательным цензом, наше законодательство, однако, косвенно старается побудить поступающих на государственную службу приобретать более высокое образование, связывая с ним некоторые преимущества в прохождении службы;

- существование бесконтрольной власти начальства над подчиненными прежде всего противоречит тому основному началу, провозглашаемому и нашим законодательством, что подчиненный исполняет лишь законные распоряжения начальника. Для этого подчиненному необходимо пользоваться некоторой самостоятельностью, чего, конечно, не может быть, если начальник может во всякое время уволить подчиненного без объяснения причин;

- общее избирательное право должно быть признано предпочтительнее всяких его ограничений [2, с. 25, 34, 127, 155, 239, 282, 284, 304].

Таким образом, Н.М. Коркунов по ходу изложения основных положений и норм государственного права делает критические замечания, указывает на неопределенные до конца правовые нормы, допускающие различное толкование, другими словами, не ограничивается лишь пересказом содержания законодательных требований. В силу того, что магистерская диссертация имеет внешнюю форму только первой части большого научного труда, заключения в книге нет. Научный результат представляет само изложение с элементами глубокого анализа основ государственного права, а также те формы научного знания, которые обозначены выше.

Следующей по времени – 1907 год – стала магистерская диссертация С.А. Котляревского «Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора», защищенная в Харьковском университете.

Объектом указывается «современное конституционное государство, которое мы встречаем в Западной Европе и за ее пределами» [3, с. 35], а в качестве цели выбран политико-морфологический обзор конституционного государства, т.е. изучение последнего «со стороны форм распределения в нем власти» [4, с. 222]. При этом автор собирался изучить механизм политических учреждений сам по себе, независимо от того, в каких юридических категориях он мыслится и эквивалентом каких социальных сил он является.

Характерной особенностью выбранного метода исследования является то, что, в отличие от юридического метода с его формальным определением публичных правомочий и компетенций, такой способ раскрывает скрытое в правомочиях и компетенциях действительное распределение власти. Отличие от социально-исторического метода, по словам автора, состоит в том, что политико-морфологическое исследование отделяет формы распределения власти от тех социальных сил, отражением которых является политическая организация. Особенность методологического подхода автора проявляется и в том, что, как утверждает Ф.В. Тарановский, политико-морфологическая точка зрения не исключает двух других, а лишь подчиняет их себе, т.к. С.А. Котляревский «сплошь и рядом прибегает и к юридическим формам, и к социально-историческому объяснению действительного распределения власти» [8, с. 278].

Отталкиваясь от выбранного метода, С.А. Котляревский помимо «механического» сопоставления разнообразных форм распределения власти систематизирует эти формы и получает «нечто большее, чем простую классификацию», а именно ряды постепенных переходов от одних форм к другим. При этом «установление, систематизация и констатирование превращений форм распределения власти производятся автором применительно к избранному им для изучения одному основному типу политического строя – к конституционному государству» [8, с. 281].

Для определения сущности конституционного государства выбран основной критерий – политическое самоопределение народа [4, с. 9], и, как следствие, конституционное государство названо формой политического самоопределения народа. Этот же критерий кладется в основу выделения типов конституций государств, которые суть: а) основанные на народном суверенитете и б) октроированные. Общая же *классификация* конституционных государств, по мысли автора, определяется на основе следующих базовых критериев: 1) октроированный порядок власти либо народный суверенитет; 2) непосредственное участие населения в политической «работе» либо участие через своих представителей; 3) гибкий порядок изменения конституции страны (аналогичный порядку изменения обыкновенных законов) или сложный порядок изменения конституции («малоподвижная» конституция); 4) сосредоточение власти в руках центрального правительства либо разделение власти между центральным правительством и местными органами (или несамостоятельными государствами, входящими в федеративный союз); 5) более или менее признанные и обеспеченные субъективные публичные права граждан и ограниченная правительственная власть либо отсутствие таковых оснований [3, с. 116]. Автор, однако, не указал наименование видов (типов) конституционных государств, формирующихся под действием указанных им критериев или их совокупности.

Во второй части исследования С.А. Котляревский анализирует распределение власти между ее ветвями (законодательной, исполнительной и судебной), излагая их организацию и компетенции. По мнению рецензента работы, заслуживают внимания и положительной оценки учение об избирательном праве, определение значения парламентаризма и установление роли суда в деле наблюдения за конституционностью законодательства и законностью управления.

Побудительным мотивом к написанию Ф.В. Тарановским докторской диссертации «Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке», защищенной в Санкт-Петербургском университете в 1911 г., стали выводы, полученные при подготовке магистерской работы, а именно тезис о том, что догматизация положительного государственного права должна была развиваться повсюду, где публично-правовые конфликты являлись предметом судебного разбирательства [7, с. IV]. Эта мысль заставила автора обратиться к исследованию вопроса о состоянии и развитии догматики положительного государственного права при старом порядке во Франции.

Как поясняет ученый, предлагаемое им исследование приводит к выводу о том, что во Франции, как и в Германии, развитие публично-правовой догматики старого порядка находится в непосредственной генетической связи с судебной практикой. Объем последней расширяется во Франции вследствие той добавочной чисто политической функции относительно регистрации законов, которую сверх обычного судебного рассмотрения отправляли французские суды публичного права. В центре его работы лежит изображение развития публично-правовой догмы французской монархии на почве парламентской юриспруденции. Историческая легитимация этой догмы и обоснование ее на Священном Писании являются лишь вспомогательными источниками исследования [7, с. V].

Исходя из заявленных задач, автор последовательно рассмотрел в работе университетскую науку права и ее отношение к публично-правовой догматике; попытки систематического изложения положительного государственного права французской монархии в XVI-XVII вв.; систему парламентской догмы положительного государствен-

ного права в XVIII в.; догматизацию положительного государственного права в судебной практике парламентов; догматизацию положительного государственного права в парламентских представлениях до XVIII в.; догматизацию положительного государственного права в парламентских представлениях XVIII в. и отражение парламентской догмы в литературе; историческое обоснование догмы положительного государственного права; обоснование парламентской публично-правовой догмы на Священном Писании.

Основные результаты исследования представлены в положениях к диссертации. Первая часть из них охватывает выводы из разработки университетской науки права и попыток изложения положительного государственного права, а именно:

1) вследствие сосредоточения университетского преподавания права на цивилистике литература старого порядка по положительному государственному праву была скудна;

2) начало систематической разработке положительного государственного права положено политическими трактатами Сейсселя и DuHaillan'a с их учением о сдержках королевской власти;

3) сделанный Дома опыт построения рациональной системы французского государственного права привел к рациональному оправданию крайнего абсолютизма и явился шагом назад сравнительно с учением о сдержках королевской власти. У Дома не оказалось последователей среди юристов-публицистов;

4) наиболее законченная юридическая конструкция государственного строя дана в XVIII в. в коллективном трактате парламентариев «Maximes dudroit public francais»;

5) положительное государственное право при старом порядке подвергалось догматизации в судебной и политической практике парламентов.

Остальная часть положений содержит выводы относительно политической и судебной практики парламентов, а также парламентской догмы:

а) судебная практика парламентов конструировала суверенные права королевской власти со стороны их полноты и абсолютности;

б) политическая практика парламентов, выражавшаяся в представлениях (ремонстрациях), конструировала преимущественно законные ограничения королевской власти при конкретном ее осуществлении;

в) оба течения парламентской практики находили себе отражение в публично-правовой литературе XVI-XVIII вв. с ее учениями о суверенной и закономерной монархии;

г) парламентская публично-правовая догма придавала основное конституционное значение институту охраны законов, который локализовала в парламентах. На этом пути она сталкивалась с политическими притязаниями дворянства и третьего сословия;

д) противники обвиняли парламенты в узурпации; необходимость защититься от такого обвинения приводила парламентариев к своеобразной исторической легитимации публично-правовой догмы;

е) Ш. Монтескье сочетал парламентскую конструкцию закономерной монархии с дворянской. Парламентарии решительно отвергли дворянский придаток к их построениям;

ж) в духе церковной лояльности парламентская догма признавала Божественное установление монархической власти, но принимала только такое его истолкование, которое не противоречило институту законных сдержек единоличной власти короля.

Хронологически последней в ряду работ по теоретическим основам конституционного права стоит докторская диссертация В.М. Гессена на тему «Основы конституционного права», защита которой состоялась в 1916 г. в Московском университете.

К сожалению, в диссертации нет введения или предисловия, поэтому о целях, задачах и методах исследования можно только догадываться. Тем не менее, структура работы определенным образом свидетельствует о намерениях автора. В частности, ав-

тор выделил шесть глав, последовательно раскрывающих такие сферы науки конституционного права, как: 1) абсолютная монархия и конституционное государство; 2) теория народного представительства; 3) конституционный монарх; 4) избирательное право; 5) двухпалатная система; 6) министерская власть. В работе проанализирован объемный массив нормативных актов и конституций европейских государств, стран Латинской Америки и Азии.

Рассмотрение выводов начнем с выдвинутого тезиса относительно отделения судебной функции от законодательной в период развития абсолютной монархии. Подобное разделение явилось «непосредственным результатом естественного развития политической жизни; уже по одному этому несправедливо считать начало обособления властей абстрактным измышлением теоретической мысли, неприменимым к действительности» [1, с. 15]. Ученый обнаруживает *закономерность* в том, что если в отношении к обособлению судебной власти практика предшествует теории, то в отношении к обособлению правительственной власти теория предшествует практике. Отделение же правительственной власти от законодательной, другими словами, возникновение правового государства оказалось возможным благодаря великим завоеваниям освободительной философии XVIII в. Еще одним тезисом относительно власти в конституционной монархии можно считать утверждение о том, что в конституционной монархии обособление властей является несомненным фактом; законодательная власть осуществляется сложным органом – «королем в парламенте», правительственная – простым и единоличным монархом [1, с. 34].

Во второй главе В.М. Гессен касается теории народного представительства и приходит к следующему выводу: все системы представительства похожи в том, что: а) являются представительством по умолчанию, аналогичным частноправовому институту представительства; б) не являются народным представительством в современном значении этого слова: теория народного суверенитета, осуществляемого народом как целым, через посредство уполномоченных им представителей, органически чужда исторической действительности дореволюционной эпохи. Идея народа возникает и складывается на почве могучего умственного движения XVII–XVIII вв. в доктрине естественного права [1, с. 81].

В течение всего исследования автор постоянно обращается к теории Ш. Монтескье и даже дает ей общую характеристику: «Теория представительства Монтескье не может считаться законченной, свободной от внутренних противоречий. И если, тем не менее, теория эта оказывает огромное влияние на политическую мысль революционной эпохи, то это объясняется тем, что именно в ней народное представительство рассматривается впервые, как наиболее необходимый, основной элемент рационально организованного государственного строя. Историческое значение теории Монтескье заключается не столько в выяснении существа народного представительства, сколько в доказательстве его необходимости, предпочтительности его пред непосредственным народом-властием. Теория Монтескье является апологией представительного строя» [1, с. 95].

Категорично ученый высказывается и против внедрения пропорциональной избирательной системы, говоря, что «необходимым предположением реформы избирательного права на основе пропорциональных выборов является продолжительное и нормальное функционирование представительного строя. Лишь после того, как политические течения общественной мысли кристаллизуются в политические партии и каждая партия определится в своей программе и организации, замена мажоритарной системы пропорциональной становится, если не вполне необходимой, то, во всяком случае, возможной и желательной» [1, с. 322].

В главе о двухпалатной системе В.М. Гессен также однозначно и жестко утверждает о необходимости формирования разноплановых, отличных друг от друга палат парламента. Подводя итог исследованию начал организации большинства западноевропейских верхних палат, ученый замечает, что в основе их лежит идея представитель-

ства аристократического или классового меньшинства. Говоря далее, что иначе и не может быть, В.М. Гессен формулирует *концепцию* различного состава палат парламента: «для того, чтобы осуществлять свою роль умеряющего и сдерживающего начала, верхняя палата должна быть по своему социальному составу отличной от нижней. Две палаты, дублирующие друг друга, – политический абсурд... Восставать против классового характера верхней палаты – значит становиться в непримиримое противоречие с самой собой... Верхняя палата должна быть не демократической, больше того, антидемократической палатой. Она является, по самому смыслу своего существования, одной из многочисленных плотин, воздвигнутых современным человечеством, для защиты от демократического потопа существующего политического и социального порядка... Исторической, а не логической необходимостью определяется организация верхних палат. Для того, чтобы служить умеряющим и сдерживающим началом в отношении к демократической нижней палате, современная верхняя палата должна быть представительством наиболее влиятельного меньшинства – меньшинства богатых» [1, с. 334, 364].

Выводы по ходу исследования обобщены и представлены в виде общего заключения к работе. Основные положения диссертации В.М. Гессен сформулировал следующим образом:

- современное государство отнюдь не является логическим развитием какого-либо общего начала, лежащего в его основе. Напротив, оно построено на искусственном компромиссе существенно различных (нередко противоположных) начал; и во всяком случае, оно не может быть признано истинно демократическим государством – государством народного суверенитета;

- в течение XIX в. демократизация государственного строя делает весьма заметные успехи: избиратели на выборах определяют не только состав представительных собраний, они предпрещают судьбу важнейших законодательных реформ, вверяют правительственную власть определенной партии, указывают направление и ставят ближайшие цели правительственной деятельности государства;

- излюбленной темой европейской публицистики конца XIX – начала XX в. является «кризис современного государства» и «кризис современного правосознания»;

- основные институты современного государства (монархическая власть, представительный строй, двухпалатная система, даже парламентаризм в его современной организации) стоят в непримиримом противоречии с началом народного суверенитета;

- демократическая эволюция государственного строя исторически неотвратима. Для того, чтобы примирить демократию с культурой, необходимо укрепление и развитие правовых основ современного общежития; в неприкосновенности моего права – спасение человечества от демократического деспотизма [1, с. 438-439].

Итак, по результатам рассмотрения диссертаций можно систематизировать формы научного знания, выведенные авторами. Всего выявлено пять таких форм: 1) *понятие* государства (Н.М. Коркунов, 1893 г.); 2) *научная идея* относительно системы науки государственного права (Н.М. Коркунов, 1893 г.); 3) *классификация* конституционных государств на основе базовых критериев (С.А. Котляревский, 1907 г.); 4) *закономерность* обособления судебной и правительственной власти в абсолютной монархии (В.М. Гессен, 1916 г.); 5) *концепция* формирования состава палат парламента (В.М. Гессен, 1916 г.).

Кроме того, анализ показал, что в дореволюционный период вплоть до начала XX столетия совершенно отсутствовали диссертационные исследования относительно общетеоретических вопросов науки государственного (конституционного) права. Рассмотренные четыре работы свидетельствуют о появлении научного интереса к разработке указанных вопросов, а также о достижении наукой государственного (конституционного) права определенного теоретического и исследовательского уровня.

Литература

1. Гессен В.М. Основы конституционного права. Петроград, 1917.
2. Коркунов Н.М. Русское государственное право: пособие к лекциям. Т. I. Введение и общая часть. СПб., 1892.
3. Котляревский С.А. Избранные труды / сост. К.А. Соловьев. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
4. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. СПб., 1907.
5. Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на юридических факультетах университетов Российской империи (1755-1918): библиографический указатель / сост., предисл. и науч. ред. А.Н. Якушева. Ставрополь: Сан-Сан, 1998.
6. Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России // История СССР. 1985. № 2.
7. Тарановский Ф.В. Догматика положительного государственного права во Франции при старом порядке. Юрьев, 1911.
8. Тарановский Ф.В. Рецензия: С.А. Котляревский. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора // Журнал Министерства юстиции. 1907. Февраль.

УДК 343.13

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗЪЯТИЯ ОБРАЗЦОВ
ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ У ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ
В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Раиса Никитовна Мамошина, доцент кафедры
кандидат юридических наук, доцент;
Максим Анатольевич Мамошин, старший преподаватель
кандидат юридических наук
(Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: prozess_khv@mail.ru
mister.maxim83@yandex.ru

В статье затрагиваются актуальные вопросы, связанные с возможностью и допустимостью изъятия образцов для сравнительного исследования у физических лиц на стадии возбуждения уголовного дела. При анализе действующего уголовно-процессуального законодательства и практики его применения авторы приходят к выводу о наличии погрешностей в данной процедуре, что позволило им сформулировать некоторые предложения по ее совершенствованию.

Ключевые слова: образцы; следователь; физические лица; освидетельствование; судебная экспертиза.

**PROBLEMATIC ASPECTS OF WITHDRAWAL OF SAMPLES
FOR COMPARATIVE STUDIES IN INDIVIDUALS UNDER
CRIMINAL INVESTIGATION**

Raisa Nikitovna Mamoshina, chair associate professor *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor;
Maxim Anatolyvich Mamoshin, senior lecturer *Kandidat nauk* degree in Law
(Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article touches upon topical issues related to the possibility and permissibility of removal of the samples for comparative studies in individuals at the stage of excitation of criminal case. In the analysis of existing criminal procedural legislation and practice of its application, the authors come to the conclusion about the weak elaboration of this procedure that allowed them to formulate some proposals on its improvement.

Keywords: samples; investigator; individuals; examination; a forensic examination.

Проблемы, связанные с получением образцов для сравнительного исследования у физических лиц в стадии возбуждения уголовного дела, вызывают немалый интерес как в науке уголовно-процессуального права, так и в правоприменительной деятельности органов предварительного расследования. Следует заметить, что, к сожалению, в УПК РФ недостаточно четко разработан механизм, регулирующий данную процедуру, которая существенно затрагивает законные права и интересы личности. В связи с этим считаем необходимым уделить внимание некоторым, наиболее распространенным на

практике, проблемам получения образцов у физических лиц в стадии возбуждения уголовного дела и предлагаем свой вариант их решения.

Для начала необходимо определиться с тем, что в теории уголовного процесса принято понимать под «образцами». Данная дефиниция не содержится в действующем УПК РФ, но этот вопрос является весьма важным для понимания сути рассматриваемого явления.

По этому поводу различными учеными высказаны свои суждения, некоторые из которых мы приводим ниже. Так, Н.И. Долженко полагает, что образец для сравнительного исследования – «это материальный объект, несомненно происходящий от другого объекта и являющийся его частью либо отражающий его признаки, получаемый для проведения специальных исследований в целях идентификации или установления родовой (групповой) принадлежности идентифицируемого объекта, а также для установления других обстоятельств расследуемого преступления» [1, с. 43].

По мнению В.А. Жбанкова, образцы являются вещественными доказательствами и нет никакой необходимости выделять их в качестве самостоятельных объектов – носителей информации [2, с. 23].

Ряд авторов категорически не согласны с тем, что образцы для сравнительного исследования могут считаться вещественными доказательствами, поскольку они непосредственно не связаны с событием правонарушения. По их мнению, эти объекты имеют самостоятельный процессуальный статус и выполняют единственную функцию – связывают материальные объекты, фигурирующие или могущие фигурировать по делу в качестве вещественных доказательств, с событием преступления [3, с. 637].

Исходя из смысла ст. 9 Федерального закона «О государственной экспертной деятельности», под образцами для сравнительного исследования понимаются объекты, отображающие свойства или особенности человека, животного, трупа, предмета, материала или вещества, а также другие образцы, необходимые эксперту для проведения исследований и дачи заключения [6].

Мы, в свою очередь, предлагаем классифицировать образцы для сравнительного исследования по источнику формирования, разделив их на три группы:

1) образцы, полученные от физических лиц – участников уголовного судопроизводства, у которых в соответствии со ст. 202 УПК РФ следователь вправе получить образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования. Следует отметить, что не все участники могут быть подвергнуты процедуре изъятия образцов для сравнительного исследования, а только подозреваемый, обвиняемый, потерпевший и свидетель, когда возникает необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах;

2) образцы слеодообразования, источником которых являются объекты материального мира, выступающие в качестве доказательств по уголовному делу. К данной категории в соответствии со ст. 81 УПК РФ необходимо относить орудия преступления, документы, деньги, ценности, иное имущество, полученное в результате совершения преступления, и др.;

3) трупы, обнаруженные при осмотре места происшествия, а также различные животные, выступающие в качестве самостоятельных объектов получения образцов для сравнительного исследования.

Следует отметить, что УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. не регламентировали процессуальный порядок получения образцов для сравнительного исследования, и вообще такое процессуальное действие не было нормативно закреплено. С принятием УПК РСФСР 1961 г. следователю представилась возможность самостоятельно изымать образцы и назначать для их исследования судебную экспертизу. Но, как показывает практика, далеко не всегда самому следователю удается качественно и эффективно произвести эту довольно не простую процедуру по изъятию образцов для сравнительного исследования. Особенно это касается тех случаев, когда требуются определенные меди-

цинские познания и навыки их применения. В таких ситуациях следователю, чтобы, например, взять у подозреваемого (обвиняемого) образец крови, необходимо привлечь к участию специалиста в области медицины.

К сожалению, до настоящего времени на законодательном уровне не установлены конкретные обстоятельства обязательного участия специалиста в отборе образцов для сравнительного исследования. В части 3 ст. 202 УПК РФ расплывчато указывается, что в необходимых случаях получение образцов производится с участием специалиста.

Думается, что уже давно назрела необходимость внести уточнение в данную норму и изложить ее более конкретизированно. Предлагаем следующий вариант ее редакции: «О получении образцов для сравнительного исследования следователь выносит постановление. В случае необходимости получения биологических образцов от физического лица, в обязательном порядке должен участвовать специалист в области медицины. Во всех остальных случаях изъятие образцов для сравнительного исследования может производиться самим следователем либо специалистом».

Такая корректировка, на наш взгляд, сможет в большей степени гарантировать права участников этого процессуального действия, а также обеспечить безопасность жизни и здоровья лица, у которого производился забор образцов.

Возвращаясь к проблеме возможности и допустимости изъятия следователем, дознавателем образцов для сравнительного исследования у физических лиц на этапе проверки сообщения о преступлении, необходимо обратить внимание на ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в которой отмечено, что при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе их получать. К сожалению, данный посыл законодателя не безупречен и создает объективные трудности в практике его применения. Объясним, почему.

Как уже было отмечено выше, в зависимости от источника формирования, образцы для сравнительного исследования могут быть нескольких видов. Вообще, в ходе производства по уголовному делу следователь, дознаватель вправе получать образцы «неживого» происхождения (например, образцы – пробы материалов, веществ, сырья, предметы коллекции и т.д.) в рамках различных следственных и процессуальных действий, а также это может делать сам эксперт, если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы (ч. 4 ст. 202 УПК РФ). Вместе с тем надо понимать, что в стадии возбуждения уголовного дела в основном возникает потребность в получении образцов именно у физических лиц, и на этом аспекте мы сфокусируем наиболее пристальное внимание.

Согласно ч. 1 ст. 202 УПК РФ, следователь вправе получать образцы почерка или иные образцы для сравнительного исследования у подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, а также в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ у иных физических лиц в случаях, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах, и составить протокол в соответствии со ст. 166 и 167 УПК РФ. Получение образцов может быть произведено до возбуждения уголовного дела.

На первый взгляд кажется, что особых проблем при решении данной ситуации не возникает, так как закон разрешает изымать образцы для сравнительного исследования на этапе проверки сообщения о преступлении, когда уголовное дело еще не возбуждено. Вместе с тем, при внимательном изучении норм, которыми оперирует законодатель по данному вопросу, можно увидеть, что сам механизм реализации предлагаемого процессуального действия, которое, между прочим, носит принудительный характер и ведет к неблагоприятным последствиям для вовлекаемых в их производство лиц, четко не проработан.

Необходимо иметь в виду, что юридически таких участников, как подозреваемый (тем более обвиняемый), потерпевший, свидетель, на момент проведения проверки сообщения о преступлении еще не существует, и возникает вопрос, кого именно и в ка-

ком статусе следователь (дознатель) должен привлечь в принудительном порядке к даче образцов? Еще большее недоумение вызывает интерпретация ч.1 ст. 202 УПК РФ, которая гласит, что помимо подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ образцы для сравнительного исследования можно получать у иных физических лиц и представителей юридических лиц, если возникла необходимость проверить, оставлены ли ими следы в определенном месте или на вещественных доказательствах. Законодатель не разъясняет, кого конкретно необходимо относить к «иным лицам», каков их процессуальный статус, каковы их права и обязанности на этапе проверки сообщения о преступлении.

В Уголовном кодексе РФ в отношении «иных лиц» не предусмотрена ответственность за невыполнение требований следователя, дознателя предоставить образцы для сравнительного исследования. Что касается использования административного ресурса в решении данной ситуации, то, как справедливо отмечает профессор А.А. Сумин, ст. 17.7 КоАП РФ установлена административная ответственность за невыполнение законных требований следователя (дознателя), однако нельзя сказать, что эта норма может реально обеспечить выполнение указанных требований, поскольку санкцией за данное административное правонарушение является штраф в размере от 1 до 1,5 тыс. руб. для граждан и от 2 до 3 тыс. руб. для должностных лиц [7, с. 31].

Использование мер принуждения компетентными государственными органами и должностными лицами к субъектам, не имеющим конкретного процессуального статуса на стадии возбуждения уголовного дела, при производстве различных следственных и иных процессуальных действий – это проблема, которая будоражит научное сообщество уже на протяжении долгих лет. В связи с этим многие практические работники вообще отказываются от получения образцов для сравнительного исследования, если данная процедура требует применения принуждения к физическому лицу. Причины, по которым лицо не соглашается на предоставление образцов, могут быть самыми различными, например, боязнь заразиться ВИЧ-инфекцией при заборе крови. В качестве аргументации таких решений делается ссылка на ст. 20 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ», в соответствии с которыми «гражданин или его законный представитель имеют право отказаться от медицинского вмешательства или потребовать его прекращения» [5].

Конечно, после возбуждения уголовного дела у правоохранительных органов является более весомый арсенал методов и средств, при которых возможность применения мер принуждения сочетается с обязанностью следователя, дознателя быстро и полно раскрыть преступление, изобличить виновного. К тому же определяется четкий процессуальный статус участников, к которым эти меры могут быть применены. В рамках возбужденного уголовного дела основанием к применению принуждения будет являться часть 3 ст. 55 Конституции РФ, в которой прописано, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Что же касается стадии возбуждения уголовного дела, то рассматривать возможность применения принуждения при получении образцов для сравнительного исследования у физического лица бессмысленно, так как на законодательном уровне этот вопрос до настоящего времени не решен, хотя отдельные авторы высказываются о необходимости формулирования специальных норм в УПК РФ, регламентирующих данную процедуру.

К вышеизложенному следует добавить необходимость рассмотрения нескольких ситуативных подходов, которые вызывают дискуссии, связанные с возможностью получения образцов для сравнительного исследования в рамках различных следственных действий.

1. Возможность получать образцы для сравнительного исследования при производстве освидетельствования лица в стадии возбуждения уголовного дела.

В настоящее время законодатель позволяет производить освидетельствование лица до возбуждения уголовного дела при проведении проверки сообщения о преступлении (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Причем следует заметить, что в целом перечень проверочных мероприятий за последние годы в УПК РФ существенно расширился, что, в свою очередь, привело к множеству мнений по этому поводу, как поддерживающих такой шаг законодателя, так и указывающих на проблематичность практического применения некоторых из них. Освидетельствование как следственное действие направлено на обнаружение на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявление состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела. В то же время, принудительность этого следственного действия в стадии возбуждения уголовного дела может быть поставлена под сомнение ввиду того, что освидетельствуемое лицо еще не имеет никакого процессуального статуса.

Получение образцов для сравнительного исследования при производстве освидетельствования и оформление этой процедуры единым протоколом считаем невозможным по следующей причине: получение образцов, в отличие от освидетельствования, имеет свои особенные цели, задачи, а также содержит собственное доказательственное значение результатов производства данного процессуального действия. К тому же при совмещении этих процессуальных действий в одном совершенно непонятно, каким протоколом необходимо фиксировать полученные образцы – протоколом освидетельствования или протоколом получения образцов для сравнительного исследования? Более того, эти процедуры регламентируются абсолютно разными нормами уголовно-процессуального законодательства. Высказывания отдельных авторов, которые не видят особых препятствий в получении образцов от физических лиц в рамках освидетельствования, считаем, мягко говоря, спорными и не основывающимися на законе.

Так, например, А.В. Кудрявцева и Ю.А. Кудрявцева считают, что, если при производстве освидетельствования у следователя, дознавателя возникает необходимость получить объекты известного происхождения у физического лица, то производится получение образцов [4, с. 153]. Эти же авторы полагают, что получение образцов для сравнительного исследования является следственным действием, хотя думается, что более точным будет его отнесение к разряду чисто процессуальных действий, но никак не следственных. В пользу данной точки зрения говорит такой аргумент, как то, что образцы для сравнительного исследования не являются вещественными доказательствами по уголовному делу.

Таким образом, получение образцов для сравнительного исследования, в отличие от освидетельствования, является самостоятельным процессуальным действием (а не следственным), имеющим отличительные цели и задачи, специфику производства, самостоятельное его документальное протоколирование, а также специфический круг участников этого действия.

2. Возможность получать у физических лиц образцы для сравнительного исследования экспертом, в рамках производства судебной экспертизы на стадии возбуждения уголовного дела.

Самостоятельное получение образцов экспертом является еще одной ахиллесовой пятой в нормативном регулировании данного института уголовного судопроизводства. Можно по-разному относиться к законодательным новеллам, допустившим, наконец, производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела (большинство практических работников позитивно восприняли данные изменения), но, тем не менее, еще остается множество вопросов как организационного, так и правового характера, вызывающих определенные трудности на практике. В части 4 ст. 202 УПК РФ сказано, что если получение образцов для сравнительного исследования является частью судеб-

ной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении. Согласно ст. 10 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», в качестве объектов экспертного исследования выступают: вещественные доказательства; документы; животные; трупы и их части; образцы для сравнительного исследования; материалы дела, по которому производится судебная экспертиза; живые лица в качестве самостоятельного объекта исследования.

Не будем спорить о значимости самостоятельных исследований эксперта – без них судебная экспертиза невозможна в принципе, но у нас есть сомнения в допустимости самостоятельного получения им образцов для сравнительного исследования у физических лиц (как в стадии возбуждения уголовного дела, так и на последующих этапах уголовного судопроизводства), даже если их получение проводится в рамках назначенной следователем судебной экспертизы. Речь даже не о том, что эксперт не является субъектом собирания доказательств, согласно ст. 86 УПК РФ, а образцы для сравнительного исследования являются связующим звеном между материальными объектами, фигурирующими по делу в качестве вещественных доказательств, и событием преступления. В этой ситуации можно полностью согласиться с мнением авторов, считающих, что недопустимо получение образцов для сравнительного исследования у живых лиц экспертом в процессе производства экспертизы, так как экспертиза в отношении живого лица требует особых правил, не допускающих нарушения прав этих лиц, прежде всего, права на телесную целостность и неприкосновенность [4, с. 100]. Отсюда следует, что, если физическое лицо категорически возражает против предоставления образцов эксперту, тот не имеет никаких юридических оснований к принудительному их получению. Мы уже пришли к выводу, что в стадии возбуждения уголовного дела уголовно-процессуальное принуждение при получении образцов у физического лица не может применять и следователь (дознатель), проводящий проверку сообщения о преступлении. На этом этапе только исключительная добровольность и согласие лица на предоставление им компетентным государственным органам и должностным лицам искомых образцов как биологического происхождения, так и тех, которые связаны с выполнением определенных действий (например, получение образца почерка), венчает законность производства этого процессуального действия.

В силу вышеизложенного предлагаем дополнить существующую редакцию ч. 4 ст. 202 УПК РФ следующими положениями: «Если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы, то оно производится экспертом. В этом случае сведения о производстве указанного действия эксперт отражает в своем заключении. Если подозреваемый, обвиняемый или потерпевший отказываются от предоставления образцов для сравнительного исследования, получение которых возможно только в принудительном порядке, эксперту категорически запрещается настаивать на их предоставлении. В этой ситуации получение образцов для сравнительного исследования возможно лишь при наличии соответствующего постановления следователя».

Таким образом, подводя итоги проведенного исследования, можно констатировать, что закрепленный в УПК РФ процессуальный порядок изъятия образцов для сравнительного исследования у физических лиц в стадии возбуждения уголовного дела далек от идеала и настоятельно требует законодательного совершенствования. В противном случае известные трудности, встречающиеся сегодня на практике при их получении, будут существенно осложнять работу следователя, дознавателя и, как следствие, нарушать конституционные права и свободы человека и гражданина.

Литература

1. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

2. Жбанков В.А. Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. М., 1969.
3. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова [и др.]. М., 2007.
4. Кудрявцева А.В., Кудрявцева Ю.А. Получение образцов для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве России: монография. М., 2014.
5. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 29.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
6. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (в ред. от 08.03.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
7. Сумин А.А. Некоторые проблемы применения ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокат. 2013. № 4.

УДК 343.1

ТАЙНА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Марина Сергеевна Колосович, докторант Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент

E-mail: 270619@mail.ru

Изменение общественных отношений обусловило изменение воззрений правоведов, ратующих за расширение гласности в уголовном судопроизводстве и сокращение недоступных для его участников зон расследования и судебного разбирательства. Представляется, что тайна в деятельности следователя является обратной стороной ее открытости, ее естественным противовесом, создающим необходимый баланс для реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: тайна; гласность; обеспечение прав; следственная и оперативно-розыскная деятельность.

PRIVACY IN CRIMINAL PROCEEDING: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Marina Sergeevna Kolosovich, doctoral candidate of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

Last decade significant changes in social relations stipulated the variations of legal experts' views on the enhancement of the publicity in the criminal proceedings and on the cutting of unobtainable for its participants zones of investigation and trial. It could be that the secrecy in the investigator's activity is opposite side of its publicity in criminal proceedings stipulate their coexistence, being counterbalance for realization legal rights and interests of the participants of the criminal proceedings.

Keywords: secrecy; publicity; realization legal rights; investigative and operational-detective activity.

Несмотря на стремительное изменение общественных отношений, Конституция РФ выступает надежным гарантом невмешательства государства в частную жизнь, преобладания личных интересов над публичными, защиты прав и свобод человека и гражданина. Балансируя между присущими современному правовому государству назван-

ными элементами, законодатель занят выстраиванием системы правообеспечительных мер, одной из которых является создание надежного механизма сохранения установленных Конституцией РФ и законами сведений, отнесенных к тайне.

Под словом «тайна» понимается нечто, «скрываемое от других, известное не всем, секрет» [10, с. 683]. По мнению правоведов, тайна – это, во-первых, закрепленное правовыми нормами и обеспеченное совокупностью юридических средств комплексное системообразующее установление порядка информации, доступ к которой ограничен; во-вторых, тайна в праве отражает реально существующие отношения и уровень развития правовой системы в целом, складывающиеся в процессе жизнедеятельности по поводу оборота информации, доступ к которой ограничен [11, с. 13-14]. Так же тайной называют особым образом охраняемый законом блок секретной или конфиденциальной информации (сведений), известной или доверенной узкому кругу субъектов в силу исполнения служебных, профессиональных и иных обязанностей или отдельных поручений, разглашение которой может повлечь юридическую ответственность [14, с. 36; 15].

В юриспруденции термин «тайна» применяется при рассмотрении многих юридических аспектов жизнедеятельности:

- тайна следствия и судопроизводства (п. 2 Указа Президента РФ от 6 марта 1997 г. № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера»);
- банковская тайна, тайна завещания, секрет производства (ст. 857, 1123, 1465 Гражданского кодекса РФ);
- коммерческая тайна (ст. 5 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»);
- служебная тайна (ст. 31 Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации»);
- государственная тайна (ст. 5 Закона РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-1 «О государственной тайне»);
- налоговая тайна (ст. 102 Налогового кодекса РФ);
- тайна усыновления ребенка (ст. 139 Семейного кодекса РФ);
- врачебная тайна (ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»);
- тайна связи (ст. 63 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», ст. 15 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи»);
- нотариальная тайна (ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате);
- адвокатская тайна (ст. 8 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»);
- аудиторская тайна (ст. 9 Федерального закона от 30 декабря 2008 г. № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности»);
- тайна исповеди (ст. 7 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»).

Несмотря на разносторонность затронутых сфер жизнедеятельности в уголовном судопроизводстве, все они имеют для следователя* немаловажное, а нередко и определяющее значение.

Зачатки нормативной регламентации вопросов производства расследования с элементами тайны можно встретить уже в первом кодифицированном источнике отечественного права – Русской Правде. Несмотря на то, что в ее содержании отсутствуют термины «тайно», «секретно», тем не менее, деятельность в режиме ограниченной осведомленности ее участников предусматривается. В соответствии со ст. 2, 10, 11, 13,

* Здесь и далее термину «следователь» мы придаем расширительное толкование, подразумевая всех должностных лиц правоохранительных органов, наделенных правом осуществления предварительного расследования.

14, 30 Краткой Правды и ст. 18, 20-22, 31, 35, 52, 66 Пространной Правды законодатель предписывал пострадавшему от кражи лицу воздержаться от обвинений и даже упоминаний о происшедшем при обнаружении преступника или похищенного имущества. Кроме того, тому времени известны локальные акты, определяющие тайный, секретный характер деятельности сотрудников правоохранительных органов. Так, в 1071 г. по княжескому велению воеводой Яном Вышатичем были направлены тайные агенты для разоблачения белозерских волхвов-смердов [9].

В современном УПК РФ термин «тайна» упоминается 20 раз. Первое же упоминание этого термина закрепляет правомерность его нахождения в нормах УПК РФ. В соответствии со ст. 13 УПК РФ, являющейся нормой-принципом уголовного судопроизводства, следователь вправе ограничить права гражданина на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений при наличии на то законных оснований, что вполне коррелируется с положениями, изложенными в ст. 23 Конституции РФ.

Необходимость сохранения тайны пронизывает все уголовное судопроизводство. Уже на стадии возбуждения уголовного дела законодатель устанавливает режим ограничений, предоставив право средству массовой информации, сообщившему о преступлении, сохранить в тайне свой источник информации (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), а следователю – право замены личных данных заявителя, пострадавшего или очевидца псевдонимом (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ).

Вопросы соблюдения тайны обуславливают специфику уголовного судопроизводства. Например, производство таких правоограничительных следственных действий, как обыск и выемка (п. 7 ч. 2 ст. 29, ч. 7 ст. 182, ч. 3 ст. 183 УПК РФ), наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ), контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ) требуют прохождения согласительной процедуры, сначала у руководителя следственного органа (прокурора), затем у судьи, в закрытом режиме.

В режиме ограниченной доступности находится информация о подготовке таких процессуальных действий, как задержание и наложение ареста на имущество. Более того, при необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне самого факта задержания уведомление об этом родственников задержанного, с согласия прокурора, может не производиться (ч. 4 ст. 96 УПК РФ).

При производстве таких следственных действий, как наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, втайне от участников процесса остается не только сам факт их производства, но и информация о способах и методах их производства, а также информация об участниках.

Реализация принципа охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ) обязывает следователя «включить» режим ограничения распространения сведений о личности потерпевшего, свидетеля, иного участника уголовного судопроизводства в связи с необходимостью обеспечения безопасности их жизни и здоровья (ч. 9 ст. 166 УПК РФ).

Такие ограничения могут быть применены и в рамках реализации положений института досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 3 ст. 317.4 УПК РФ). Более того, сохранение в тайне сведений, идентифицирующих личность защищаемого лица, обуславливает и специфику производства таких следственных действий, как контроль и запись переговоров, опознание и допрос.

Специфична законодательная регламентация ознакомления участников уголовного судопроизводства с материалами уголовного дела. В соответствии с ч. 2 ст. 217 УПК РФ копии документов и выписки из уголовного дела, в которых содержатся сведения,

составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, хранятся при уголовном деле и могут быть переданы обвиняемому и его защитнику только в ходе судебного разбирательства (ч. 2 ст. 217 УПК РФ). В то же время следователь и судья должны принять все меры, исключающие возможность ознакомления с постановлением о сохранении в тайне данных о личности участника уголовного судопроизводства (ч. 9 ст. 166, ч. 3.1 ст. 227 УПК РФ).

В судебных стадиях уголовного судопроизводства наличие в материалах уголовного дела сведений, составляющих государственную тайну, влияет на определение подсудности рассмотрения уголовного дела и является основанием применения закрытого режима судебного разбирательства (п. 3 ч. 3 ст. 31, п. 1 ч. 2 ст. 241 УПК РФ). Нарушение тайны совещания судей и присяжных заседателей является основанием отмены приговора суда (ст. 298, 341 УПК РФ).

В настоящее время в юридической науке не принято связывать деятельность следователя с тайной, хотя некая доля секретности в его деятельности учеными допускается. По мнению А.Е. Доля, гласность осуществляемого расследования служит одной из важнейших гарантий доброкачественности формируемых доказательств, возможности их последующей надлежащей проверки и оценки, обеспечения прав и свобод граждан при осуществлении судопроизводства и выполнении им своего назначения [6]. Более того, некоторыми учеными заявляется о необходимости создания режима максимальной открытости осуществляемого следователем расследования, так как засекречивание данных следствия создает условия бесконтрольности, а значит и безнаказанности за нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства [16, с. 38].

Другая группа ученых с сожалением отмечает о наступлении в правосудии периода «недозированной» гласности, которая по-своему ведет к ущемлению прав участников уголовного судопроизводства, так как предмет тайны образует сведения, не предназначенные для широкого круга лиц, и их разглашение может повлечь нежелательные последствия для хранителей и носителей тайны [14, с. 7], нередко превышающие урон от совершенного преступления.

Учитывая важность вопроса сохранения некоторых сведений в тайне, И.В. Кончакова предложила закрепить в УПК РФ принцип тайны уголовного судопроизводства, считая, что таким образом будет создан фундамент для оформления института, регламентирующего порядок защиты информации на стадии предварительного расследования [7, с. 14]. Мировое сообщество также стоит на позициях приоритета интересов правосудия над гласностью (ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 1 ст. 14 Международного пакта «О гражданских и политических правах»).

С принятием УПК РФ в 2002 г. статус гласности в уголовном судопроизводстве был понижен и ограничен стадией судебного рассмотрения уголовных дел, став условием судебного разбирательства в суде первой инстанции (ст. 241 УПК РФ). Снижение статуса гласности в уголовном судопроизводстве породило в науке дискуссию о правомерности такого решения, считая неверным отнесение гласности лишь к условиям судебного разбирательства [3, с. 75-77; 4, с. 9].

Высказывается мнение о расширении действия гласности на досудебные стадии, поскольку ограничение гласности губительно для состязательности уголовного судопроизводства [2, с. 21-24; 13, с. 106; 15; 16, с. 38]. Аналогичную позицию занял и Конституционный Суд РФ [12].

Не вызывает сомнений, что осуществляемое расследование по уголовному делу ни в коей мере не должно нарушать права и свободы человека. Данное положение единогласно принято научным сообществом и полностью нами поддерживается. Однако остаются без ответов вопросы: как проводить расследование и избличать виновных в совершении преступлений в условиях максимальной прозрачности уголовного судопроизводства и нарастающего противодействия криминальной среды? Как обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства при полной его открытости?

По нашему мнению, открытость деятельности следователя не является панацеей от нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Негативная динамика роста жалоб на имеющиеся нарушения свидетельствует об отсутствии связи между прогрессирующей открытостью деятельности следователя по уголовному делу и обеспечением прав участников уголовного судопроизводства, а на фоне многолетнего стабильного снижения показателей раскрываемости выявленных преступлений напрашивается вывод об обратном эффекте максимальной открытости осуществляемого расследования. УПК РФ нуждается в дополнении нормами, предоставляющими следователю больше возможностей для сохранения в тайне своих действий.

Более того, некоторыми учеными отмечается, что использование следователем права сохранения тайны следствия должно реализовываться в праве производства следственных действий, называемых ими «тайными следственными действиями». Так, прорывом в развитии отечественной теории негласного производства по уголовному делу стала подготовленная нижегородской школой процессуалистов доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ [1; 5; 8, с. 136], в соответствии с которой систему следственных действий предлагается сделать трехзвенной, обособив гласные, тайные (негласные) и судебные действия. Производство гласных следственных действий осуществляется в ходе досудебного производства любой из сторон самостоятельно. Тайное (негласное) следственное действие осуществляется следователем и агентом под прикрытием на любой стадии уголовного производства, но вне зала судебного заседания и без информирования заинтересованных лиц. Судебное следственное действие проводится в судебном заседании участником или несколькими участниками процесса.

К тайным (негласным) следственным действиям авторы доктрины отнесли разведывательный опрос; тайное (скрытое) получение образцов для сравнительного исследования; наблюдение и ведение ауди- или видеоконтроля места или лица; оперативный осмотр; тайное отождествление личности, предмета; снятие информации с телекоммуникационных и иных технических каналов связи; контрольную покупку; контролируруемую поставку; оперативное внедрение; оперативный эксперимент (имитация преступления); контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений; прослушивание телефонных переговоров; другое негласное следственное действие, производимое для сбора доказательств.

Правовая регламентация «тайной» деятельности следователя существует в некоторых странах Евразии, взявших курс на расширение полномочий следователя предоставлением ему права производства, по сути, оперативно-розыскных действий (гл. 30 УПК Республики Казахстан, гл. 31 проекта УПК Кыргызской Республики, ст. 159-160 УПК Литовской Республики, гл. 20 УПК Украины) и имплементировавших нормы оперативно-розыскного законодательства в уголовно-процессуальное (разд. 8 УПК Эстонии, ст. 57 УПК Республики Молдовы).

С введением нового УПК РФ российский следователь был наделен правом производства следственных действий и мероприятий, эффективность которых во многом зависит от секретности и конфиденциальности, невозможности разглашения информации о них (наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; контроль и запись переговоров; получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами; обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства; заключение досудебного соглашения о сотрудничестве). Указанные обстоятельства позволяют констатировать о постфактум существующих в УПК РФ тайных следственных действиях (следственных действиях, носящих негласный характер).

Представляется, что и гласность, и сохранение в тайне некоторых данных осуществляемого расследования в равной мере являются важными элементами обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. В соответствии с законом диалек-

тики «единства и борьбы противоположностей» – тайна (секретность) в деятельности следователя является обратной стороной ее гласности (открытости), обуславливает их единство, взаимное сосуществование, является естественным противовесом друг другу, создающим необходимый баланс для реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Преобладание одного аспекта деятельности следователя над другим создает дисфункцию, неминуемо влекущую нарушение прав участников уголовного судопроизводства.

Так, отсутствие пределов сохранения тайны и гласности при применении такой меры безопасности, как сохранение в тайне данных лица, с одной стороны, обеспечивает безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц (ч. 9 ст. 166 УПК РФ), а с другой стороны, создает определенные препятствия для установления стороной защиты достоверности показаний названных лиц. Сохранение в тайне данных о лице и их оглашение в равной степени обеспечивает реализацию прав противоборствующих участников уголовного судопроизводства.

Рассмотрев возможные перспективы развития производства следственных действий, имеющих негласный характер, в обозримом будущем, автору хотелось бы еще раз отметить, что вопросам обеспечения гласности, тайны, а также их соотношению в уголовном судопроизводстве отечественными процессуалистами уделено значительное внимание. Между тем мало исследованы вопросы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства гласной и тайной деятельностью следователя через призму названных нововведений ныне действующего УПК РФ и последних уголовно-процессуальных доктрин. Такая недосказанность препятствует определению современных пределов гласности и тайны предварительного расследования (всего уголовного судопроизводства) и обуславливает новый вектор развития уголовно-процессуального права.

Литература

1. Александров А.С. Новая теория уголовно-процессуальных доказательств. URL: <http://www.iuaj.net/node/1766> (дата обращения: 17.10.2015).
2. Бирюкова И.А., Кругликов А.П. Гласность уголовного судопроизводства должна быть закреплена в УПК РФ в качестве его принципа // Российский судья. 2006. № 12.
3. Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного процесса // Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. М.: Зерцало, 2005.
4. Володина А.Н. Гласность уголовного судопроизводства: правовая природа, содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
5. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и комментарии к ней / под ред. А.С. Александрова. М.: Юрлитинформ, 2015.
6. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности: монография. М.: Проспект, 2009. URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 17.10.2015).
7. Кончакова И.В. Уголовно-процессуальный институт защиты информации на стадии предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2011.
8. Мазунин Я.М., Мазунин П.Я. Негласная деятельность следователя: пора признать данность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1 (31).
9. Малыгин С.С., Чечетин А.Е. Основы оперативно-розыскной деятельности: курс лекций. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2001. URL: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=977&lvl=05> (дата обращения: 17.10.2015).
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1984.
11. Пермяков М.В. Категория «тайна» в системе правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2006.
12. По жалобе граждан Вахонина Александра Ивановича и Смердова Сергея Дмитриевича на нарушение их конституционных прав частью третьей статьи 220.2 УПК РФ: определение

Конституционного Суда РФ от 24 апреля 2002 г. № 114-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 6.

13. Смирнов А.В. Состязательный процесс: монография. СПб.: Альфа, 2001.

14. Смолькова И.В. Проблемы охраняемой законом тайны в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. Иркутск, 1998.

15. Смолькова И.В. Гласность и тайна в уголовном процессе // Законность. 1998. № 7.

16. Ургалкин А.С. Причины необходимости применения гласной модели предварительного следствия в России // Российский следователь. 2009. № 23.

УДК 343.13

НЕКОТОРЫЕ ПУТИ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ПОТЕРПЕВШЕГО И ЗАКРЕПЛЕНИЕМ ЕГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Татьяна Феликсовна Гелюс, доцент кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: gelustf@mail.ru

В статье на основе анализа следственной и судебной практики, а также уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и иных научных знаний выявлены проблемные вопросы, с которыми сталкиваются следственные подразделения при расследовании хищений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в частности вопросы возбуждения уголовных дел, а также установления потерпевших и закрепления лиц в этом процессуальном статусе. Высказаны предложения о внесении изменений и дополнений в законодательство Российской Федерации, принятие которых снимет эту сложную для правоприменителей проблему.

Ключевые слова: сфера жилищно-коммунального хозяйства; управляющая компания; многоквартирные дома; хищения; дела частного-публичного обвинения; потерпевший.

SOME WAYS OF SOLVING PROBLEMATIC ISSUES ASSOCIATED WITH THE ESTABLISHMENT OF THE VICTIM AND THE CONSOLIDATION OF ITS PROCEDURAL STATUS DURING THE INVESTIGATION OF THEFTS, COMMITTED IN THE SPHERE OF HOUSING AND COMMUNAL SERVICES

Tatyana Feliksovna Gelus, chair associate professor of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

In the article on the basis of analysis of investigative and court practice, and criminal law, criminal procedure and other scientific knowledge revealed the problems faced by the investigative unit for the investigation of thefts, committed in the sphere of housing and communal services, in particular issues of criminal cases, as well as the establishment of victims and securing of persons in this procedural status. As a result the article has made suggestions for amendments and additions to the legislation of the Russian Federation, the adoption of which would resolve this difficult for the law enforcement problem.

Keywords: housing and communal services; the management company; apartment buildings; theft; the case of private-public prosecution; the victim.

Жилищно-коммунальный комплекс является одним из важнейших структурных элементов национального хозяйства, который обеспечивает функционирование экономики государства и создает необходимые условия для проживания и жизнедеятельности человека.

Вместе с тем анализ следственной и судебной практики по делам о преступлениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства показывает, что в последние годы со стороны лиц, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, отмечается увеличение различных форм хищений и злоупотреблений полномочиями. При этом, как показывает практика, субъекты данных преступных деяний активно приспосабливаются к системе функционирования сферы жилищно-коммунального хозяйства и формам контроля за ее деятельностью. Как правило, эти преступления завуалированы под совершение легальных действий, нередко с использованием законных документов. Эти действия и окружающими, и правоохранительными органами довольно часто воспринимаются как чисто гражданско-правовые отношения, что является одним из факторов высокой степени латентности преступлений рассматриваемой категории [2, с. 4].

В связи с этим, в последние годы сфера жилищно-коммунального хозяйства стала предметом пристального политического внимания. Так, Президент Российской Федерации Владимир Путин в выступлении на коллегии МВД России отметил, что в настоящее время необходимо сосредоточиться на оздоровлении сферы жилищно-коммунального хозяйства и на ее очистке от различного рода серых схем, воровства и коррупции*. При этом преступления в данной сфере, по мнению Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки, приобрели системный характер, что не позволяет изменить ситуацию в отрасли, волнующую практически каждого гражданина России**.

В немалой степени это связано с несовершенством законодательства, регулирующего сферу жилищно-коммунального хозяйства и, как следствие, с использованием нормативных пробелов заинтересованными субъектами в личных криминальных целях.

Так, например, отмечается противоречивость следственно-судебной практики по вопросам возбуждения уголовных дел, а также определения и признания потерпевшими по делам о хищениях, совершаемых руководителями управляющих многоквартирными домами организаций. Указанная проблема довольно часто возникает на стадии возбуждения уголовного дела в отношении руководителя подрядной организации, не выполнившей строительно-ремонтные работы для управляющей многоквартирными домами организации, предусмотренные договором, либо выполнившей их не в полном объеме или из более дешевых материалов.

Здесь же следует отметить, что возбуждение уголовных дел и первоначальный этап расследования преступных деяний, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в части установления потерпевшего и закрепления его процессуального статуса в следственных ситуациях, когда совершено хищение бюджетных средств либо другое деяние, не связанное с хищением, не вызывают у следственных подразделений особых сложностей, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 159-159^б, 160, 165 УК РФ, если предмет преступления явилось государственное или муниципальное имущество, исключаются из дел частного-публичного обвинения и в соответствии с ч. 5 ст. 20 УПК РФ считаются уголовными делами публичного обвинения и соответственно могут быть возбуждены в порядке ст. 146 УПК РФ.

* URL: <http://police-russia.info/index.php/2013/02/08/vladimir-vladimirovich-putin-vystupil-na-zasedanii-rasshirennoj-kollegii-mvd/> (дата обращения: 08.02.2013).

** URL: <http://bloknot-voronezh.ru/novosti/72634> (дата обращения: 21.02.2014).

Однако ситуация обстоит иначе в тех случаях, когда преступления, предусмотренные ст. 159-159^б, 160, 165 УК РФ, совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) с управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Такие дела в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ являются делами частного-публичного обвинения и возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя.

Очевидно, что в категорию лиц, перечисленных в ч. 3 ст. 20 УПК РФ, входят руководители управляющих многоквартирными домами организаций.

По сведениям Следственного департамента МВД России, только в первом полугодии 2014 г. к уголовной ответственности привлечено 287 лиц (АППГ – 398, – 27,9%), в том числе: 111 руководителей управляющих компаний и 34 сотрудника (50,5% от общего количества привлеченных к уголовной ответственности лиц); 52 председателя ТСЖ и 9 сотрудников (21,3%); 25 руководителей и 4 сотрудника подрядных и субподрядных организаций (10,1%)*.

Вместе с тем, как показывает следственно-судебная практика, привлечение перечисленных лиц к уголовной ответственности по делам о хищениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства крайне затруднительно.

Рассмотрим типичную следственную ситуацию: *по результатам проверки выявлено хищение подрядной организацией денежных средств, принадлежащих управляющей многоквартирными домами организации либо собственникам и нанимателям жилья, путем невыполнения ею строительно-ремонтных работ, предусмотренных договором, либо выполнения их не в полном объеме или из более дешевых материалов.*

В этом случае, как показывает практика, в ходе доследственной проверки собираются материалы, подтверждающие изначальный умысел на хищение денежных средств и сам факт хищения, путем:

- производства осмотра объекта, на котором должны были быть проведены ремонтно-строительные работы, с фиксацией факта отсутствия этих работ или выполнения их не в полном объеме либо из более дешевых материалов;
- сбора в ходе опроса показаний свидетелей, а именно лиц, производивших ремонтно-строительные работы на объекте, которые утверждают, например, что руководитель подрядной организации изначально не давал им указания производить определенный вид работ и не предоставлял строительные материалы для их производства;
- производства строительно-технической судебной экспертизы, которой доказано, что имело место невыполнение объемов работ, предусмотренных договором и локальными сметами**.

Как уже было отмечено выше, в соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ эта категория уголовных дел относится к делам частного-публичного обвинения и, следовательно, возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя, кем в данном случае является руководитель управляющей многоквартирными домами организации.

Вместе с тем, при истребовании заявления от него, как от представителя потерпевшего юридического лица, признанного представлять интересы собственников и

* Обзор Следственного департамента МВД России о деятельности органов предварительного следствия МВД России по расследованию преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса.

** Перечень мероприятий и документов зависит от обстоятельств совершенного преступления и соответственно может изменяться и дополняться.

нанимателей жилья, от него поступает отказ от подачи заявления в правоохранительные органы, мотивированный тем, что действия руководителей подрядных организаций носят гражданско-правовой характер и в данном случае имеет место не хищение, а невыполнение условий договора, и сумму причиненного ущерба подрядная организация, в случае необходимости, возместит управляющей организации при наличии вступившего в законную силу судебного решения по гражданскому делу [2, с. 41-42].

Предпосылкой отказа руководителя управляющей многоквартирными домами организации от подачи заявления в правоохранительные органы довольно часто является сговор между ним и руководителем подрядной (субподрядной) организации, но очевидно, что если данное лицо имеет причастность к данному хищению, а часто это именно так, свидетельствовать против себя он вряд ли будет, что и подтверждает практика.

Рассмотрим данную ситуацию на примере уголовного дела, возбужденного 31 июля 2012 г. Следственной частью Следственного управления УМВД России по г. Хабаровску по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере), в отношении С. и Ш.*.

Поводом для возбуждения данного уголовного дела явилось заявление председателя совета собственников дома Т., основанием для возбуждения уголовного дела послужило наличие достаточных данных, указывающих на то, что С., являясь генеральным директором ООО «У», по предварительному сговору с директором ООО «Д» Ш. похитила путем обмана денежные средства жильцов указанного дома, причинив им ущерб в крупном размере.

Справка. На момент возбуждения данного уголовного дела (31.07.2012) действовали положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ, в соответствии с которыми уголовные дела о хищениях не входили в дела частного-публичного обвинения и считались в соответствии с ч. 5 ст. 20 УПК РФ делами публичного обвинения. Соответственно, заявление председателя совета собственников дома Т., в рамках действующего в июле 2012 г. уголовно-процессуального законодательства, могло быть поводом к возбуждению данного уголовного дела, что позволило принять соответствующее решение.

В ходе предварительного расследования квалификация данного преступного деяния с ч. 3 ст. 159 УК РФ была изменена в отношении С., генерального директора управляющей многоквартирными домами организацией ООО «У», на ч. 3 ст. 160 УК РФ (присвоение или растрата, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере), в отношении Ш., директора ООО «Д» (подрядчик), – на ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 160 УК РФ (пособничество при совершении присвоения или растраты, совершенных лицом с использованием своего служебного положения, а равно в крупном размере), поскольку было установлено, что С., на основании протокола внеочередного общего собрания участников ООО «У» от 25 октября 2010 г. и приказа о приеме работника на работу от 18 ноября 2010 г., являясь генеральным директором ООО «У», оказывающего на основании договора управления многоквартирным домом от 31 декабря 2009 г. возмездные услуги по управлению общим имуществом, выполнению работ по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирного дома, будучи должностным лицом, наделенным организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями в данном обществе, неся всю полноту ответственности за последствия принимаемых ею управленческих решений, сохранность и эффективное использование денежных средств, поступивших на расчетные счета ООО «У» от собственников жилых помещений в качестве платежей за текущий и капиталь-

* Материалы контрольно-методического отдела Следственного управления УМВД России по Хабаровскому краю.

ный ремонт и нанимателей жилых помещений в качестве платежей за текущий ремонт многоквартирного дома в период времени с 1 июня 2011 г. по 11 марта 2012 г., при пособничестве директора ООО «Д» Ш., действуя умышленно, незаконно, из корыстных побуждений, вопреки законным интересам собственников и нанимателей жилых помещений указанного многоквартирного дома, используя свое служебное положение, похитила путем растраты в пользу третьих лиц чужое имущество, а именно вверенные ей в силу занимаемой должности денежные средства в крупном размере, поступившие на расчетные счета ООО «У» от собственников жилых помещений в качестве платежей за капитальный ремонт и нанимателей жилых помещений в качестве платежей за текущий ремонт многоквартирного дома в сумме 294 291 руб. 87 коп., а также денежные средства Администрации г. Хабаровска в сумме 37 223 руб. 34 коп., выделенные в соответствии с постановлением Администрации г. Хабаровска от 29 июня 2009 г. № 2212 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий управляющим организациям и товариществам – собственникам жилья на капитальный ремонт общего имущества в многоквартирных домах соразмерно муниципальной доле в праве общей собственности на это имущество в целях реализации ст. 158 Жилищного кодекса РФ», совершив тем самым хищение в крупном размере на общую сумму 331 515 руб. 21 коп.

11 июня 2013 г. было предъявлено обвинение С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ; Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 160 УК РФ.

27 июня 2013 г. уголовное дело в порядке ст. 220 УПК РФ направлено прокурору г. Хабаровска с обвинительным заключением.

8 июля 2013 г. дело было возвращено для производства дополнительного следствия.

12 июля 2013 г. с согласия руководителя следственного органа перед прокурором Хабаровского края вынесено ходатайство об отмене постановления о возвращении уголовного дела для производства дополнительного следствия и отмене решения нижестоящего прокурора.

22 июля 2013 г. заместителем прокурора Хабаровского края вышеуказанное ходатайство удовлетворено, решение нижестоящего прокурора отменено, уголовное дело в порядке ст. 221 УПК РФ направлено для рассмотрения в Железнодорожный районный суд г. Хабаровска.

28 апреля 2014 г. Железнодорожным районным судом г. Хабаровска С. была осуждена за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года; Ш. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 160 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года.

9 сентября 2014 г. Апелляционным определением судебной коллегии по уголовным делам Хабаровского краевого суда приговоры оставлены без изменения.

Однако 1 декабря 2014 г. постановлением президиума Хабаровского краевого суда приговоры в отношении С. и Ш. были отменены и уголовное дело возвращено прокурору Хабаровского края для устранения препятствий его рассмотрения судом по следующим основаниям: «поводом для возбуждения уголовного дела явилось заявление председателя совета собственников дома Т., основанием для возбуждения уголовного дела послужило то, что С., являясь генеральным директором ООО «У», по предварительному сговору с директором ООО «Д» Ш. похитила путем обмана денежные средства жильцов указанного дома, причинив им ущерб в крупном размере. Руководителем следственного органа вынесено 11 июня 2013 г. постановление, согласно которому имущественный вред действиями С. причинен ООО «У», осуществляющему возмездные услуги жильцам на основании договора. В связи с этим, постановление о признании потерпевшим заявителя Т. отменено как незаконное и необоснованное, в качестве потерпевшего признано ООО «У».

В соответствии со ст. 4 УПК РФ на момент вынесения указанного решения действовали положения ч. 3 ст. 20 УПК РФ в редакции Федерального закона от 29 ноября 2012 г. № 207, в соответствии с которыми уголовные дела по ст. 160 УК РФ, если они совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением предпринимательской деятельности, за исключением случаев, если преступлением причинен вред интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с прямым участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество, относятся к категории дел частного-публичного обвинения и возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, а такого заявления в ходе предварительного следствия и в ходе судебного рассмотрения дела не поступало.

26 января 2015 г. уголовное дело поступило в прокуратуру г. Хабаровска.

19 февраля 2015 г. производство предварительного расследования по уголовному делу возобновлено, установлен срок следствия – 1 месяц.

В результате следователи столкнулись с вопросом о том, кого в данной ситуации признавать потерпевшим и кто будет представлять интересы потерпевшей стороны в ходе предварительного расследования и в суде, поскольку очевидно, что одно лицо не может быть по одному уголовному делу и обвиняемым, и потерпевшим (в данном случае представителем потерпевшего юридического лица ООО «У» С.).

Исходя из того, что присвоенные С. и Ш. денежные средства поступили на счет ООО «У» от собственников жилых помещений в качестве платежей за капитальный ремонт и нанимателей жилых помещений в качестве платежей за текущий ремонт многоквартирного дома, следствие пришло к выводу о том, что в качестве потерпевших в данном случае необходимо привлекать каждого собственника и нанимателя жилых помещений в отдельности, которыми управляло ООО «У».

В результате следователями была проведена колоссальная работа, связанная с допросом каждого собственника и нанимателя жилых помещений, которыми управляло ООО «У»; признанием каждого из этих лиц потерпевшим по делу; назначением и производством судебно-бухгалтерской экспертизы по вычленению из общей суммы ущерба, ущерба каждого собственника и нанимателя жилых помещений в отдельности, что крайне затруднительно.

Справка. Довольно часто стоимость подобной экспертизы превышает причиненный хищением ущерб. Так, проведенный Следственным департаментом МВД России совместно с ЭКЦ МВД России анализ потребности в производстве строительно-технических судебных экспертиз за период с 2011 по 2013 г. показал, что ориентировочная сумма денежных средств, израсходованных органами предварительного следствия МВД России, составила за указанный период 125 млн руб., сумма денежных средств, необходимых на оплату выполненных экспертиз, при условии оплаты экспертиз, выполненных бесплатно экспертными учреждениями Министерства юстиции России, составила не менее 162 млн руб.*.

12 марта 2015 г. по данному уголовному делу предъявлено обвинение С. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 160 УК РФ, и Ш. в совершении преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 160 УК РФ.

14 марта 2015 г. руководителем следственного органа срок предварительного расследования продлен до 12 месяцев.

* Обзор Следственного департамента МВД России о деятельности органов предварительного следствия МВД России по расследованию преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса.

21 апреля 2015 г. уголовное дело с обвинительным заключением направлено в прокуратуру г. Хабаровска в порядке ст.220 УПК РФ*.

Приведенный пример убедительно свидетельствует о том, насколько вопросы определения потерпевшего и закрепления лица в этом процессуальном статусе по делам частно-публичного обвинения о различных формах хищений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства, увеличивают сроки предварительного расследования дел данной категории, а в некоторых случаях не позволяют обоснованно решить вопрос о возбуждении уголовного дела, поскольку они возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшей стороны, которой (в данном случае представителем потерпевшего юридического лица) является директор управляющей многоквартирными домами организации (он же подозреваемый, обвиняемый).

В результате потерпевшими по данным уголовным делам признаются *многочисленные жильцы* многоквартирных домов, которым действиями управляющей компании причинен ущерб. Но в этом случае довольно часто складывается следующая ситуация: при колоссальной работе следствия по определению каждого собственника и нанимателя жилых помещений потерпевшими, подобные уголовные дела имеют довольно слабую судебную перспективу в связи с тем, что при вычленении в ходе судебно-бухгалтерской экспертизы из общего ущерба ущерба каждого собственника и нанимателя жилых помещений персональный ущерб получается малозначительным, и ситуация часто доводится до абсурда – при выявленных миллионных хищениях, уголовные дела прекращаются за малозначительностью, а следовательно, за отсутствием в деянии состава преступления.

Так, например, в Главном следственном управлении ГУ МВД России по Волгоградской области в сентябре 2013 г. возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 201 УК РФ по факту противоправных действий руководителей ООО «ЖилСоцГарантия». В ходе предварительного следствия установлено, что руководством ООО «ЖилСоцГарантия» дважды повышались тарифы на оплату услуг по содержанию общедомового имущества без проведения общих собраний собственников жилых помещений. Полученные денежные средства израсходованы на нужды ООО «ЖилСоцГарантия».

В действиях руководства ООО «ЖилСоцГарантия» формально усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, общая сумма незаконно собранных управляющей компанией денежных средств превышает 1 млн руб. Однако, согласно заключению бухгалтерской судебной экспертизы, каждому гражданину причинен ущерб на сумму от 300 до 700 руб., количество потерпевших превышает 1,5 тыс. человек. Таким образом, ущерб для каждого гражданина в отдельности является незначительным, и при таких обстоятельствах судебная перспектива направления данного дела в суд сомнительна, ведется расследование.

При этом следует отметить, что, по сведениям Следственного департамента МВД России, подобные факты имеют место во всех следственных подразделениях МВД, ГУ (У) МВД России**.

Таким образом, *возбуждение уголовных дел, а также определение потерпевшего и закрепление его процессуального статуса в подобных следственных ситуациях является одной из острейших проблем, возникающих на стадии предварительного следствия по делам данной категории.*

Здесь же следует отметить наблюдающийся в настоящее время слабый информационный обмен между правоохранительными и контролирующими органами в сфере

* Материалы контрольно-методического отдела Следственного управления УМВД России по Хабаровскому краю.

** Обзор Следственного департамента МВД России о деятельности органов предварительного следствия МВД России по расследованию преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса.

предупреждения, выявления и пресечения преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а также отсутствие целенаправленной практики комплексного использования всего потенциала взаимодействия между ними, включая выделение специалистов для дачи различных консультаций, заключений, проведения совместных проверок, а также совместных профилактических, учебно-консультационных и иных мероприятий [3].

Вместе с тем следует отметить, что в настоящее время для разрешения проблемных вопросов по установлению потерпевших и закрепления их процессуального статуса при расследовании различных форм хищений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства, уже назрела необходимость законодательного закрепления в полномочия представителей государственных и муниципальных органов (например, Федеральной службы финансово-бюджетного надзора, администрации субъекта Российской Федерации) *возможность участия в качестве представителей потерпевшего юридического лица* по уголовным делам о хищениях, связанных с расходованием денежных средств нанимателей и собственников жилых помещений, обслуживаемых недобросовестными товариществами собственников жилья или управляющими многоквартирными домами организациями.

Практическая реализация указанного предложения, на наш взгляд:

- во-первых, снимет проблему определения потерпевших по делам данной категории и будет способствовать своевременному возбуждению уголовного дела и закреплению доказательственной базы;

- во-вторых, избавит от необходимости назначения и производства судебно-бухгалтерских экспертиз на предмет вычленения из консолидированного ущерба персонального ущерба каждого собственника и нанимателя жилых помещений в отдельности, что сократит сроки предварительного расследования, сэкономит бюджетные средства, затрачиваемые на производство экспертиз, и позволит вменить недобросовестным руководителям товариществ собственников жилья и управляющих многоквартирными домами организаций полную сумму причиненного ими ущерба;

- в-третьих, учитывая то, что представители муниципальных и контролирующих объекты жилищно-коммунального комплекса органов обладают специальными познаниями в данной отрасли, они могут оказывать консультативную помощь следствию при разрешении специфических вопросов [2, с. 49-50].

Факты привлечения в качестве потерпевшего представителей государственных и муниципальных органов по делам в сфере жилищно-коммунального хозяйства уже встречаются на практике, но они довольно редки, при этом следственные подразделения в настоящее время вынуждены доказывать и настаивать на необходимости участия в деле представителей государственных и муниципальных органов, *причем через суд*, что занимает значительное время и соответственно увеличивает сроки предварительного производства.

Так, в производстве ГСУ ГУ МВД России по Свердловской области находилось уголовное дело, возбужденное в марте 2013 г. по ч. 1 ст. 201 УК РФ в отношении директора МУП «Екатеринбургэнерго» Бондарева Е.Н.

В ходе следствия установлено, что Бондарев Е.Н. в целях извлечения выгод для ООО «Стройлэнд», руководимого его знакомым Даниеляном В.В., без проведения конкурсных процедур по отбору подрядных организаций заключил договор подряда на сумму 379 млн руб. по капитальному ремонту тепловых сетей с восстановлением благоустройства в г. Екатеринбурге с ООО «Стройлэнд», не имеющим необходимых ресурсов для исполнения условий договора. Бондарев Е.Н. перечислил на расчетный счет ООО «Стройлэнд» денежные средства в сумме 301 млн руб., которыми ООО «Стройлэнд» распорядилось по своему усмотрению, при этом работы не выполнив. Денежные средства по договору МУП «Екатеринбургэнерго» не возвращены в указанные сроки.

В ходе предварительного следствия потерпевшими были признаны учредитель МУП – Департамент по управлению муниципальным имуществом Администрации г. Екатеринбурга, МУП «Екатеринбургэнерго», Администрация г. Екатеринбурга.

Однако, по мнению Департамента по управлению муниципальным имуществом Администрации г. Екатеринбурга, МУП и Администрации г. Екатеринбурга, действия Бондарева Е.Н. носят гражданско-правовой характер, поскольку им приняты меры по взысканию денежных средств с ООО «Стройлэнд» путем обращения в арбитражный суд Свердловской области. Ни МУП «Екатеринбургэнерго», ни Администрации г. Екатеринбурга действиями Бондарева Е.Н. ущерб не причинен.

Вместе с тем, правовой статус МУП «Екатеринбургэнерго», Администрации г. Екатеринбурга как потерпевших установлен следственными органами из их фактического положения (Постановление Пленума ВС РФ от 29 июня 2010 г. № 17). Согласно требованиям указанного постановления, лицо может быть признано потерпевшим как по его заявлению, так и по инициативе органа, в производстве которого находится уголовное дело (уголовные дела по преступлениям, предусмотренным ст. 201 УК РФ, считаются уголовными делами публичного обвинения, а, следовательно, наличие заявления потерпевшего и законного представителя в уголовном деле не обязательно).

Кроме того, в ст. 23 УПК РФ указано, что если деяния, предусмотренные гл. 23 УК РФ, причинили вред интересам исключительно коммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием, уголовное преследование осуществляется по заявлению этой организации или с ее согласия. Департамент по управлению муниципальным имуществом Администрации г. Екатеринбурга обжаловал в суд постановление следователя о признании потерпевшим по уголовному делу Железнодорожным районным судом г. Екатеринбурга, а затем Свердловским областным судом в удовлетворении жалобы отказано.

В июне 2014 г. уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу*.

Еще одним выходом из сложной для правоприменителей ситуации, на наш взгляд, является *внесение изменений в ч. 3 ст. 20 УПК РФ и исключение из дел частного публичного обвинения дел о хищениях денежных средств или иного имущества, совершенных в сфере жилищно-коммунального хозяйства.*

На наш взгляд, очевидно, что затягивание обращения потерпевшей стороны в правоохранительные органы (в данном случае – многочисленных нанимателей или собственников жилых помещений, обслуживаемых недобросовестными управляющими многоквартирными домами организациями) может в некоторых случаях привести к утрате доказательственной базы и невозможности ее восстановления в процессе расследования дел данной категории.

Поэтому практическая реализация указанного предложения будет способствовать своевременному возбуждению уголовных дел о хищениях в сфере жилищно-коммунального хозяйства, в том числе и по сообщениям должностных лиц Федеральной налоговой службы, Счетной палаты Российской Федерации, Федеральной службы финансово-бюджетного надзора; руководителей, отвечающих за жилищно-коммунальное хозяйство округа, края, области, города, села; руководителей предприятий или организаций сферы жилищно-коммунального хозяйства после проведения инвентаризаций на объектах; по сообщениям о совершенном или готовящемся преступлении в сфере жилищно-коммунального хозяйства, полученным из иных источников (например, в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий или мониторинга средств массовой информации), а также по результатам прокурорских проверок.

* Обзор Следственного департамента МВД России о деятельности органов предварительного следствия МВД России по расследованию преступлений в сфере жилищно-коммунального комплекса.

Литература

1. Гелюс Т.Ф., Крючкова В.Ф., Осипова Т.В. Проблемы, возникающие при расследовании преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства, и пути их решения // Власть и управление на Востоке России. 2015. № 1 (70).
2. Гелюс Т.Ф. Расследование преступлений, совершаемых в сфере жилищно-коммунального хозяйства: науч.-практ. пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2015.
3. Шмонин А.В. Некоторые проблемы расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства и пути их решения // Российский следователь. 2013. № 21.

УДК 343.1

ПРЕСЛЕДУЕТ ЛИ СОВРЕМЕННЫЙ УПК РФ ЗАДАЧУ ПОЛНОГО И БЫСТРОГО РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

Юрий Георгиевич Овчинников, доцент кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

E-mail: yur147@yandex.ru

Исследуя вопрос взаимосвязи уголовно-процессуальной деятельности и борьбы с преступностью, автор приходит к умозаключению, что уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве, бесспорно, является частью целого механизма органов государства по борьбе с преступностью. Целесообразно восстановить в УПК РФ отдельную статью, посвященную задачам уголовного процесса, в частности быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова: назначение (задача, цель) уголовного судопроизводства; быстрое, полное раскрытие и расследование преступлений; борьба с преступностью.

PURSUIT MODERN THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE THE TASK FOR THE FULL AND PROMPT DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES: A THEORETICAL APPROACH TO THE PROBLEM

Yury Georgiyevich Ovchinnikov, chair associate professor of the Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

Examines the relationship between criminal procedural activity and the fight against crime, the author comes to the conclusion that criminal procedural activity in pre-trial proceedings, no doubt, is part of the whole mechanism of the organs of the state to combat crime. It is advisable to resume a separate article devoted to the problems of criminal proceedings in which to provide rapid, detailed the disclosure and investigation of crimes.

Keywords: purpose (objective, goal) of the criminal proceedings; rapid, full disclosure and investigation of crimes; the fight against crime.

В настоящее время на страницах юридической печати научное сообщество с различных сторон продолжает активно обсуждать фундаментальный вопрос относительно назначения (задач, целей) уголовного судопроизводства [31]. Кроме того, дискуссионным остается вопрос взаимосвязи уголовно-процессуальной деятельности и борьбы с преступностью, иными словами, преследует ли уголовный процесс цель по борьбе с

преступностью, стремимся ли мы реализовать такую задачу, как полное и быстрое раскрытие и расследование преступлений.

Отдельные исследователи отмечают, что назначение уголовного судопроизводства нельзя рассматривать как деятельность по борьбе с преступностью. Так, А.Д. Бойков, В.Г. Глебов, Р.А. Мюллерсон убеждают, что целью уголовной юстиции является не борьба с преступностью, а защита общества и законных интересов граждан (обвиняемых, потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков), попавших в сферу уголовно-правовых отношений [5, с. 28, 31, 33, 34; 9, с. 11; 27, с. 44].

Придерживаясь аналогичной позиции, П.А. Лупинская указывает, что преступность есть социальное явление, порождающееся различными причинами, а при расследовании уголовного дела речь идет о конкретном преступлении и лице, его совершившем. Иной взгляд на данную проблему неминуемо привел бы к репрессивному характеру за счет ограничения прав личности в сфере уголовного судопроизводства [24, с. 17-18]. Ужесточение назначенных судом наказаний не может рассматриваться как путь «борьбы с преступностью», поскольку не ведет к снижению таковой [23, с. 278]. «Имея задачу «борьба до победного конца», – пишет А.В. Гриненко, – органы предварительного расследования, прокуратуры и суда неминуемо бы впали в обвинительный уклон, хотя они должны стремиться к установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по каждому уголовному делу» [12, с. 14]. По мнению И.Б. Михайловской, современное социальное назначение уголовной юстиции в целом и уголовного судопроизводства, в частности, выражено в ст. 6 УПК РФ, что «лишает нормативной почвы тезис о борьбе с преступностью как цели процессуальной регламентации функционирования юстиции» [26, с. 111]. Такое изменение взглядов на роль уголовной юстиции, считают исследователи, явилось закономерным итогом трансформации правовых приоритетов в отношении государства к правам личности, интересам общества и проблемам преступности [9, с. 11].

Ряд авторов придерживаются полярных взглядов в части рассматриваемой проблемы, отмечая, что деятельность по уголовному судопроизводству есть не что иное, как одно из средств государственных органов по борьбе с преступностью. «Уголовный процесс предусматривает порядок, посредством которого государство осуществляет свою реакцию на совершение преступления, и является одним из средств *борьбы с преступностью*. С помощью уголовного процесса обеспечивается надлежащий порядок осуществления уголовной политики государства» [38, с. 8]. По мнению С.В. Зуева, уголовный процесс как правовое явление имеет, безусловно, важную роль, он вовлечен в противодействие преступности, которое является основной стратегией уголовной политики России [20]. Поскольку уголовно-процессуальная политика является одной из составляющих уголовной политики государства, а последняя в самом общем виде понимается как государственная политика в области борьбы с преступностью [7], «представляющая стратегию и тактику этой борьбы» [2, с. 14], можно предположить, что уголовно-процессуальная деятельность, по меньшей мере в части досудебного производства, связана с деятельностью по борьбе с рассматриваемым негативным общественным явлением.

В.П. Божьев, раскрывая сущность уголовного процесса, пишет, что среди специальных мер, направленных на борьбу с преступностью, важное место занимают уголовно-процессуальные меры. Уголовный процесс является одним из видов деятельности государственной власти, специфика которой обусловлена *особенностями задач, осуществляемых в сфере борьбы с преступностью* [4, с. 19]. В.Н. Калинин, связывая уголовно-процессуальное право с уголовным правом, утверждает: «...у этих отраслей должна быть общая перспективная цель – борьба с преступностью...» [21, с. 9]. К такой же мысли приходит А.Д. Хачиров, но уже оперируя понятием «задачи», а не «цель» [48, с. 234]. Связывая уголовную политику с политикой уголовно-процессуальной,

Н.Г. Стойко к последней относит в том числе направленность на борьбу с преступностью и ее предупреждение [35, с. 187]. Рассуждая о задачах уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, Д.Ю. Гончаров указывает, что данные отрасли призваны регулировать борьбу с преступностью, у них должна быть общая задача – охрана и защита прав, свобод и законных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, и называет данную задачу (условно) борьбой с преступностью [11, с. 59, 61]. Л.М. Володина приходит к выводу, что уголовный процесс является одной из форм правоохранительной деятельности, которая направлена на выявление, пресечение и расследование преступлений [8, с. 9]. Перечисленные действия, бесспорно, являются частью механизма по борьбе с преступностью.

Ошибочно отрицать, что отдельные нормы и институты уголовного процесса являются достаточно результативным средством борьбы с преступностью, на что неоднократно указывали отдельные ученые в своих исследованиях [20]. Например, применение процессуальных и непроцессуальных (организационно-технических) мер безопасности в отношении участников уголовного процесса, а также их близких родственников, родственников или близких лица есть не что иное, как способ противодействия преступности, в особенности по уголовным делам о преступлениях, связанных с организованными преступными группами (ч. 3 ст. 11 УПК РФ, Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства») [28].

Эффективным средством борьбы с преступностью также следует считать включение Федеральным законом РФ от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ [29] в предмет доказывания обстоятельств, подтверждающих, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со ст. 104¹ УК РФ, получено в результате совершения преступления или является доходом от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления, либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (п. 8 ч. 1. ст. 73 УПК РФ).

Институт особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ) был создан «...в целях раскрытия и расследования «заказных» убийств, фактов бандитизма, наркопреступлений, коррупционных проявлений» [34]. Уголовно-процессуальные меры обозначенного института, как показала практика, являются, бесспорно, одним из действенных средств по борьбе с преступностью. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2011 г. осуждено 2 630 лиц, в отношении которых заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, в 2012 г. – 2 099, в 2013 г. – 3 155, в 2014 г. – 3 875 лиц*.

Довольно в эмоциональной форме В.И. Зажицкий в статье «Нужны ли уголовному процессу задачи?» критикует предписание нормы, определяющее назначение уголовного судопроизводства. Сравнивая ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. «Задачи уголовного судопроизводства» и ст. 6 УПК РФ «Назначение уголовного судопроизводства», автор приходит к выводу о необходимости предусмотреть в УПК РФ задачи полного и быстрого раскрытия преступлений и изобличения виновных. Отсутствие такой задачи в Кодексе противоречит логике уголовно-процессуальной деятельности. Данная задача является первостепенной, поскольку в каждом случае обнаружения признаков преступления уполномоченные лица обязаны принять меры по установлению события преступ-

* Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2011-2014 гг. Форма № 1. Отчет о работе судов по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2011-2014 гг. Раздел 1. Движение дел. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 17.05.2015).

ления и изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Именно такой ориентир должен быть как у органов предварительного расследования, так и у должностных лиц, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [16, с. 24, 25; 18, с. 3-9].

Проводя аналогичный анализ ст. 2 УПК РСФСР 1960 г. и ст. 6 УПК РФ, И.Ю. Таричко и А.Д. Хачирову также представляется неоправданным отказ законодателя от задачи, предусмотренной ч. 1 ст. 2 УПК РСФСР, – преодоление преступности путем быстрого и полного раскрытия преступлений и обеспечение расследования преступлений с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Именно такую задачу, по мнению авторов, должен решать УПК РФ [36, с. 178; 48, с. 234].

Итак, нельзя утверждать, что задачи, определявшиеся в УПК РСФСР 1960 г., полностью утратили свое значение. Эффективная защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, возможна лишь при условии, если момент совершения преступления максимально приближен к моменту наказания, в особенности по тяжким и особо тяжким преступлениям. Поэтому *быстрое* и *полное* раскрытие преступлений ныне также важно, как и прежде. Полнота расследования напрямую связана с быстротой его раскрытия. Наиболее полно расследуются преступления в случаях, когда лицо, причастное к совершению преступления, изобличается после его совершения. Несвоевременное или нераскрытое преступление создает у лиц, его совершивших, убежденность в безнаказанности, что способствует совершению новых преступлений [32, с. 13].

Трудно не согласиться с утверждением П.А. Лупинской и С.А. Тумашова: «чтобы эффективней защитить права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступления, необходимо, чтобы преступление было быстро и полно раскрыто» [37, с. 43; 24, с. 18]. З.З. и Т.З. Зинатуллины обращают внимание на то, что первостепенной задачей уголовного процесса является раскрытие преступлений, установление и изобличение виновных в их совершении [19, с. 131].

Приоритетными задачами советского уголовного процесса были защита общественного и государственного устройства СССР, укрепление социалистической законности и правопорядка, охрана интересов общества (ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР). Защита прав, интересов и свобод граждан стояла на втором месте. Государственные интересы преобладали над личными, преступления против государственной собственности считались представляющими большую общественную опасность, чем преступления против личности. Вместе с тем, *закрепление в прежнем Кодексе задачи быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных (ч. 1) являлось надежным ориентиром для органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, без которого не могло быть эффективного производства по уголовным делам. Отсутствие в современном уголовно-процессуальном законе рассматриваемой задачи делает его противоречивым самому себе, ведь отдельные нормы напрямую обязывают совершать подобные действия (ч. 2 ст. 21 УПК РФ). Чем быстрее преступление будет раскрыто, а затем всесторонне, полно и объективно расследовано уголовное дело, тем быстрее будет вынесено решение в отношении причастных лиц, обвиняемых в совершении преступления.* Именно такой концепции придерживаются органы государства в последние годы. Об этом свидетельствуют такие институты, как дознание в сокращенной форме (гл. 32¹ УПК РФ) [30], особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40¹ УПК РФ).

Небезынтересным в этом плане представляется анализ уголовно-процессуальных кодексов стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). В большинстве

УПК стран СНГ быстрое и полное раскрытие преступлений закреплено в виде задачи уголовного процесса: Азербайджан (п. 8.0.3 ст. 8) [39], Казахстан (ч. 1 ст. 8) [43], Кыргызстан (ч. 1 ст. 4) [40], Таджикистан (ч. 1 ст. 2) [45], Узбекистан (ст. 2) [46], Украина (ст. 2) [47]. В УПК Республики Беларусь в задачах уголовного процесса акцент сделан не на раскрытие, а на быстрое и полное расследование преступлений (ч. 1 ст. 7) [42]. Эта же задача также обозначена и в УПК Казахстана (ч. 1 ст. 8) [43].

В заключение отметим, что некоторые ученые-процессуалисты предлагают вернуть в УПК РФ отдельную статью, посвященную задачам уголовного процесса, аналогичную или близкую по содержанию той, которая была в УПК РСФСР 1960 г. [22, с. 72; 13, с. 6]. Многие авторы справедливо отмечают, что отсутствие задач в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ является одним из самых крупных его недостатков [3, с. 98; 10, с. 122; 48, с. 232-234], что вносит «сумятицу в деятельность государственных органов» [33, с. 192], делает «все уголовное судопроизводство безоружным» [15, с. 26], оставляет «практических работников органов расследования без руля и без ветрил» [6, с. 42-46]. Задачи программируют весь ход процесса [25, с. 68], представляют собой самый надежный ориентир для всех лиц, вовлекаемых в сферу уголовно-процессуальной деятельности [17, с. 30], выполняют организационную, мобилизующую роль и призывают правоприменителей действовать в определенных направлениях [1, с. 30].

Включение законодателем дефиниции «назначение» в процессуальный закон «заметно противоречит российским правовым традициям, – считает Ю.В. Деришев, – так как материальное и процессуальное законодательство сохраняет нормы, содержащие задачи нормативно-правового акта либо регулируемой им деятельности» [14, с. 58].

Следует отметить, что практически во всех УПК стран СНГ предусмотрены самостоятельные статьи, посвященные исключительно *задачам* уголовного процесса: УПК Казахстана (ч. 1 ст. 8), Молдовы (ч. 2 ст. 1) [44], Таджикистана (ч. 1 ст. 2), Узбекистана (ст. 2), Кыргызстана (ч. 1 ст. 4), Украины (ст. 2). Цели (назначение) уголовного судопроизводства законодатели этих стран в УПК не регламентируют. В УПК Армении [41], напротив, предусмотрена отдельная норма, обозначающая только *цель законодательства* уголовного процесса (ст. 2). Лишь в УПК Азербайджана предусмотрены самостоятельные статьи, посвященные как назначению уголовно-процессуального законодательства (ст. 1), так и задачам уголовного судопроизводства (ст. 8). Так же и в УПК Республики Беларусь, только вместо термина «назначение» используется термин «задача» уголовного-процессуального закона (ст. 2), задачи уголовного процесса закреплены в ст. 7.

Следуя данному курсу, необходимо признать, что уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве, бесспорно, является частью целого механизма органов государства по борьбе с преступностью. Целесообразно вернуть в УПК РФ отдельную статью, посвященную задачам уголовного процесса, в которой предусмотреть быстрое и полное раскрытие и расследование преступлений.

Литература

1. Азарёнок Н.В. Задачи уголовного судопроизводства должны быть закреплены в УПК РФ // Вестник Южно-Уральского государственного ун-та. Сер. «Право». 2010. № 5.
2. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006.
3. Белоносов В.О., Громов Н.А. О соотношении задач и назначения уголовного судопроизводства // Право и политика. 2005. № 10.
4. Божьев В.П. Сущность и задачи уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
5. Бойков А.Д. Третья власть в России. Кн. 2. Продолжение реформ. М.: Юрлитинформ, 2002.

6. Вандышев В.В. Некоторые проблемы применения уголовно-процессуального закона в досудебном производстве // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений: сб. мат-лов межвуз. науч.-практ. конф.: в 2 ч. М.: Академия управления МВД России, 2009. Ч. 1.
7. Володина Л.М. Проблемы уголовно-процессуальной политики. URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=350 (дата обращения: 09.05.2015).
8. Володина Л.М. Уголовный процесс. Часть Общая: учеб. пособие. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2004.
9. Глебов В.Г. Назначение уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.
10. Гончаров Д.Ю. Единство задач уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Уголовное право. 2005. № 1.
11. Гончаров Д.Ю. О необходимости интеграции задач уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства // Вестник Челябинского государственного ун-та. Сер. «Право». 2009. № 15. Вып. 19.
12. Гриненко А.В. Назначение уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. Общая часть: учебник. М.: ЦОКР МВД России, 2008.
13. Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике // Российский следователь. 2012. № 16.
14. Деришев Ю.В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2004.
15. Ефимичев С.П., Ефимичев П.С. Расследование преступлений: теория, практика, обеспечение прав личности: монография. М.: Юстицинформ, 2009.
16. Зажицкий В.И. Нужны ли уголовному процессу задачи? // Российская юстиция. 2011. № 4.
17. Зажицкий В.И. О направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 4.
18. Зажицкий В.И. Об основных направлениях совершенствования Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. 2011. № 3.
19. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. УПК РФ 2001 года и проблема надлежащего уголовно-процессуального регулирования // Проблемы уголовного процесса России: сб. ст. Ижевск: Детектив-информ, 2008.
20. Зуев С.В. Реконструкция уголовного судопроизводства России в условиях стратегического противодействия преступности: мат-лы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию со дня рождения проф. И.Я. Фойницкого (г. Санкт-Петербург, 11-12 октября 2007 г.). URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?go=page&name=Pages&pid=246 (дата обращения: 17.05.15).
21. Калинин В.Н. Цель, задачи, функции и назначение уголовного процесса // Следователь. 2003. № 3.
22. Куцова Э.Ф. Уголовный процесс России: истина и состязательность // Законодательство. 2002. № 9.
23. Лупинская П.А. Высокое политическое значение уголовного судопроизводства // Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2008. № 2.
24. Лупинская П.А. Уголовно-процессуальное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005.
25. Мигушин К.И. Досудебное производство как стадия современного уголовного процесса России: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2004.
26. Михайловская И.Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. 2005. № 5.
27. Мюллерсон Р.А. Права человека: идеи, нормы, реальность. М., 1991.
28. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон РФ от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. 25 августа.

29. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: федеральный закон РФ от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ // Российская газета. 2006. 29 июля.

30. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 марта.

31. Овчинников Ю.Г. Назначение уголовного судопроизводства (цель или задачи): научные взгляды на проблему // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3.

32. Победкин А.В., Яшин В.Н. Назначение и задачи уголовного процесса // Уголовный процесс: учебник / под ред. В.Н. Григорьева. М.: Книжный мир, 2004.

33. Поляков М.П. Национал-процессуализм как идеологическая основа отечественного уголовного процесса // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Екатеринбург, 2005. Ч. 2.

34. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ» (о введении особого порядка вынесения судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

35. Стойко Н.Г. Уголовно-процессуальная политика России: научное наследие Н.С. Алексеева и задачи современной юридической науки // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2015. № 3.

36. Таричко И.Ю. Проблемы назначения уголовного судопроизводства // Вестник Омского государственного ун-та. Сер. «Право». 2006. № 3

37. Тумашов С.А. Характеристика отдельных принципов уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003.

38. Уголовно-процессуальное право: учеб. пособие для вузов / под ред. О.А. Галустяна, А.В. Ендольцевой, А.П. Кизлыка. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2006.

39. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики: закон Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 г. № 907-IQ. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения: 15.11.2015).

40. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики: закон Кыргызской Республики от 30 июня 1999 г. № 62. URL: http://online.adviser.kg/Document/?doc_id=30241915 (дата обращения: 15.11.2015).

41. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения: закон Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № ЗР-248. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31425005 (дата обращения: 15.11.2015).

42. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: закон Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-3. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 15.11.2015).

43. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852#sub_id=6740000 (дата обращения: 15.11.2015).

44. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова: закон Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397729 (дата обращения: 15.11.2015).

45. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан: закон Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304 (дата обращения: 15.11.2015).

46. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан: закон Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101 (дата обращения: 15.11.2015).

47. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: закон Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52250 (дата обращения: 15.11.2015).

48. Хачиров А.Д. К вопросу о назначении уголовно-процессуального законодательства // Бизнес в законе. 2009. № 1.

УДК 343.131

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ОБВИНЯЕМЫХ НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Виктория Константиновна Захарова, адъюнкт Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

E-mail: vika1690@mail.ru

В статье представлен сравнительно-правовой анализ правового статуса стороны защиты на стадии расследования уголовного дела Китайской Народной Республики и Российской Федерации, а также анализ уголовно-процессуального законодательства Китайской Народной Республики и Российской Федерации. Автор исследует внесенные в УПК КНР изменения и промежуточные результаты реализации концепции судебной реформы в части расширения прав защитника на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: досудебные стадии уголовного судопроизводства; адвокатская деятельность; адвокат; защитник; судебная реформа; обвиняемый; вступление в уголовный процесс; ознакомление с материалами уголовного дела.

ABOUT SPECIAL FEATURES OF THE RIGHT TO THE PROTECTION OF THE ACCUSED IN CRIMINAL PROCEEDINGS OF CHINA AND RUSSIA: THE HISTORY AND PRESENT TIMES

Victoriya Konstantinovna Zakharova, post graduate of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot

The article presents a comparative legal analysis of the legal status of the defense at the stage of a criminal investigation. Author is analyzed the rules and comparative characteristic of Chinese and Russian criminal procedure which regulates advocacy work. The author researches the changes that was made in Criminal Procedure Code of People's Republic of China and preliminary results of the implementation of the concept of judicial reforms in the legal profession in the part of the empowerment of a lawyer at the pre-trial stages of criminal procedure.

Keywords: the pre-trial stage of criminal procedure; advocacy; the attorney; advocate; judicial reform; the accused; entry in the criminal trial; examination the materials of the criminal case.

За последние несколько лет в уголовно-процессуальное законодательство России и Китая были внесены поправки, касающиеся расширения статуса защитника на досудебных стадиях уголовного процесса. Важно отметить, что китайский законодатель за кратчайшие сроки смог провести целый ряд успешных демократических реформ, тем самым обеспечить реализацию прав подозреваемых и обвиняемых на защиту и объективное расследование уголовного дела.

Современная правовая система КНР – это своеобразное сочетание традиционных представлений о морали и нравственности, о законодательных идеях континентальной правовой семьи и о принципах, базирующихся на идее «социализма с китайской спецификой».

Важно отметить, что до начала XX в. в Китае отсутствовало понятие субъективного права, а в обществе не было института организованных юридических профессий. Отсутствовала внятная юридическая доктрина, а в долгой истории Китая не обнаруживается ни одного крупного юриста, оставившего заметный след в истории [12].

После победы Коммунистической партии Китая в 1949 г. началась перестройка всей правовой системы страны. Важной особенностью уголовно-процессуальной системы Китая в те годы было отсутствие единого уголовно-процессуального закона, регламентирующего работу органов предварительного расследования. В своей деятельности следователи органа общественной безопасности и прокуратуры руководствовались Положением «Об арестах и задержаниях в Китайской Народной Республике» 1979 г. [8], законами «Об органах общественной безопасности», «О народной прокуратуре» и иными ведомственными указаниями и инструкциями, разработанными на основе обобщения опыта работы органов предварительного расследования и суда. Данные нормативные акты также регулировали способы обеспечения права на защиту обвиняемого в уголовном процессе и участие адвоката [15, с. 45-47].

В соответствии с Конституцией КНР 1954 г. обвиняемый имел право на объективное расследование уголовного дела. Показания, данные им в ходе предварительного расследования, становились средством защиты. В 1956 г. исследователь Гэ Фын писал, что показания обвиняемого не довлеют над всеми доказательствами и не считаются «царицей доказательств» [2, с. 35]. Именно поэтому в законах и выступлениях партийных лидеров ставилось в обязанность следователям устанавливать виновность лица совокупностью обвинительных доказательств.

Основным правом обвиняемого было право на защиту. В неcodифицированный период уголовного процесса Китая исследователями давалось следующее определение понятия защиты обвиняемого: «все то, что противопоставляется обвинению, опровергая или ославляя его» [15, с. 70]. Исследователь Чжоу Хэнюань высказывал мнение о том, что право на защиту принадлежало обвиняемому с того момента, когда ему предъявлялось обвинение [14, с. 76]. В свою очередь, следователь был обязан обеспечить реализацию данного права: перед допросом разъяснить существо обвинения и права обвиняемого.

Защитник вступал в уголовный процесс лишь после передачи материалов уголовного дела в суд и разъяснения права подсудимого на пользование услугами защитника. Несмотря на расширение прав на защиту обвиняемого, возможность участия адвоката в судебном следствии и оценке представленных доказательств было номинальным, поскольку ему не хватало времени на ознакомление с уголовными делами. В то время мнение защитника по уголовному делу никак не влияло на решение судьи.

По мнению журналиста и политолога Лю Сумея, уровень подготовки и система ценностей работников юридической системы КНР имели много общего с соответствующими характеристиками традиционного Китая. Именно в этом лежала основная причина того, что очень многие уголовные и гражданские дела в КНР решались не в соответствии с буквой закона, а в соответствии с личным пониманием сути этого закона того или иного чиновника [4, с. 37]. Факты, изложенные этим исследователем, нередко встречались и после принятия Уголовно-процессуального закона КНР 1979 г.

Необходимо подчеркнуть, что начало политики реформ и открытости совпало с созданием первого Уголовно-процессуального кодекса Китайской Народной Республики в 1979 г. [1; 11]. Закон во многом повторил нормы советского и зарубежного западного права.

Реформа института адвокатуры в КНР берет свое начало с 1996 г., с момента внесения демократических изменений в Уголовно-процессуальный кодекс. Новеллы усилили правовые гарантии на стадиях расследования уголовного дела и судебного разбирательства. Впервые в правовую систему КНР был внедрен принцип презумпции невиновности, расширены полномочия адвоката. Новая редакция УПК КНР упразднила действие законов, которые не соответствовали современным реалиям, росту правовой грамотности населения КНР и количеству юристов. Среди них Положение КНР об арестах и задержаниях [8], Постановление Постоянного комитета Всекитайского съезда народных представителей о порядке срочного вынесения судебных решений в отноше-

нии преступников, серьезно нарушающих общественный порядок, Постановление Постоянного комитета Всекитайского съезда народных представителей по вопросу о сроках разрешения уголовных дел [1].

В соответствии с внесенными в 2012 г. в УПК КНР демократическими изменениями статус защитника повысился. В статье 33 УПК КНР китайский законодатель вменяет в обязанность следователю требование разъяснить подозреваемому право на пользование услугами защитника, начиная с момента первого допроса или применения меры пресечения. В первоначальной редакции ст. 33 УПК КНР (1979 г.) было указано, что в течение 7 дней со дня принятия решения о начале судебного разбирательства народный суд должен уведомить обвиняемого о его праве на пользование услугами защитника. Последний же вступал в процесс только со дня начала судебного разбирательства. В УПК КНР в редакции 1996 г. говорится, что подозреваемые в совершении преступления имеют право на защитника со дня передачи возбужденного государственным обвинением дела для предъявления обвинения. В свою очередь, народная прокуратура должна уведомить подозреваемого в совершении преступления о том, что он имеет право на защитника, причем это должно быть сделано в трехдневный срок со дня получения поступивших для предъявления обвинения материалов дела.

Китайские ученые положительно оценили новеллы, расширяющие круг полномочий защитника и моменты вхождения в досудебные стадии уголовного процесса. Например, Ду Маоцзюнь указывает, что до вступления в силу действующей редакции УПК КНР под влиянием концепции «органов диктатуры» предварительное расследование являлось сферой, в которую адвокату вторгаться было запрещено [13].

Рассматривая правовой статус адвоката в Китае, нельзя обойти стороной Закон КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве» [6], вступивший в силу 1 января 2002 г. В Законе КНР, как и Федеральном законе Российской Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон РФ об адвокатуре) [7], дано четкое определение понятий «адвокат» и «адвокатская деятельность». В обоих законах прописано, что адвокатом может стать лицо, получившее в законном порядке такой статус и имеющее право оказывать юридическую помощь.

В законе КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве» предусматривается ежегодная сдача экзамена и подтверждение квалификации. Данная процедура берет свое начало с 2001 г. С этого времени прокуроры, судьи и адвокаты обязаны сдавать единый государственный экзамен по юриспруденции. Несмотря на то, что некоторые специалисты считают эту процедуру излишней, по нашему мнению, она не может играть отрицательную роль в профессиональной деятельности юриста. Закон РФ об адвокатуре не предусматривает вышеуказанной процедуры. Введение подобной практики было бы хорошим способом проверки профпригодности адвокатов и стимулом для профессионального роста.

В статье 6 Закона КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве» законодатель упомянул о том, что адвокатом может стать не только лицо, получившее высшее юридическое образование, но и лица, «окончившие высшее учебное заведение по другой специальности и обладающим специальными юридическими знаниями». Кроме того, предусмотрены два случая смягчения образовательного ценза для адвокатов: 1) отдаленность провинции от образовательных учреждений; 2) положительное решение органов юстиции при Государственном совете. При этом смягчение образовательного ценза предусматривается лишь определенное время. По нашему мнению, решение законодателя об обязательной для адвокатов сдаче государственного экзамена по юриспруденции было вполне оправдано в условиях Китая 90-х гг. XX в. – начала 2000-х гг. В настоящее время с развитием транспортной инфраструктуры страны, увеличением количества грамотного населения и расходов правительства Китая на социальные нужды данная законодательная инициатива вскоре потеряет свою актуальность.

Отличительной особенностью Закона КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве» является четкая постановка целей и задач адвокатуры и деятельности адвокатов. В статье 1 данного закона говорится о том, что «закон составлен для того, чтобы улучшить систему юридического представительства, гарантировать ведение адвокатом своих дел в соответствии с законом, создать общие стандарты поведения адвокатов, защитить законные права и интересы сторон, обеспечить верный путь для проведения в жизнь законов и максимально использовать роль адвокатов в становлении социалистической судебной системы». Таким образом, в документе речь идет о том, что адвокат не только юрист, но и носитель важной социальной функции, защитник социального «равноправия и единства» (ст. 2).

Необходимо отметить, что в Законе РФ об адвокатуре не идет речи о стремлении к реализации каких-либо политических или идеологических целей в деятельности адвоката, но подчеркивается необходимость «защиты прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа лиц к правосудию». По нашему мнению, законодатель мог бы обозначить в качестве цели положение о «защите принципов правового государства или о построении гражданского общества на основе социальной справедливости».

Проводя анализ вышеуказанных законов, необходимо рассмотреть круг процессуальных прав, обязанностей и ответственности адвоката, выступающего в качестве защитника по уголовному делу. Оба нормативных акта предполагают проведение своего рода непосредственного расследования в рамках уголовного процесса: собирание характеризующего материала, опросы возможных свидетелей и участников процесса и т.д. Закон РФ об адвокатуре и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предоставили защитнику более широкий круг прав и оснований вступления в процесс. В то же время законодатель КНР точно описал запреты и меры ответственности данных лиц. Так, в гл. VII «Юридическая ответственность» в ст. 44, 45 Закона КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве» четко определено, за какие нарушения защитник может быть привлечен к дисциплинарному взысканию (отстранен от адвокатской деятельности на срок до 3 месяцев) и даже к уголовной ответственности. Всего законом предусмотрено четырнадцать подобных случаев: одиннадцать из них связаны с наложением дисциплинарного взыскания, а остальные три – с привлечением лица к уголовной ответственности: за раскрытие гостайны, за дачу взятки должностному лицу стороны обвинения или подстрекание к этому, предоставление фальшивых улик, сокрытие фактов в целях получения выгоды.

В российском законодательстве о дисциплинарной ответственности упомянуто в Кодексе профессиональной этики адвоката, а также в п. 2 ч. 2 ст. 17 Закона РФ об адвокатуре со ссылкой на вышеназванный нормативный акт, однако не представлены конкретные случаи привлечения к дисциплинарной ответственности. Законодатель ограничился лишь формулировкой: «Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершенное умышленно или по грубой неосторожности» (ст. 18 Кодекса). По нашему мнению, ответственность адвокатов полнее представлена в Законе КНР «Об адвокатах и юридическом представительстве». Эта норма не позволяет адвокату препятствовать ходу расследования уголовного дела и «давить» на следователя.

В 2010 г. в Китае насчитывалось около 170 тыс. адвокатов, но по уголовным делам работала лишь небольшая их часть [3]. Как отмечал профессор Всекитайского народного университета права и политики Лиу Мей, причины такого положения дел – длительные сроки рассмотрения дела, большая опасность профессии, а также в целом низкая оплата [3]. В сентябре 2015 г. в ходе проведенной Канцелярией Госсовета конференции заместитель министра юстиции КНР Чжау Чэн озвучил, что в настоящее время адвокатами работают более 270 тыс. человек. Увеличение количества адвокатов, выступающих в качестве защитников, было вызвано проводимыми реформами органов общественной безопасности, суда и адвокатуры [5]. Еще в 2013 г. в Постановлении

Центрального комитета Коммунистической партии Китая «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ» говорилось о необходимости реформирования института адвокатуры: совершенствования системы оказания юридической помощи, механизмов защиты прав адвокатов и повышении ответственности адвокатов за нарушение законодательства и адвокатской этики [10]. В сентябре 2015 г. Верховным народным судом КНР, Верховной народной прокуратурой КНР, Министерством общественной безопасности КНР, Министерством государственной безопасности КНР и Министерством юстиции КНР были приняты межведомственные правила «О защите прав практикующих адвокатов», вступившие в силу 21 сентября 2015 г. [9]. Документ предусматривает расширение правового статуса адвокатов в уголовном судопроизводстве. Это защита права на получение информации, право на обращение, подачу жалобы на действие или бездействие должностных лиц компетентных органов, обжалование адвокатами действий следователей, прокурора и решения суда. Правила предусмотрели расширение способов сбора доказательств: опросы, право на перекрестный допрос, участие в очной ставке на стадии расследования уголовного дела и приобщение результатов данных следственных действий к уголовному делу. В документе предусмотрено наказание за незаконную юридическую деятельность, а также дисциплинарное наказание и прокурорские санкции за воспрепятствование деятельности защитника при исполнении правосудия и ущемление его законных прав. По мнению заместителя министра юстиции КНР Чжау Чэна, принятый нормативный акт будет способствовать более полной реализации полномочий защитника на всех стадиях уголовного процесса, защите прав юристов, а также станет благоприятной основой надлежащего исполнения Конституции и законов, практической реализацией демократического направления в законодательстве КНР [5].

В рамках проведения судебной реформы китайские законодатели наметили план реализации некоторых положений по защите прав участников уголовного процесса. Так, с целью усовершенствования механизма работы защитника с задержанным планируется обустройство специальных помещений при полицейских отделах. В этих комнатах встречи защитника и подзащитного будут строго конфиденциальными. Кроме того, в органах общественной безопасности и народной прокуратуре запланировано внедрение системы аудио- и видеофиксации проводимых допросов. Постепенно расширяя сферу применения технических средств, китайский законодатель ставит цель фиксации всех проводимых с обвиняемым следственных действий по всем в стране уголовным делам.

Подводя итог, можно отметить, что уголовный процесс КНР во многом перекликается с российским. Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном праве России предусмотрены более широкие полномочия защитника на этапе досудебного производства и более совершенные возможности защиты прав подозреваемых и обвиняемых, в Китае имеется более широкий спектр возможностей для регулирования деятельности адвокатов, контроля со стороны адвокатского сообщества и привлечения к ответственности нарушителей. Положительным моментом законодательной техники, распространенной в КНР, является фиксация в нормативно-правовых актах целей политического и общесоциального направления, что не характерно для российского уголовно-процессуального законодательства. Кроме того, революционным методом ведения уголовного процесса и защиты прав подозреваемых и обвиняемых в Китае является внедрение системы видеофиксации хода расследования уголовного дела.

По нашему мнению, сравнительный анализ норм права Китая и России будет способствовать законодательному усовершенствованию института защитника и устранению некоторых обозначенных пробелов.

Литература

1. Гудошников Л.М., Трошинский П.В. Современное право Китайской Народной Республики: обзор законодательства 1978-2010 гг. М., 2012. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/book/97d/49d/3401367/SV_Pravo_KNR_ch.1_2012.pdf (дата обращения: 13.02.2015).
2. Гэ Фын. Доказательственное значение и применение показаний обвиняемого // Политико-юридическая наука. 1956. № 3.
3. Козубенко Ю.В. Уголовное судопроизводство в КНР и США. URL: <http://www.justicemaker.ru/view-article.php?id=22&art=2690> (дата обращения: 19.02.2015).
4. Лю Сумэй, Е.Н. Румянцев. Китай, каким я его знаю. М.: ЮПАПС, 1999.
5. Материалы конференции Канцелярии Госсовета КНР. Пекин, 16 сентября 2015. URL: <http://baike.baidu.com/item/?fr=aladdin> (дата обращения: 12.11.2015).
6. Об адвокатах и юридическом представительстве: закон КНР. Принят на 25-м заседании ПК ВСНП девятого созыва 29 декабря 2001 г. Опубликован Указом Председателя КНР от 29 декабря 2001 г. № 65 // Обзор законодательства КНР 1978-2010 гг. / под ред. Л.М. Гудошников. М., 2012.
7. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2120.
8. Об арестах и задержаниях: положение КНР, принятое на 6-м заседании ПК ВСНП пятого созыва 23 февраля 1979 г. (утратило силу). URL: <http://www.dissercat.com/content/yuridicheskaya-otvetstvennost-po-zakonodatelstvu-kitaiskoi-narodnoi-espubliki#ixzz3qVpkYHC8> (дата обращения: 17.02.2015).
9. О защите прав практикующих адвокатов: правила КНР от 21 сентября 2015 г. URL: http://www.liuxiaoer.com/lstj/4237_3.html (дата обращения: 27.12.2015).
10. Рекомендации Верховного народного суда КНР по предупреждению судебных ошибок в уголовных делах от 15 ноября 2013 г. URL: http://cnlegal.ru/civil_criminal_administrative_procedure/china_supreme_court_false_decisions_prevention/ (дата обращения: 17.10.2015).
11. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики: принят на II сессии ВСНП пятого созыва 1 июля 1979 г. (с изм. от 17.03.1996) // Современное законодательство Китайской Народной Республики / сост. Л.М. Гудошников. М.: Зерцало, 2004.
12. Харатуров Р.Л. О правовой системе КНР. URL: http://edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site1238/html/media74969/22_ха4at2.pdf (дата обращения: 13.02.2015).
13. Чжан Ин. История адвокатуры в КНР: правовое положение адвоката в досудебном производстве. URL: <http://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view/История-адвокатуры-в-КНР-правовое-положение-адвоката-в-досудебном-производстве> (дата обращения: 30.12.2015).
14. Чжоу Хэнюань. О праве обвиняемого на защиту в китайском уголовном процессе // Чженьфаньцзю. 1956. № 3.
15. Чугунов В. Е. Китайский уголовный процесс. М., 1959.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 343.54:343.268.3

ПЕДОФИЛИЯ КАК ОСНОВАНИЕ ПРИМЕНЕНИЯ ХИМИЧЕСКОЙ КАСТРАЦИИ: АРГУМЕНТЫ PRO ET CONTRA

Елена Юрьевна Антонова, заведующий кафедрой Хабаровского государственного университета экономики и права
доктор юридических наук, доцент

E-mail: antonovy@yandex.ru

Настоящая статья посвящена исследованию вопросов уголовной ответственности лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Автор приходит к выводу о том, что категории «преступления сексуальной направленности в отношении несовершеннолетних лиц» и «преступления педофильной направленности» не идентичны, а также проводит анализ такой меры уголовно-правового характера в отношении лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), как химическая кастрация.

Ключевые слова: преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних; педофилия; принудительные меры медицинского характера; химическая кастрация.

PEDOPHILIA AS A BASIS OF APPLICATION OF CHEMICAL CASTRATION: ARGUMENTS PRO ET CONTRA

Elena Yurievna Antonova, chair head of the Khabarovsk State University
of Economics and Law Doctor of Law, associate professor

This article is devoted to the study of issues of criminal liability of persons suffering from a disorder of sexual preference (pedophilia), committed crimes against sexual inviolability of minors victims. The author concludes that the category of «crimes of a sexual nature against minors» and «crimes pedophile orientation» are not identical, as well as analyzes of such measures under criminal law in relation to persons suffering from a disorder of sexual preference (pedophilia), as the chemical castration.

Keywords: crimes against sexual inviolability of minors; pedophilia; forced medical measures; chemical castration.

Одним из приоритетных направлений государственной политики сегодня является защита детей от любых неправомерных действий, в том числе сексуального характера. Именно поэтому в последние годы законодатель активизировал свое внимание к мерам правового воздействия на лиц, совершающих общественно опасные деяния в отношении несовершеннолетних и малолетних. Как следствие, повысился и научный интерес к вопросам, связанным с преступлениями против половой неприкосновенности, а также к проблемам уголовной ответственности лиц, страдающих различными формами парафилий, среди которых расстройство сексуального предпочтения – педофилия занимает особое место. Это обусловлено в том числе тем обстоятельством, что категория «педофилия» приобрела не только медицинское, но и юридическое значение, став са-

мостоятельным основанием применения принудительных мер медицинского характера (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Термин парафилия (с греч. *para* – около, ни к месту, изменено + *philia* – любовь) обозначает различные формы отклоняющегося сексуального влечения, которое приводит к поведению, противоречащему стереотипам правовой морали [3, с. 38]. В соответствии с Международной статистической классификацией болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) одной из разновидностей расстройств сексуального предпочтения (парафилии) является педофилия, которая выражается в сексуальной тяге к детям, как правило, препубертатного или раннего пубертатного возраста [22, с. 71; 12, с. 193].

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), большинство россиян (83%) считает педофилию преступлением, которое заслуживает наказания [17]. В результате в юридической литературе и в средствах массовой информации можно встретить утверждение о том, что преступления против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних лиц – это преступления педофильной направленности, а лица, их совершившие, – педофилы.

С таким утверждением сложно согласиться, поскольку педофилия – это расстройство сексуального предпочтения (психическое расстройство), а не у всех лиц, совершающих названные деяния, оно диагностируется. Существуют и другие, не связанные с педофилией, факторы, побуждающие к сексуальным действиям в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц.

В научной литературе, например, указывается на то, что социально осуждаемые контакты между взрослыми и половозрелыми лицами юношеского возраста, особенно однополыми, не обязательно являются проявлением педофилии. Однократное действие, в особенности, если его субъект сам юношеского возраста, не свидетельствует о постоянной и доминирующей наклонности, необходимой для постановки диагноза [22, с. 71].

Кроме того, известны случаи утери возрастной дифференциации объекта сексуального влечения под влиянием интоксикационных воздействий (простое и атипичные формы опьянения) [23], то есть такие действия могут быть обусловлены употреблением алкоголя, наркотических средств, психотропных и иных одурманивающих веществ. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2013 г. по ст. 131 – 135 УК РФ всего было осуждено 5630 лиц, из них более половины (53,9%) в момент совершения преступления находились в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения. В 2014 г. всего осуждено 6126 лиц, из них 49% лиц совершили указанные преступления в состоянии опьянения*.

Возможно формирование сексуальных педофильных импульсов и в случаях тяжелых психических расстройств, обуславливающих неспособность осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий либо руководить ими [23].

Из материалов уголовного дела: «согласно заключению судебно-психиатрической комиссии экспертов № ... от..., П. обнаруживает признаки тяжелой умственной отсталости вследствие болезни Дауна. Степень выраженности психических нарушений у обвиняемого столь значительна, что он не может осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. Он так же не мог осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими во время инкриминируемого ему деяния (ч. 3 ст. 135 УК РФ). По психическому состоянию нуждается в применении к нему принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа»**.

* Отчет Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о составе осужденных, месте совершения преступления за 12 месяцев 2013 г., за 12 месяцев 2014 г. Форма № 11.

** Дело № 22-137/2010. Кассационное определение от 26 марта 2010 г. // Архив Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Адыгея.

Итак, неправомерные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних (малолетних) может совершить невменяемое лицо (страдающее иным, нежели чем педофилия психическим расстройством). В случае если у лиц диагностируются иные, нежели чем педофилия, психические расстройства, в том числе исключаящие вменяемость, а также в случае, когда наряду с педофилией диагностируется иное психическое расстройство, им назначаются принудительные меры медицинского характера на основании п. «а» или «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ.

К тому же специалисты отмечают возможность преобразования расстройств сексуального предпочтения, взаимной трансформации различных форм девиантного полового поведения, а также сочетанного существования парафилии у одного больного (множественные расстройства сексуальных предпочтений) [11, с. 4].

Истинное количество преступлений против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних, совершаемых лицами с расстройством сексуального предпочтения (педофилией), неизвестно, как и неизвестно общее количество педофилов. Такая статистика в нашей стране не ведется. В учебниках по судебной психиатрии отмечается лишь примерное соотношение зарегистрированных преступлений данной категории к действительно совершенным: в случаях педофилии – 1:15, при изнасиловании – 1:60, в случаях эксгибиционизма – 1:85 [8, с. 429; 21, с. 183].

Согласно имеющимся мировым данным, истинных педофилов около 1% от тех, кто совершает насильственные действия сексуального характера по отношению к детям. Это те люди, которые, согласно медицинским критериям, относятся к категории больных. Считается, что этот процент мало меняется с течением времени [5]. По некоторым данным, число лиц с педофилией среди обвиняемых в противоправных сексуальных действиях в отношении несовершеннолетних составляет не более 50% [23].

Для установления наличия расстройства сексуального предпочтения требуется проведение судебно-психиатрической экспертизы. Сложность рассматриваемого вопроса заключается в том, что экспертам не всегда удается диагностировать педофилию.

Из материалов уголовного дела: заключением амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы № ... от ... установлено, что «ФИО каким-либо психическим расстройством не страдает и не страдал при совершении инкриминируемого ему деяния (ч. 2 ст. 133 УК РФ) и по своему психическому состоянию мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими. В настоящее время ФИО также может осознавать фактический характер своих действий и руководить ими, принимать участие в следственном производстве и давать показания по факту инкриминируемого ему деяния. Не исключено наличие у ФИО расстройства сексуального предпочтения – педофилии, однако с уверенностью ответить на данный вопрос не представляется возможным из-за скудности материалов уголовного дела и отрицания данного факта самим ФИО»*.

Итак, категории «преступления сексуальной направленности в отношении малолетних и несовершеннолетних лиц» и «преступления педофильной направленности» не идентичны.

Считаем правильным утверждение ученых, согласно которому следует избегать распространенной ныне в обществе подмены понятий. Понятие «педофил» не равнозначно понятию «преступник». Педофилия – это биосоциальное явление, а преступление – виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания [12, с. 193]. Интересным в связи с этим представляется мнение сексологов о том, что стили педофильного поведения разнятся. Многие педофилы стремятся завоевать расположение и даже глубокую привязанность, любовь ребёнка заботливым отношением. Более того, в случаях педофилии исключительно редко встречаются половые акты, так же, как и изнасилования. Педофилы редко достигают своей цели с

* Дело № 1-29/2013 // Архив Боровского районного суда Калужской области.

применением силы. Обычно все происходит на «добровольных» началах. Лишь подростки используют запугивания и угрозы. Основная часть педофильно ориентированных людей свои сексуальные потребности реализуют лишь в фантазиях (а за мысли, как известно, не судят), самоудовлетворением, общением в Интернете, просмотром продукции определенного содержания [12, с. 196; 21, с. 183].

По мнению специалистов, **насильственные** преступления против половой неприкосновенности детей чаще всего совершают не педофилы, а лица с преимущественно садистскими сексуальными потребностями (сексуальные садисты, сексуальные убийцы), для которых обычно не важен ни возраст, ни пол жертвы, ни биологический вид (человек или животное) [12, с. 194]. В судебно-следственной практике крайне редко встречаются случаи совершения **насильственных** действий сексуального характера в отношении малолетних и несовершеннолетних со стороны лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией). Как правило, это **ненасильственные** (добровольные) действия сексуального характера.

В то же время, как отмечает М.И. Могачев, исследовавший серийные изнасилования, среди серийных насильников, у которых диагностированы парафилии, педофилия занимает второе место после садизма по распространенности (выявлена у 16% обследованных им лиц) и составляет 13% всего количества выявленных парафилий. Кроме того, им было выявлено, что педофилия, как правило, диагностируется у психопатов, а в половине случаев сочетается с садизмом [14, с. 211].

Согласно Руководству по диагностике и статистике психических расстройств (DSM-IV) Американской психиатрической ассоциации (АПА), педофилия определяется как влечение взрослого человека (**16 лет и старше**) к детям 13 лет и младше при соблюдении следующих условий:

- влечение должно иметь характер или неоднократных интенсивных сексуальных фантазий, или сексуального влечения к реальным детям, или действий сексуального характера с детьми;
- влечение должно продолжаться не менее 6 месяцев;
- разница в возрасте должна составлять не менее 5 лет [9, с. 31].

Исходя из этого, страдать расстройством сексуального предпочтения (педофилией) может и лицо, не достигшее восемнадцатилетнего возраста. Российское же законодательство выделяет две категории лиц, совершающих преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и малолетних:

а) лица, совершившие в возрасте **старше восемнадцати лет** преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, и страдающие расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не исключающим вменяемости;

б) иные лица, совершившие преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности.

В настоящее время наличие расстройства сексуального предпочтения (педофилии), не исключающего вменяемости, у лица старше восемнадцати лет, совершившего преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, является самостоятельным основанием для назначения принудительных мер медицинского характера (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ).

Анализ п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ показывает, что законодатель формально устанавливает два возрастных критерия назначения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией).

Первый критерий – возраст лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения (педофилией), совершившего хотя бы одно из преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, перечень которых дается в примечании к ст. 73 УК РФ (это ст. 131–135, 240, 241, 242.1 и 242.2 УК РФ), – 18 лет.

Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель отнес к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, не только преступления, непосредственно посягающие на половую неприкосновенность несовершеннолетних (ст. 131–135 УК РФ), но и преступления, имеющие в качестве непосредственного объекта общественную нравственность (ст. 240, 241, 242.1, 242.2 УК РФ). Считаем, что примечание к ст. 73 УК РФ необоснованно расширяет круг преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних путем включения в их перечень общественно опасных деяний, посягающих на общественную нравственность. К тому же неясным остается вопрос о том, почему при такой трактовке преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних законодатель не включил в указанный перечень:

а) пункт «б» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, устанавливающий ответственность за совершенные в отношении несовершеннолетнего в целях его эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение. В соответствии с примечанием к данной статье под эксплуатацией понимаются в том числе «использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации»;

б) часть 2 ст. 242 УК РФ, которая предусматривает ответственность за распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних либо за вовлечение несовершеннолетнего в оборот порнографической продукции [2, с. 31–35].

Второй критерий – возраст потерпевшего от преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего – *до 14 лет.*

Педофилия, как уже было указано выше, может быть диагностирована у лиц, достигших 16-летнего возраста. Но, по мнению законодателя, такие лица не подлежат принудительным мерам медицинского характера в случае совершения ими преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Хотя, как утверждают специалисты, если педофилия проявляется уже в подростковом или раннем юношеском возрасте, лечить ее можно более успешно, чем у зрелых людей [15, с. 71].

Различают несколько разновидностей педофилии:

1) любовь к мальчикам, не достигшим **14–16 лет** (в зависимости от так называемого возраста согласия, установленного уголовным законодательством конкретной страны. **В Российской Федерации – это 16 лет**), – педофилия;

2) любовь к юношам, достигшим **14–16 лет**, – эфебофилия;

3) любовь к девочкам моложе **14–16 лет** – корефилия;

4) любовь к девушкам, достигшим **14–16 лет**, – партенофилия [12, с. 194; 16, с. 11].

Обращает на себя внимание тот факт, что в данной классификации авторы отталкиваются от установленного законодателем так называемого возраста согласия на сексуальную активность. Психиатры же, как было указано выше, критерием педофилии считают «влечение взрослого человека (16 лет и старше) к детям 13 лет и младше».

Исходя же из законодательной формулировки п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, к лицу, страдающему расстройством сексуального предпочтения (педофилией), не могут быть применены принудительные меры медицинского характера, в случае совершения им преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 16 лет.

По этому пути идет и судебная практика. Так, начальник исправительной колонии № 5 УФСИН России по Брянской области Ш. обратился в суд с заявлением, в котором просил назначить в отношении осужденного Б. судебно-психиатрическую экспертизу для разрешения вопроса о наличии либо отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и необходимости применения принудительной меры медицинского характера. В удовлетворении заявления было отказано на том основании, что потерпевшей на момент совершения преступления исполнилось 16 лет, а в соответ-

ствии с п. «д» ч.1 ст. 97 УК РФ принудительные меры медицинского характера назначаются осужденному, совершившему преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста*.

Такое положение вещей представляется неоправданным, поскольку возраст потерпевшего для лица, страдающего расстройством сексуального предпочтения, является величиной относительной. Как справедливо указывают сексологи, темп полового созревания у детей по всевозможным причинам разный. Некоторые уже в 13 лет выглядят на все 16-17, а при задержке полового созревания и 16-летние могут внешним обликом напоминать 12–13-летних. Педофилов привлекает внешний облик ребенка, который в их глазах имеет значение фетиша [12, с. 194]. Кроме того, у лиц с педофилией отмечается нечёткость восприятия половозрастных особенностей объекта сексуального влечения, они склонны приписывать ребёнку качества взрослого человека [22, с. 230].

Наиболее дискуссионным является вопрос о способах лечения лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией).

Исторически первым методом лечения парафилий явилась хирургическая кастрация, которая применялась к совершившим половые преступления «сексуальным психопатам» на основании специальных законов, принятых в Финляндии, Швеции, Нидерландах, Дании и ряде штатов США [22, с. 424].

В 1970-х гг. хирургическая кастрация практически была запрещена. Среди причин запрета выделяют два момента: хирургическая кастрация – это форма увечья, соответственно подобные медицинские вмешательства могут восприниматься как форма наказания; появление гормональных средств, позволяющих добиться того же результата [24].

В настоящее время вместо хирургической кастрации в мировой практике широко используется химическая кастрация – назначение лекарственных средств, подавляющих активность мужских половых гормонов, – антиандрогенных препаратов. Такие меры применяются в Великобритании, Израиле, Италии, Канаде, Польше, США, Германии, во Франции и в других странах [16, с. 235].

По данным ВЦИОМ, идея химической кастрации педофилов, чья вина доказана в судебном порядке, находит поддержку подавляющего большинства россиян (89%). По убеждению 83% россиян, химическая кастрация должна быть обязательной для всех, чья вина в совершении сексуальных действий в отношении несовершеннолетних доказана. Это мнение в особенности поддерживают те, кто считает педофилию преступлением (86%). Лишь 9% опрошенных респондентов полагают, что эта процедура должна носить добровольный характер и являться условием досрочного освобождения осужденного за педофилию. Такой позиции в основном придерживаются те, кто полагает, что педофилия – это болезнь [17].

Некоторые ученые также относят принудительное лечение в виде химической кастрации к наказанию [13, с. 133-135], что представляется необоснованным, поскольку в систему наказаний данная мера не включена. Как справедливо отмечают американские юристы, кастрация – это не наказание, поскольку наказание не может быть добровольным (а сегодня в большинстве стран химическая кастрация является добровольной. Принудительная химическая кастрация насильников легализована лишь в штатах Флорида, Теннесси и Мичиган). Кроме того, основная цель наказания – общее предупреждение, а не специальное, как в случае применения химической кастрации [18, с. 247] (она применяется к ограниченному кругу лиц за совершение ограниченного круга преступлений).

Появление в российском уголовном законодательстве самостоятельного основания назначения принудительных мер медицинского характера (п. «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ) преподносится в средствах массовой информации как установление химической кастрации. Но на законодательном уровне указывается лишь на возможность назначения в

* Дело № 4/17-3/2014. Постановление от 14 января 2014 г. // Архив Стародубского районного суда Брянской области.

отношении рассматриваемых лиц принудительных мер медицинского характера, а способы лечения не оговариваются (категория «химическая кастрация» в российском законодательстве не упоминается).

В декабре 2015 г. член Совета Федерации А.В. Беляков направил в Государственную Думу проект Федерального закона № 908482-6, в котором предлагается в качестве вида принудительных мер медицинского характера предусмотреть химическую кастрацию (соответственно дополнив часть 1 ст. 99 УК РФ пунктом «д»). Автором законопроекта предлагается дополнить УК РФ ст. 101.1 следующего содержания:

«Статья 101.1. Химическая кастрация

1. Химическая кастрация осуществляется путем введения в организм препаратов, подавляющих сексуальное влечение, перечень которых устанавливается законодательством Российской Федерации.

2. Химическая кастрация подлежит назначению судом в качестве обязательной принудительной меры медицинского характера лицам, указанным в пункте «д» части первой статьи 97 настоящего Кодекса, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, предусмотренных пунктом «б» части четвертой и частью пятой статьи 131, пунктом «б» части четвертой и частью пятой статьи 132 настоящего Кодекса.

3. Химическая кастрация может быть назначена судом лицам, указанным в пункте «д» части первой статьи 97 настоящего Кодекса, совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, предусмотренные частями третьей – шестой статьи 134, частями второй – пятой статьи 135 настоящего Кодекса, на основании заключения врачей-психиатров.

4. Назначение судом химической кастрации не исключает применения в отношении лиц, указанных в пункте «д» части первой статьи 97 настоящего Кодекса, иных принудительных мер медицинского характера».

Обращает на себя внимание тот факт, что автор законопроекта, конструируя данную норму, не учел содержание примечания к ст. 73 УК РФ, в которой перечень преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, как мы уже указывали, шире, чем это отражено в представленном законопроекте. К тому же непонятным остается и вопрос о том, почему речь идет о применении химической кастрации только к лицам, страдающим расстройством сексуального предпочтения (педофилией), совершившим преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Существуют и другие парафилии, представляющие высокую степень общественной опасности, например, эксгибиционизм, сексуальный садизм, множественные расстройства сексуального предпочтения (сочетание у одного индивидуума различных аномальных сексуальных предпочтений). Так, исследования О.А. Бухановской показывают, что возможны следующие сочетания нарушений сексуального предпочтения (множественные расстройства сексуального предпочтения): а) педофилия + садизм; б) эксгибиционизм + педофилия + садизм; в) визионизм + фроттеризм + педофилия + садизм [4, с. 15].

В научной литературе можно встретить различные аргументы *pro et contra* относительно применения такой меры уголовно-правового характера, как химическая кастрация в отношении лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией).

Аргументы *pro*:

1. Лечить лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), альтернативными способами бессмысленно. Только химическая кастрация может лишить насильника возможности совершить повторное преступление и быстро достигает результата [13, с. 133-135]. При этом, по разным данным, уровень рецидивизма при применении данного лечения колеблется от 1 до 10% [20, с. 365]. Исследования химической кастрации, проведенные американскими учеными, показали, что в течение

восемнадцати лет только пять из семнадцати кастрированных преступников-педофилов вновь совершили преступления [18, с. 247].

2. Химическая кастрация на сегодняшний день является самой гуманной, поскольку она не связана с «необратимыми последствиями» для анатомического строения человека, как при хирургической кастрации. После прекращения применения инъекций все функции организма восстанавливаются. Поэтому в случае судебной ошибки, есть возможность все исправить [13, с. 133-135].

3. Химическая кастрация применяется во многих странах мира.

Основные аргументы contra:

1. Препараты не рассчитаны на пожизненное действие. При этом информация о частоте применения этих препаратов разнится. Так, по одним данным, их надо принимать постоянно, до конца жизни (3-4 раза в год) [19, с. 87; 13, с. 133-135], а в соответствии, например, с Законом штата Флорида от 1 октября 1997 г. № 97-184 «О химической кастрации» данная мера заключается в еженедельных инъекциях гормонов, приводящих к снижению полового влечения [1, с. 104].

2. По мнению врача-уролога М. Захарченко, химическая кастрация срабатывает не стопроцентно. Некоторые пациенты продолжают испытывать сексуальное влечение вопреки гормональным изменениям. Кроме того, эректильная функция педофила подавляется лишь на время приема медикаментов, но по окончании курса восстанавливается полностью. Более того, существуют способы блокировать действие лекарств. Лицо может обратиться к врачу и пожаловаться на проблемы с эрекцией. Врач, не осознавая, что перед ним педофил, получающий гормоны, выпишет препарат, восстанавливающий уровень тестостерона, который продают в аптеке по рецепту [10]. Для противодействия игнорирования лечения этих лиц они должны постоянно находиться под контролем правоприменительных органов (а это требует увеличения кадрового резерва и, как следствие, материальных затрат).

В США, например, исполнение химической кастрации контролируется департаментом исполнения наказаний. Инъекции производятся в соответствии с графиком, разработанным департаментом и утвержденным судом [1, с. 104].

3. Медики утверждают, что химическая кастрация тяжело сказывается на здоровье человека – при отсутствии тестостерона происходит сгущение крови. Таким образом, развивается гиперкоагуляция, появляется риск инфаркта, инсульта, а также размягчаются костные ткани [13, с. 133-135]. Основная же цель принудительных мер медицинского характера состоит в излечении лиц (в данном случае – страдающих педофилией) или улучшении их психического состояния. Такие меры не могут носить карательный характер, а ухудшение состояния здоровья есть не что иное, как кара. Это, по меньшей мере, есть нарушение принципа гуманизма, согласно которому иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

4. Следует помнить том, что большая часть сексуальных преступников не имеют диагноза расстройства сексуального предпочтения, а потому вопросы применения фармако- и психотерапии связаны с проблемами не только клинического, но и правового, а также этического характера [7, с. 78]. В связи с этим убедительным выглядит мнение правозащитников о том, что химическая кастрация может спровоцировать волну злоупотреблений. Правоохранителям спустят план, например, кастрировать 100 педофилов в год, и они будут обязаны это выполнить [13, с. 133-135], что приведет к применению данной меры уголовно-правового характера к лицам, совершившим преступление против половой неприкосновенности малолетних, но не страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией). А это, в свою очередь, в зависимости от обстоятельств дела может быть квалифицировано как злоупотребление или превышение должностных полномочий.

5. Специалисты в области психического здоровья признают неэффективность применения одних лишь методов биологической терапии в лечении расстройств сексуальной сферы, говоря о необходимости использования комплексного психолого-психотерапевтического воздействия на личность осужденного [7, с. 77-78].

6. Преступления против половой неприкосновенности малолетних и несовершеннолетних в большинстве случаев совершаются лицами мужского пола, но встречаются и факты женской педофилии. Например, по результатам проведенного Д.А. Гончаровым и В.В. Агафоновым исследования, доля мужчин, совершивших развратные действия, составляет 98,7%, а доля женщин, совершивших это же преступление – 1,3% [6, с. 58-61]. Применение химической кастрации только к лицам мужского пола является нарушением конституционного принципа равенства всех граждан. Для того чтобы решить эту проблему, необходимо разработать способы химического воздействия на организм женщины.

7. Немаловажным является и вопрос о дороговизне данной процедуры, возникает вопрос о том, из каких средств будет осуществляться соответствующее финансирование. В проекте Федерального закона № 908482-6 предлагается для применения принудительной меры медицинского характера в виде химической кастрации использовать средства из внебюджетных источников финансирования.

Подводя итог сказанному, отметим, что серьезных исследований эффективности такой меры безопасности, как химическая кастрация, еще не проводилось. Данные о рецидивизме сексуальных действий в отношении малолетних и несовершеннолетних со стороны лиц, страдающих расстройством сексуального предпочтения (педофилией), к которым применялась химическая кастрация, разнятся (по разным данным, от 3 до 83% [1, с. 107]). Считаем, что вопрос законодательной регламентации химической кастрации требует дополнительных научных исследований.

Литература

1. Авдалян А. Кастрация лиц, совершивших половые преступления: опыт США // Уголовное право. 2013. № 4.
2. Антонова Е.Ю. К вопросу о понятии преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Актуальные проблемы теории и практики противодействия преступлениям против личности: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (г. Хабаровск, 18 апреля 2014 г.) / под ред. А.С. Бахты, М.А. Тулигловича, К.А. Волкова. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2014.
3. Антонян Ю.М., Ткаченко А.А. Сексуальные преступления: научно-популярное исследование. М.: Альматей, 1993.
4. Бухановская О.А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными сексуальными опасными действиями (клиника, динамика, систематика): автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2003.
5. Гали Джолдыгулов. Педофилия – это социальная болезнь. URL: http://forbes.kz/news/2013/04/29/newsid_26556 (дата обращения: 19.09.2014).
6. Гончаров Д.А., Агафонов В.В. Развратные действия: криминалистический портрет личности преступника и жертвы // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 2.
7. Диденко А.В. Проблемы применения антиандрогенной терапии в местах лишения свободы в отношении осужденных, совершивших преступления сексуального характера // Вестник Кузбасского института. 2014. № 2 (19).
8. Жариков Н.М., Морозов Г.В., Хритинин Д.Ф. Судебная психиатрия: учебник для вузов / под общ. ред. Г.В. Морозова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004.
9. Жога Е.Ю., Плюгина И.О. Уголовно-правовые и судебно-психиатрические проблемы применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступления против половой свободы малолетних // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2013. № 1 (19).
10. Зубов А. Педофил может «обмануть» химическую кастрацию – эксперты // Аналитика. Расследования. Новости. URL: <http://365info.kz/2016/03/pedofil-mozhet-obmanut-himicheskuyu-kastratsiyu-eksperty/> (дата обращения: 17.03.2016).

11. Каменсков М.Ю. Фиксированные формы аномального сексуального поведения (клинико-патогенетические и судебно-психиатрические аспекты): автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2008.
12. Криминальная сексология: учеб. пособие / Г.Б. Дерягин [и др.]. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2011.
13. Мингес И.А. Химическая кастрация педофилов: за и против // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21.
14. Могачев М.И. Серийные изнасилования. М.: Логос, 2003.
15. Одинцова Л.Н. Вопросы привлечения к уголовной ответственности лиц, страдающих педофилией, не исключаяющей вменяемости, за уклонение от принудительных мер медицинского характера // Вестник Кузбасского института. 2015. № 4 (25).
16. Педофилия: криминологический диагноз: монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М.: ВНИИ МВД России, 2010.
17. Педофилия: преступление и наказание // Еженедельный опрос «Экспресс». 2011. Пресс-выпуск № 1833. URL: <http://wciom.ru/index.php?id =459&uid=111920> (дата обращения: 12.09.2014).
18. Рабош А.В. Наказание и иные меры уголовно-правового характера в уголовном законодательстве США // Преступность, девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Н.А. Исаева, А.В. Комарницкого. СПб.: Алеф-Пресс, 2014.
19. Семенцова И.А. К вопросу о принудительном лечении лиц с расстройствами сексуального предпочтения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 10.
20. Смирнов А.М. Половая преступность несовершеннолетних: монография. М.: Юрлитинформ, 2015.
21. Соломенцев В.В., Станевич Е.В. Судебно-медицинские, судебно-психиатрические и уголовно-правовые аспекты педофилии // Царскосельские чтения. 2012. № XVI. Т. 1.
22. Ткаченко А.А. Сексуальные извращения-парафилии. М.: Триада-Х, 1999.
23. Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних»: информационное письмо. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2012.
24. Harvey Gordon & Don Grubin. Психиатрические аспекты оценки и лечения лиц, совершивших сексуальные преступления // Обзор современной психиатрии. 2004. № 23. URL: <http://www.psyobsor.org/1998/23/6-1.php> (дата обращения: 24.03.2016).

УДК 343.97

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ

Илья Викторович Никитенко, профессор кафедры Хабаровского пограничного института ФСБ России доктор юридических наук, доцент

E-mail: dfvnii@mail.ru

Опыт исследования криминологических аспектов обеспечения миграционной безопасности государства позволяет утверждать, что миграционная политика современной России весьма противоречива и не всегда отвечает интересам общественной и государственной безопасности, о чем свидетельствует ряд последних изменений миграционного законодательства. Мнением об адекватности миграционной политики современным правовым реалиям мы и хотели бы поделиться с читателем.

Ключевые слова: безопасность России; иммиграция; криминология; миграция; миграционная безопасность; миграционная политика; защищенность; угрозы.

MIGRATION POLICY OF MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF LEGISLATION AND PRACTICE

Ilya Victorovich Nikitenko, chair professor of the Khabarovsk Frontier Institute of FSB of Russia Doctor of Law, associate professor

Experience of research of criminological aspects of ensuring migratory safety of the state, allows that migration policy Russia is very contradictory, and isn't always equitable to interests of public and state security to what a number of the last changes of the migratory legislation testifies. Opinion on adequacy of migration policy to modern legal realities we want, will share with the reader.

Keywords: safety Russia; immigration; criminological; migration; migratory safety; migratory policy; security; threats.

Выдающийся философ и публицист Томас Гоббс в исследованиях о происхождении и сущности государства указывал на неизбежный конфликт между его целеполаганием и фактическими результатами деятельности [1]. Сегодня подобные противоречия наиболее остро проявляются в реализуемой рядом государств миграционной политике. Об этом свидетельствует миграционная ситуация, сложившаяся в ряде стран Восточной и Западной Европы в 2015 г. На этом фоне Российская Федерация выглядела относительно благополучно, несмотря на очевидные проблемы в реализуемой миграционной политике, одним из показателей эффективности которой является минимизация детерминируемых миграционными процессами вызовов и угроз. Именно поэтому многие из современных исследований гуманитарного профиля посвящены различным аспектам обеспечения миграционной безопасности [4; 8; 12].

Из обзора публикаций, посвященных миграционной проблематике, следует, что многие специалисты разделяют мнение о неэффективности одностороннего подхода к профилактике миграционных правонарушений, основанного на расширении правовых запретов и ограничений в управлении миграционными процессами.

Подобное можно соотнести и с миграционной преступностью, а именно с определенной категорией преступлений против установленного порядка миграции населения, эффективное противодействие которым является важным условием обеспечения миграционной безопасности стран – «миграционных реципиентов».

Обобщение юридических проблем в обеспечении миграционной безопасности государства позволило выделить основные из них: наличие системных и редакционных недостатков в соответствующих правовых институтах; не всегда адекватная оценка степени и характера общественной опасности деликтов, влекущих причинение вреда интересам миграционной безопасности; недостатки функционирования самой системы, обеспечения миграционной безопасности государства и общества.

Следует обратить внимание и на не вполне отвечающую правовой реальности миграционную политику современной России.

Отечественный и зарубежный опыт управления миграционными процессами свидетельствует о том, что формирование и реализация такой политики не должны сводиться к банальному манипулированию от ужесточения к либерализации и обратно. Отечественный и зарубежный опыт управления миграционными процессами свидетельствует о том, что эта сфера деятельности государства должна прежде всего основываться на интересах национальной безопасности [11, с. 3-12; 5, с. 284-306]. Означает ли подобное утверждение, что в интересах обеспечения общественной и государственной безопасности страны «миграционные реципиенты» должны принимать меры к снижению иммиграционной активности, включая и трудовую иммиграцию, приоритетно решая задачу занятости собственного населения? И сколько бы в профессиональном сообществе ни возникало дискуссий на эту тему, опыт ряда стран с наиболее развитой экономикой свидетельствует о противоположном.

Известно, что секрет «экономического чуда» демонстрирующих наиболее высокие темпы развития некоторых стран Азиатско-Тихоокеанского региона и Латинской Америки специалисты связывают именно с теми конкурентными преимуществами, которые обусловлены низкой стоимостью рабочей силы. Эти же преимущества часто используют и транснациональные компании, определяющие вектор развития мировой экономики, размещая производственный сектор в странах с относительно дешевыми производственными силами либо нанимая представителей трудовой иммиграции из наиболее бедных стран [9, с. 234-248]. По оценкам специалистов в области миграционной безопасности, высокий спрос на нелегальную трудовую миграцию определяет еще более низкая стоимость труда «нелегалов» в связи с возможностью неисполнения в отношении этой категории работников социальных обязательств.

Суждения о значении миграционных процессов для экономического развития России еще более актуализируют проблемы ее миграционной политики, что, в свою очередь, тесно взаимосвязано с вопросами обеспечения соответствующих компонентов безопасности российского общества и государства.

Более чем десятилетнее наблюдение за изменчивостью государственной миграционной политики позволяет нам говорить как о ее противоречивости, так и несоответствии некоторым национальным приоритетам, нашедшим отражение в политических декларациях, определяющих перспективные направления развития Российской Федерации [2; 3; 6; 10].

В последние годы в научной и политической среде развернулась активная дискуссия, суть которой, в самом общем виде, может сводиться к нескольким вопросам:

1. Представляет ли внешняя миграция угрозу национальным интересам, если да, то насколько существенную?
2. Может ли российская экономика устойчиво функционировать и развиваться без трудовой иммиграции?
3. Что больше влияет на отечественную миграционную политику: интересы экономики или интересы национальной безопасности?
4. Готово ли общество к решению демографических и других взаимосвязанных проблем через рост иностранной миграции?
5. Способствует ли рестрикция миграционного режима управлению миграционными потоками?

6. Целесообразно ли уделять большее внимание иммиграционной селекции и интеграции иностранцев в российское общество?

Вероятно, что это далеко не все вопросы, обуславливающие всю многоплановость научной полемики о направлениях развития миграционной политики. Для нас же важны именно те, которые непосредственно взаимосвязаны с проблемами обеспечения миграционной безопасности России, ответы на которые способствуют формированию целостного представления об адекватности такой политики современным вызовам.

Последние наиболее заметные изменения миграционного законодательства свидетельствуют о том, что современная миграционная политика сосредоточена на решении проблем интеграции трудовых мигрантов в российское общество, однако это только на первый взгляд. В реальности же правовой регламент оформления трудовых правоотношений в миграционной сфере стал таким, что многие из трудовых мигрантов вынуждены покидать приделы Российской Федерации, другие же, невзирая на угрозы административной ответственности, переходят в категорию незаконно пребывающих на ее территории. К сожалению, последних, по мнению экспертов и по результатам социологических опросов, больше, чем первых. И это в условиях, когда из-за экономического кризиса рейтинг миграционной привлекательности России заметно снижается. Такое развитие событий ослабляет миграционную безопасность государства и детерминирует новые вызовы и угрозы, наибольшая опасность которых выражается в их криминогенном потенциале.

Для того чтобы разобраться в сложных коллизиях формирования современной миграционной политики, следует обратить внимание на соответствующие разделы миграционного законодательства.

Ранее отмечалось, что в системе государственного управления миграционными процессами осуществлен ряд масштабных проектов, которые должны обеспечить запрос общества на усиление требований миграционного режима, что должно способствовать снижению иммиграционной активности.

Однако результаты многочисленных социологических исследований свидетельствуют, что на общественное мнение во многом влияет акцентированное внимание на проблемы миграции политиков и средств массовой информации, научной общественности и правоохранительных органов. Так, банальные, на первый взгляд, правонарушения, не вызывающие интереса общественности в случае их совершения гражданами России, становятся резонансными событиями, если совершаются иностранными мигрантами. Указанное обстоятельство отразилось на содержании ряда положений миграционного законодательства.

В соответствии с Федеральным законом «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» «въезд в Российскую Федерацию иностранному гражданину или лицу без гражданства может быть не разрешен в случае, если иностранный гражданин или лицо без гражданства неоднократно (то есть два и более раза) в течение трех лет привлекались к административной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации за совершение административного правонарушения на территории Российской Федерации, – в течение трех лет со дня вступления в силу последнего постановления о привлечении к административной ответственности» [7].

Однако при этом не уточняется, какие именно административные деликты имел в виду законодатель. Но, исходя из приоритета «буквальности толкования» законов, можно предположить, что подобная норма распространяется на все без исключения административные правонарушения и даже относящиеся к правилам дорожного движения, без учета их тяжести и опасности. Например, перешел дорогу в неустановленном для пешеходов месте, вот и основание для отсчета первого из двух допустимых правонарушений.

В реальности же любой из иностранных мигрантов в подобных случаях обременен «двойной» ответственностью, так как формально может попасть под административное выдворение с последующим запретом въезда на территорию России. Если же такой правонарушитель пытается уклониться от административной ответственности, то по формальным основаниям его причислят к «нарушителям режима пребывания», что станет основанием для применения иных репрессивных мер.

Весьма противоречивой новеллой миграционного законодательства явился Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», который вступил в силу 1 января 2015 г.

Этот нормативный акт устанавливает новые дополнительные требования относительно перечня документов, необходимых для оформления разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на занятие трудовой деятельностью.

Так, иностранные мигранты, желающие оформить указанные правоотношения, должны пройти тестирование на предмет владения русским языком, а также показать соответствующий уровень знаний основ российского законодательства и некоторых исторических фактов и событий, перечень которых утверждает Минобрнауки. Результат положительного прохождения тестирований подтверждается специальным «сертификатом», который выдают образовательные учреждения на территории России либо за ее пределами, уполномоченные экзаменовывать иностранных мигрантов.

Вероятно, что подобная практика должна способствовать «селективной» миграционной политике, а также интеграции иммигрантов в российское общество, если бы не проблемы, связанные с обеспечением исполнения этих законодательных инициатив. Это прежде всего весьма ограниченные нормативные сроки, серьезные недостатки в самой процедуре тестирования и оформления сертификатов, весьма значительные для трудовых иммигрантов расценки на оплату этих «услуг». Очевидно, что определенная часть иностранных мигрантов сегодня перешли в категорию «незаконно пребывающих на территории Российской Федерации» после неудачных попыток пройти указанные процедуры и оформить трудовой патент. Другие же избегают легализации своего пребывания, объясняя это отсутствием средств, либо ссылаются на неосведомленность в вопросах оформления миграционных правоотношений, которые нередко вызывают затруднения даже у представителей приглашающей и принимающей сторон. Однако и первое, и второе способствует росту нелегальной миграции, что значительно осложняет управляемость миграционными процессами.

Особого внимания заслуживает проблема прохождения иммигрантами, претендующими на оформление трудовых правоотношений, медицинских осмотров.

Как показала практика реализации вышеупомянутых законодательных новаций, медицинские освидетельствования в установленные миграционным законодательством сроки прошла только часть претендующих на оформление патентов*. Чаше всего это объясняется перегруженностью уполномоченных медицинских учреждений и слишком высокой для большинства трудовых иммигрантов стоимостью медицинских комиссий.

* Социологические наблюдения и анализ соответствующих статистических данных позволяют констатировать, что по состоянию на апрель-май 2015 г., в южных регионах Дальневосточного федерального округа только 1/3 трудовых иммигрантов прошли предусмотренные миграционным законодательством процедуры, что может свидетельствовать о значительном приросте нелегальной миграции. Кроме того, с ноября 2014 г. по март 2015 г. отмечался массовый отток трудовых иммигрантов за пределы РФ. Экспертные опросы свидетельствуют о том, что среди выезжающих, как правило, наиболее законопослушная часть мигрантов. Однако среди основных мотивов отъезда называют опасения оказаться в категории «нелегалов», а также отсутствие средств, позволяющих обеспечить дальнейшее пребывание, либо бесперспективность их зарабатывать.

Те же немногие, которые смогли пройти тестирование и медицинский осмотр, часто не укладываются в срок действия медицинской справки, подтверждающей прохождение осмотра. Однако и сроки законного пребывания в России ко времени подачи необходимых для оформления патента документов тоже истекают, что делает невозможными попытки повторного медосмотра даже при условии готовности иммигранта провести повторную оплату. Не вызывает сомнений, что подобный порядок оформления разрешений на занятие трудовой деятельностью способствует росту коррупции в этой сфере общественных отношений.

Еще более удручающей представляется организация и проведение тестирований иммигрантов на предмет владения русским языком, основами российской истории и законодательства, что также определено миграционным законодательством России в качестве одного из условий для оформления трудовых патентов.

Сама идея о необходимости тестирования трудовых мигрантов не вызывает нареканий, безупречны и цели этого мероприятия – «интеграция иностранцев в российское общество», «адаптация к новым условиям жизни» и тому подобное. Но как эту идею реализовать на практике? Во-первых, не определены государственные расценки за организацию и проведение подобных тестирований, которые устанавливаются в произвольном порядке в расчете на срабатывание рыночных механизмов конкуренции. Думается, что экономическая конкуренция в подобных мероприятиях, как минимум, неуместна, так как дискредитирует саму идею. Во-вторых, вовлеченные в этот процесс образовательные учреждения получили возможность зарабатывать не только на тестировании, но и организации специализированных курсов для тех, кто не достиг положительного результата, что при подобных обстоятельствах может поставить под сомнение и объективность самих оценок.

Еще более курьезно выглядит ситуация, когда в зависимости от того, в каком из уполномоченных центров сдавался экзамен, количество прошедших и не прошедших тестирование варьируется в разы, что порождает самые разнообразные предположения – от нарочитой демонстрации лояльности к тестируемым в целях получения конкурентных преимуществ на этом «рынке» до лоббирования интересов работодателей, использующих труд гастарбайтеров, которые нуждаются в получении соответствующих сертификатов. Однако же и первое, и второе, как, впрочем, и другие из аналогичных вариантов обоснования сложившейся ситуации в указанной сфере миграционных правоотношений, можно квалифицировать как проявления коррупции.

Критика современной миграционной политики у скептиков её либерального направления вызывает ряд справедливых вопросов:

1) как организовать эффективную систему иммиграционной селекции без предварительного выяснения способностей потенциальных иммигрантов адаптироваться к новым условиям жизни в российском обществе?

2) как интегрировать трудовых иммигрантов в российское общество без должного владения русским языком, знания основ российской культуры и российского законодательства и, главное, как повысить эти знания, до приемлемого в российском обществе уровня?

3) как минимизировать коррупционные и иные сопутствующие риски, вовлекая в эти процессы образовательные и медицинские учреждения, а также иные заинтересованные субъекты?

4) как в условиях высокой криминализации рынка труда иностранных рабочих организовать эффективное частно-государственное партнерство, о котором сегодня так много говорят и без которого в указанной сфере отношений сегодня не обойтись ввиду заинтересованности в существовании подобного рынка со стороны частных лиц?

Основной же вопрос заключается в выяснении путей преодоления уже сформировавшейся зависимости отечественной экономики от дешевой рабочей силы, источни-

ком которой является трудовая иммиграция, однако ее численность сегодня снижается в связи с новыми требованиями миграционного законодательства.

Анализируя подобное развитие событий, а также в целом признавая позитивность идеи о совершенствовании институтов интеграции трудовых иммигрантов в российское общество, остается уповать на то, что вышеизложенное – лишь «невольные издержки» миграционной политики, которые могут быть преодолены только через отрицательный опыт. Это позволит скорректировать миграционное законодательство и усовершенствовать процедуру его применения, что в будущем должно способствовать укреплению миграционной безопасности российского общества и государства.

Литература

1. Гоббс Т. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1991.
2. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
3. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 20 ноября 2013 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Никитенко И.В. Криминологическое обеспечение миграционной безопасности азиатской части России: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014.
5. Никитенко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект): монография / под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2013.
6. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (в ред. от 08.08.2009). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ (в ред. от 30.12.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Попов Г.Г. Миграционная безопасность России (институционально-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006.
9. Прогноз и моделирование кризисов и мировой динамики / отв. ред. А.А. Акаев, А.В. Коротаев, Г.Г. Малинецкий. М.: ЛКИ/URSS, 2010.
10. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 (в ред. от 01.07.2014). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Теория и практика расследования преступлений в сфере миграционной безопасности / С.Э. Воронин [и др.]. Красноярск: Сибирский ин-т бизнеса, управления и психологии, 2015.
12. Хабриева Т.Я. Миграция в России: о модели правового регулирования // Журнал российского права. 2006. № 7.

УДК 343.97

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ КРИМИНОЛОГИИ**Виктор Николаевич Фадеев**, профессор кафедры Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор

E-mail: fadei87@mail.ru

Цель данной статьи – показать, каким образом криминология может связать перспективы своего развития как науки о профилактике и борьбе с преступностью с судьбой России, ее ближайшим и отдаленным будущим. Для этого требуется адекватно определить предмет, метод науки и практики, с одной стороны, и предметное поле компетенций, приемлемое обществом и государством, – с другой.

Ключевые слова: фундаментальная криминология: неоклассическая, неклассическая и глобальная криминология; единство предмета и метода фундаментальной криминологии; корни преступности; сознание, осознание, криминальное сознание; микромир, макромир; микромир преступного мира.

LOOKING TO THE FUTURE OF CRIMINOLOGY**Victor Nikolaevich Fadeev**, chair professor of the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot Doctor of Law, professor

The aim of the present article is to show how criminology can connect the prospective of its development as science about the prevention and struggle with the criminality with the destiny of Russia, its close and remote future. For that it is necessary to adequately determine the subject, methodology of science and practice from the one side, and subject field of competence, acceptable by the society and state from the other side.

Keywords: fundamental criminology: classic, non-classic and global criminology; unity of subject and method of fundamental criminology; roots of criminality; consciousness, recognition, criminal consciousness; micro world, macro world; micro world of the criminal world.

Делая «амбициозную заявку» по определению направлений развития *будущей криминологии*, необходимо иметь в виду, что для раскрытия ее содержания требуется гораздо больше пространства-времени, но самое главное – глубокий анализ *прошлого и настоящего* состояния науки криминологии для определения путей ее *будущего* развития.

Чтобы рассмотреть обозначенную грандиозную проблему, необходимо хотя бы в общем виде раскрыть, насколько это возможно в рамках данной статьи, новый взгляд на развитие криминологии (мы это назвали Фундаментальной криминологией) как науки о профилактике и борьбе с преступностью, «*фронт*» которой понимается нами намного шире и глубже, чем это делалось и пока что делается в ее классической версии. Это расширение поля профессионального внимания необходимо потому, что *формы и масштабы преступности* за последние десятилетия очень сильно изменились.

Так, в книге М. и И. Клейменовых «Нераскрытая преступность» называется цифра общего объема совершенных преступлений в стране в 2013 г. – 20 086 519. По мнению профессора Ю.В. Голика, это «...без учета латентной преступности. Если учесть и ее, то эту цифру можно смело помножить, как минимум, на три. Но они пошли дальше. Они посчитали, и получилось, что реальная раскрываемость преступлений в 2013 г. составила 6,9%. Полученные результаты, видимо, удивили и самих авторов. Недаром они написали, что "...этот показатель с трудом будет воспринят работниками правоохрани-

тельных органов". Да и не только ими. Впрочем, особенно возмущаться вряд ли кто будет», – завершает свою мысль Ю.В. Голик [1].

С точки зрения классической науки и практики борьбы с преступностью, вроде бы делается все правильно, но это – путь в никуда, т.к. мы занимаем оборонительную позицию, а надо работать на опережение, на будущее, а значит, в науке и практике необходимо занять наступательную позицию, не «топтаться» на постсоветской площадке, жизнь кардинально изменилась, изменилось и правовое поле, которое требует своего расширения.

Расширение поля профессионального внимания необходимо еще и потому, что современные формы преступности не только изменились и в принципе не укладываются в традиционное *уголовно-правовое поле*, но они еще и развиваются по своей логике и во многих отношениях – вне компетенций современной теории и практики борьбы с преступностью.

В обоснование этого тезиса приведем следующий аргумент. Сегодня мировой ВВП составляет ~ 66-68 трлн дол. США, а, по различным экспертным оценкам, в обороте мировой финансовой системы в настоящее время находится ~ 2,5 квадриллиона дол. США, и об этом факте известно многим ученым и специалистам международных органов и организаций, занимающихся борьбой или, если угодно, противодействием легализации незаконных доходов. При этом в международную жизнь внедряются новые формы и методы всеобщей глобализации под эгидой либерализации мировой торговли, но на самом деле это проводится в интересах транснациональных корпораций, а это, в свою очередь, детерминирует глобализацию преступности.

Необходимо отметить еще один аргумент. *Угроза**, которую несет с собой преступность, должна, по мнению профессора В.В. Лунеева, составлять предмет классической криминологии. Это малая часть той глобальной угрозы, которая «подготовлена» в соответствии с концепцией «золотого миллиарда», в том числе в отношении нашей страны и ее населения, и которую многие представляют как *глобальную программу развития общества, а на самом деле его конца* (вспомним известную работу Д. Коллемана «Комитет 300»)** . К тому же вся преступность, включая и экономические «убийства» стран и народов (исходя из известных работ Дж. Перкинса «Исповедь экономического убийцы» или Н. Хаггера «Синдикат» и др.), выступает как эффективный инструмент реализации концепции «золотого миллиарда».

Академическая, или классическая криминология, такой «формат» преступности просто «не тянет», равно как и правовой механизм – *уголовный, гражданский и прочие кодексы*.

* Понимание одним из ведущих криминологов России В.В. Лунеевым предмета криминологии как «... изучение (возможности - В.Ф.) выживания в условиях постоянно развивающейся криминализации всех общественных отношений», не принимают как «глобальную угрозу народу и стране» даже сами криминологи, а тем более – политики и чиновники, до которых В.В. Лунеев неоднократно пытался «достучаться» с предложением об обязательной криминологической экспертизе постановлений Правительства, а также крупных проектов, направленных на развитие хозяйственно-экономической сферы [2, с. 20-27; 3, с. 27].

** Вспомним также высказывания бывшего премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер о том, что на территории России должно проживать не более 15 млн человек, или слова бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт, «что Россия несправедливо владеет Сибирью..., Россия не должна одна владеть Сибирью и т.д.». Что уже говорить о Программе 1948 г. Алена Далеса «...об уничтожении СССР через разращение ее народа...» или об известной программе 60-х гг. под названием «ПАТТЕРН» («достижение военно-политического превосходства США над всем миром» за 30 лет, чего, в принципе, США и добились к середине 90-х гг. минувшего столетия).

В связи с этим предлагаем *три ступени* возможного развития *Фундаментальной криминологии*, на каждой из которых целесообразно введение определений *предмета и метода*, соответствующих ее специфике.

Первая ступень – *классическая*, или *неоклассическая* (в том числе современная) криминология, которая по традиции рассматривает преступность как нечто внешнее и строит с нею и с обществом свои отношения на *уголовно-правовой* основе, больше напоминающей «прокрустово ложе».

Вторая ступень – *неклассическая версия* криминологии, согласно которой криминология и преступность представляют собой нечто единое в своей неопределенной и потому имманентной основе, как бы две стороны одной медали, так что внимание теории и усилия практики смещаются в отношения между ними как в самостоятельную *полевую* реальность. Это делается по буквальной аналогии с современной (неклассической) физикой, о чем в общем виде будет сказано далее, которая за прошлый век раскрыла таинства физических полей и микромира и развернула благодаря этому множество приложений для осмысления фрагментарной картины мира и для практического применения именно *глубинной* формы его познания.

И, наконец, *третья ступень*, которую мы видим как собственно будущее криминологии, – это *Глобальная криминология*, по своей сути представляющая собой, образно говоря, сплав совести и разума, «кровавый опыт» развития человечества и осмысленный ее патриархами от науки. Это, так сказать, *проект* строительства бескриминального будущего, свободного от насилия и обмана.

При этом мы ни в коей мере не отрицаем *классическую криминологию* как науку о преступности и борьбе с нею. Иное дело, что ее теперь можно рассматривать лишь как *отправную, базовую версию*, которая в связи с глобализацией преступности и преступной глобализацией оказалась недостаточно эффективной в отношении к криминальному миру в его новых *формах и масштабах*.

Ясно, что в этих условиях происходит глубокая перестройка социально-правовых отношений, и потому совершенно неизбежна трансформация *предмета и метода криминологии*, которая по идее должна быть упреждающей в отношении к криминализации жизни страны, но не сыграла такой роли и теперь «топчется» на месте, высматривая себе «уютный уголок». Для прояснения нашей позиции представляется весьма важным выделить вопрос о *неопределенности предмета и метода криминологии*, а значит – предметного поля деятельности и сферы ее действительных компетенций, где мы и расходимся с оппонентами.

В сущности, эта *неопределенность* имеет место в связи с «зацикленностью» криминологии, с одной стороны, только на привычном *уголовно-правовом поле*, а с другой – на пресловутой «личности преступника», то есть на уровне «единичного», если пользоваться понятиями диалектической логики.

Особое внимание обращают на себя также проблемные взаимоотношения с *властью*, необходимость перехода в сфере борьбы с преступностью от *оборонительной к наступательной позиции*, что в целом предполагает капитальную «разборку» на уровне «особенного», то есть именно в сфере общественных отношений и деятельности всех социальных институтов.

Наконец, *неопределенность предмета и метода криминологии* наблюдается на уровне взаимодействия криминологии и ее приложений с другими социальными институтами для организации *тщательно спланированного, спроектированного и обеспеченного* во всех отношениях перехода к благополучному и бескриминальному жизнеустройству в соответствии с Конституцией и вместе с властью за 25-30 предстоящих лет, исходя опять же из понятий диалектической логики, – это уровень «*всеобщего*».

В связи с этим особенно интересен в преодолении неопределенности предмета и метода опыт современной, иначе, *неклассической физики*, которая одной из первых осуществила за прошлый век многопрофильный конвенциональный подход в преодоле-

нии неопределенности *кванта действия*, или *фотона*, приняв в качестве предмета науки и деятельности соотношение *неопределенностей волнового и корпускулярного* аспектов его поведения в *пространстве-времени*.

В данной статье мы не сможем уделить внимание детальному анализу процесса перехода классической физики в неклассическую, отметим лишь то, что известные нам представления о физическом мире и науке сложились в результате эволюции и, в этом смысле, показательны для того, как следует подходить к *неопределенности предмета и метода* в сфере криминологии и борьбы с преступностью.

Говоря же о *неопределенности предмета и метода криминологии*, нужно прежде всего поставить вопрос: насколько та *логика*, которой оперирует классическая версия криминологии, соответствует *логике ее объекта*, то есть *логике совершения и развития преступлений и преступности* как их совокупности на какой-то физической территории и в правовом поле.

В принципе, речь идет о процедуре закладывания и начала публичного формирования *предметно-логических основ неклассической версии криминологии* по аналогии с переходом от классической версии физики к неклассической, которая после главных своих открытий в микромире на протяжении всего прошлого века постепенно выстраивалась как принципиально новое мировоззрение и его многочисленные технические и технологические приложения, поскольку стали понятны многие *причинно-следственные связи и отношения*, действующие в этом виртуальном мире.

В связи со сказанным подчеркнем, что из всех гуманитарных наук именно криминология может и должна *первой* вступить на путь формирования *сущностных знаний о своем полевом объекте* и научиться с ним работать, поскольку *полевая реальность*, которая «прячется» за *неопределенностью ее предмета и метода*, побудившая профессора В.В. Лунеева обратить своим определением криминологии внимание на *выживание как на проблему*, представляется как *реальная угроза* жизни нашего общества и страны.

В сущности, неопределенность предмета и метода современной криминологии является следствием и отражением неопределенности вектора развития современного общества в целом, *отсутствия ясных представлений о его прошлом, настоящем и будущем*.

В ходе либеральных реформ в 90-е гг. минувшего столетия проявился *общесистемный кризис* в сфере науки, особенно *гуманитарной*, предметом которой в общем случае является *человек* и к которой относится юридическая наука, в том числе и криминология как часть целого. Криминологию потихоньку сначала отодвинули, а затем и оторгли от поиска и выявления ответственных субъектов за рост и развитие всех форм преступности и дали возможность поделить ее на «научные делянки», «деляночки» и совсем уж на «узкие полоски», откуда масса разных пустых диссертаций, вал наукообразных, но никчемных публикаций, надуманных исследований, а результат один – все попросту в «никуда», в бездонную «черную дыру» полной безответственности за то, что делается в криминологии, и за то, что происходит со страной и жизнью в ней народа. Эти процессы присущи не только криминологии, но и иным отраслям юридической науки, которые действуют в основе своей в рамках все той же *бинарной логики* – на уровне *единичного*.

При всей привлекательности концептуальных положений классической криминологии и их кажущихся логичности, фундаментальности и обоснованности они обладают *общим недостатком* – не объясняют основы появления и зарождения преступности и, следовательно, преступного поведения, не определяют *корни* преступности и *сущность* девиантного, антиобщественного поведения личности, что, в свою очередь, не позволяет разработать *целостную теорию и практику предупреждения преступности*.

В связи с этим в криминологии, как представляется, невозможно обойтись без таких понятий, как *корни преступности* и *сущность преступника*, – основополагающих элементов *предмета* разрабатываемых *основ теории фундаментальной криминологии*.

Фундаментальная криминология как *новая форма* находится сейчас в состоянии осмысления и разработки ее основ.

Что же касается *неклассической версии* криминологии, то она может стать, по форме, аналогом изучения *микромира*, открытого физикой вне человека и его чувственного восприятия. По сути же и содержанию это будет *метафизический микромир человеческого сознания – планетарного и космического*, в том числе *преступного*, чем, собственно, и *определяются* отношения с *неклассической* версией криминологии и с ее партнерами – психологией и психиатрией; антропологией и палеоантропологией; историей, предысторией и палеоисторией; физикой, астрофизикой и ее приложениями; генетикой, биологией и космобиологией; педагогикой и воспитанием; экологией и демографией; социологией и социальной политикой; восточной натурфилософией, метафизикой, астрологией и другими версиями навыков и знаний, во многом «экзотическими», с точки зрения *криминолога* *.

Для такого осмысления и разработки *основ и неклассической, и глобальной* версий *криминологии* как структурных элементов *фундаментальной криминологии* нужно изменять не только и даже не столько *предмет и метод* науки и практики, но и сам *логический инструмент*, который должен соответствовать этой принципиальной новизне и быть адекватным в работе с нею. Для этого надо полностью отойти от *вульгарного материализма* и принять *новую философскую доктрину и иное мировоззрение*, соответствующее и этому отхождению, и вхождению в мир будущего.

Основной вывод из сказанного становится важной предпосылкой для определения *предмета неклассической криминологии* и состоит в том, что вся история человечества представляется только в чьих-то интерпретациях и потому носит субъективный характер, а значит *не осознана* им в полной мере, так что оно живет и продвигается в *будущее* в состоянии, близком к *неопределенности*, не зная и не осознавая действительных оснований своего *появления, существования и развития*. Поэтому *метод неклассической криминологии* состоит в преобразовании жизни и деятельности, которое имеет своей целью освобождение от неконтролируемого действия, в первую очередь от *преступности и социально-экологического паразитизма* как ее основы.

Глобальный характер крупномасштабной версии криминологии, которая будет формироваться параллельно с *неклассической* и опираясь на нее, объясняется двумя обстоятельствами.

Во-первых, именно *криминология* должна располагать наиболее полной информацией об альтернативе подлежащих реализации общечеловеческих ценностей и идеалов, поскольку в ее *предмете* может и должен быть сосредоточен и обобщен весь «горько-соленый и кровавый» опыт безуспешной борьбы человечества за выживание и сохранение этих идеалов в условиях постоянно нарастающей криминализации общественных отношений и разных форм преступности.

Во-вторых, системно-целевой подход и методология ПАТТЕРН («Достижение военно-политического превосходства США над всем миром» за 30 лет) *при соответствующей доработке и адаптации* могут быть использованы как для ретроспективного анализа криминальных событий *любого масштаба*, так и для *долгосрочного* детального проектирования процесса строительства системы нормального жизнеустройства и жизнеобеспечения, освобождающей общество от криминала и многих других проблем.

* В связи с этим интересен и поучителен междисциплинарный, многофакторный, комплексный и полипараметрический подход в подготовке специалистов параллельно с исследованием природных и социальных явлений, происходящих в обществе. Работа проводится в лабораториях Курчатовского НБИК центра (нано-, био-, информационных и когнитивных технологий) под руководством члена-корреспондента РАН М.В. Ковальчука и Академического НБИК университета в Санкт-Петербурге под руководством лауреата Нобелевской премии академика Ж.И. Алферова.

Следовательно, устами криминолога лишь одно можно сказать определенно, что *реальное и правовое поля* уже радикально изменились по объективным обстоятельствам и еще не устоялись в своем новом качестве, так что сформулировать *новые представления* о базовых категориях *криминологии* очень непросто, если вообще возможно. И, тем не менее, пока не поздно, необходимо определить ее *концепцию*, а значит – ее *предмет, метод, логику* и, как следствие, *теорию*.

Обобщая вышеизложенное, предварительно можно сказать, что в качестве *предмета фундаментальной криминологии* как научно-правового института выступает *совокупная угроза, а в качестве метода – выживание нации и страны*, представленное как цель и процесс ее достижения. *Цель* гипотетически определена как альтернатива уничтожению народа – *выживание* в форме удвоения численности и активного периода жизни представителей коренного населения страны. В связи с этим, по социально-демографическим соображениям, определился и период, за который нужно обеспечить гарантии выживания, – 25-30 лет, это возрастная разница между представителями 4-5 поколений в родовой семье.

Следует отметить еще одно принципиальное обстоятельство. Насколько можно судить, беспомощная в отношении к глобализации преступности как преступной глобализации *классическая криминология* является одной из прикладных ветвей материалистической философии, в соответствии с которой она (т.е. криминология) может в полной мере рассматривать только реальные события, уже свершившиеся деяния, в том числе криминального характера. Однако ностальгия по предупреждению преступности и профилактике правонарушений, предполагающая *иную философию*, пронизывает очень многие профессиональные работы, но неуклонный рост и развитие ее форм свидетельствуют о том, что *системы эффективной профилактики преступных деяний в обществе пока просто нет, как нет и подходов к ее созданию*.

Чтобы приблизиться к достижению указанной *цели* и к реализации поставленных *задач*, необходимо обозначить насущные и отвечающие сегодняшним и будущим научным и практическим потребностям отдельные сферы, позволяющие, как нам представляется, раскрыть *сущность основ теории фундаментальной криминологии*, к которым можно отнести следующие направления исследования:

1. Соотношение логики и предмета фундаментальной криминологии.
2. Единство предмета и метода фундаментальной криминологии.
3. Логика исследования предыстории человечества.
4. Соотношение неоклассической, неклассической и глобальной криминологии.
5. Неклассическая криминология и преступность.
6. Антология развития преступного мира.
7. Глобализация преступности – преступная глобализация.
8. Предпосылки для проведения общественно-криминологической экспертизы предыстории человечества.
9. Криминологический взгляд в будущее России и человечества.
10. Криминальные аспекты «перестройки» общественного жизнеустройства и экономики России.
11. Криминальная финансовая система.
12. Криминальное торгово-денежное обращение.
13. Концепция «золотого миллиарда» и судьба человечества.
14. Концепция проектирования будущего и проблемы управления мировой динамикой.

В заключение необходимо отметить, что по каждому из перечисленных и предложенных направлений развития науки криминологии в последующем можно сделать более детальные и предметные соответствующие сообщения. Тем более они касаются и охватывают не только криминологию и иные отрасли юридической науки, но и общественные сферы знания, включая философию и логику, историю, экономику, финансы,

психологию и другие сферы научной деятельности, в том числе и области естественных наук, на основе междисциплинарного, многофакторного, полипараметрического подхода, анализа и взаимодействия с различными научными и учебно-практическими циклами по принципу НБИК-технологий по подготовке специалистов, параллельно с исследованием природных и социальных явлений и процессов, происходящих в общественной жизни, а также по подготовке кадров, соответствующих современным и будущим потребностям различных сфер жизнедеятельности. *В нашем случае* это общественное спокойствие граждан, разработка мер по предупреждению преступности и профилактики правонарушений через формирование механизма правомерного поведения населения страны в целом и конкретного человека, в частности.

Литература

1. Голик Ю.В. Мир вступил в эпоху собственного реформирования // Независимая газета. 2015. 17 ноября.
2. Лунеев В.В. Коррупция в России // Государство и право. 2007. № 11.
3. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии. М., 2012. Т. 1.

УДК 343.02

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ИСПЫТАНИЯ

Сергей Владимирович Маликов, ведущий научный сотрудник ВНИИ
МВД России кандидат юридических наук
E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

В статье анализируется уголовно-правовое испытание, в состав которого в теории уголовного права включаются институты условного осуждения, условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, отсрочки отбывания наказания. Объединяющим началом признается их условность, а также некарательное воздействие. Дополнительным аргументом в пользу формулирования единого института испытания является наличие регламентированной продолжительности (периода испытания) у каждого из составляющих его элементов.

Ключевые слова: уголовно-правовое испытание; длительность наказания; лишение свободы.

TEMPORAL GROUNDS OF PROBATION IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Sergey Vladimirovich Malikov, leading researcher of the NRI of the Ministry
of Interior of the Russian *Kandidat nauk* degree in Law

Probation in Russian criminal law exclusively is a subject of theoretical researches. It usually includes institutions of probation, parole from serving a sentence, deferred punishment. That approach takes into account their conditional character and non-punitive impact, but disregards the presence of a particular test period for each of them.

Keywords: criminal legal terms; duration of the punishment; deprivation of liberty.

Изменения в обществе определяют динамичное обновление нормативной правовой базы, характер которого в России приобрел лавинообразные формы. Уголовный кодекс РФ стал одним из рекордсменов по числу поправок. Сами законодатели признают, что изменения конъюнктурны и поляризуются от либерализации до жесто-

чения санкций. Это особенно заметно на примере повышения уровня пенализации за преступления коррупционной направленности, против половой неприкосновенности несовершеннолетних, в сфере незаконного оборота наркотических средств, оружия и взрывчатых веществ, в фармацевтической отрасли (подделка лекарственных средств), дорожно-транспортные преступления (связанные с причинением смерти лицами, находившимися в состоянии алкогольного опьянения), мошенничество и др.

На этом фоне остаются практически без внимания инициативы, направленные на корректировку наказания, связанную с широким использованием темпоральных инструментов. Правда, таких примеров единицы, к наиболее ярким можно отнести проекты о введении специальных коэффициентов для зачета в общий срок времени, проведенного осужденного под домашним арестом или в следственном изоляторе; об изменении порядка условно-досрочного освобождения для пожизненно заключенных; об увеличении сроков погашения судимости и др.

Истоки происходящих уголовно-политических процессов, связанных с подобным воздействием на преступность, лежат в сфере социологии, психологии и культуры. В обществе существует определенный консенсус, социальное ожидание, согласно которому основной инструмент воздействия на преступность – строгое наказание, заключающееся в максимально длительных правоограничениях. Вместе с тем такой подход имеет исключительно сиюминутный, бесперспективный характер, поскольку в основном преследует цель устранения преступника из общества на максимально продолжительный период ввиду трудности применения в современных социально-экономических условиях иных действенных мер по его исправлению и социализации. Символичность и декларативность подобных законодательных инициатив подтверждается тем, что судебная практика не идет по пути назначения максимально продолжительных наказаний, если дело не получает широкого общественного резонанса.

Учеными и законодателями давно признается необходимость концептуального подхода к обновлению уголовного законодательства. Настоящая либерализация уголовной политики должна начинаться прежде всего с оценки объема применяемой репрессии. На первый план в данном контексте выходят работы, посвященные наказанию и иным мерам уголовно-правового характера. Особое место при этом занимают исследования, рассматривающие новые подходы к уголовно-правовому воздействию, в том числе испытанию.

Проблема институализации уголовно-правового испытания сложна и неоднозначна. Связано это в первую очередь с отсутствием терминологии. Понятие «испытание» в уголовном праве не нашло широкого употребления [11, с. 106-107]. В единичных исследованиях употребляется сочетание «режим испытания», однако в узком контексте – по отношению к условному осуждению [16] и условно-досрочному освобождению [10].

Именно в рамках изучения условного осуждения происходит исследование испытания. Плодотворные идеи встречаются в работах, посвященных неизвестному современному отечественному законодательству институту – пробации. Так, общими вопросами условности наказания и пробации с позиции анализа зарубежного опыта и его применимости в отечественной советской и постсоветской практике занимались В.П. Шупилов [18], Е.Н. Шатанкова [17], А.Ю. Сунгуров [14], А.И. Абатуров [1].

В советский период отечественного уголовного права также появлялись работы, посвященные институту испытания. Так, Г.В. Дровосеков указывал, что уголовное законодательство устанавливает различные формы испытания, в рамках которых реализуется уголовная ответственность и проверяется оказанное осужденному доверие, обеспечивается комплекс социально-правовых мер, направленных на достижение целей наказания в условиях контроля (надзора), наблюдения и воспитания [6, с. 151-159].

Институт испытания в советском уголовном праве был связан с исполнением таких наказаний, как условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду, условное осуждение, отсрочка исполнения приговора,

условно-досрочное освобождение от наказания и условное освобождение из мест лишения свободы с обязательным привлечением осужденного к труду. Этот институт был направлен на усиление борьбы с преступностью, повышение эффективности наказаний, не связанных с лишением свободы, дифференцированный подход к правонарушителям в зависимости от их личности и степени общественной опасности совершенного преступления. При этом можно выделить главную особенность испытания – значительное укрепление поощрительных начал.

Таким образом, в теории уголовного права складываются определенные подходы к комплексному, взаимозависимому рассмотрению условного осуждения, условно-досрочного освобождения. В настоящее же время подобного рода работы объединяющим критерием определяют их «условность» и рассматривают лишь такие институты, как условное осуждение, условно-досрочное освобождение и отсрочка наказания либо по методу от противного – все, что не является собственно наказанием [2], а способами его корректировки, замещения.

Дополнительным аргументом в пользу существования такого правового феномена, как испытание, является «срочный» характер институтов, входящих в орбиту уголовно-правового испытания [9, с. 112-113].

С учетом данного критерия можно шире взглянуть на уголовно-правовое испытание, включив в его сферу помимо традиционных, неоспоримых институтов – условное осуждение, условно-досрочное освобождение, отсрочка наказания – ряд таких, которые рассматриваются в теории уголовного права отдельно: судимость и давность, причем регламентация их длительности нередко взаимообусловлена [8].

Комплексный анализ уголовно-правового испытания в новейшей истории предпринял А.А. Нечепуренко. Он указывает, что в системе уголовно-правового принуждения выделяется ряд мер, применяемых взамен наказания и заключающихся в соблюдении осужденным в течение установленного срока правоограничений. Хотя УК РФ не обособляет данные меры воздействия, все они имеют различную институциональную принадлежность, но, тем не менее, обладают общими признаками:

- применяются как меры, заменяющие наказание;
- соразмерны назначенному наказанию;
- содержат определенный объем некарательных правоограничений в виде запретов и предписаний;
- подкреплены угрозой отбывания наказания в случае невыполнения условий прохождения испытания [9, с. 13-15].

В целом принимая предложенную автором систему признаков испытания, вновь отметим, что институализация уголовно-правового испытания может быть дополнительно обоснована с позиции срочности институтов наказания, их особой функциональной роли. В частности, это может быть прослежено на одном из наиболее распространенных и имеющем довольно продолжительную историю виде наказания – лишение свободы [15, с. 187].

Исследование темпоральных характеристик наказания не является новым – дореволюционными авторами отмечался такой несомненный и необходимый атрибут лишения свободы (тюремного заключения), как его определенная продолжительность, однако сама идея об эволюции указанного вида наказания, сопряженного с дифференциацией его срочности, не анализировалась. Например, Н.С. Генкин отмечал, что наказание прошло длительную историю: от мести – к денежным штрафам и далее к тюремному заключению с целью обеспечить всеобщее спокойствие и безопасность каждого человека. Такой подход становится результатом преобладания теории исправления преступника (чего не могли обеспечить ни теория вознаграждения, ни устрашения). При этом, по его мнению, к преимуществам тюремного заключения относится то, что его можно измерить временем; это чрезвычайно важно, поскольку только известное количество времени может показать степень исправления преступника. Также определен-

ный срок позволяет поставить наказание в соразмерность со степенью вины, что не настолько удобно при других мерах наказания.

Вместе с тем им высказываются сомнения в лишении свободы определенной продолжительности. Он полагал, что «кратковременное заключение назначается за мало-важные проступки, причина совершения которых лежит, большею частью, не в такой нравственной порче совершившего, при которой были бы уместны тюремные средства. Заключение на короткий срок может подействовать благотельно, но только тогда, когда будет в силах внушить заключенному уважение к строгости закона, но такое действие краткого содержания в тюрьме можно предположить только относительно незначительного числа заключенных, – для которых даже сам факт назначения в наказание тюремного заключения имеет уже большое значение, как выражение общественного порицания» [3, с. 9-11].

Концептуально наша авторская позиция об институализации испытания с помощью правовременных средств заключается в следующем.

Длительность в качестве атрибута наказания впервые появляется у таких его видов, как тюремное заключение и ссылка (каторга). Появлению «срочных» наказаний способствовал продолжительный эволюционный процесс: от преследования утилитарных целей в виде физического устранения преступника, получения материальной компенсации за причиненный вред к переходу к фискальным целям (каторга и ссылка) до воплощения идеи исправления преступника [7, с. 471-472].

Отсутствие нормативно установленной продолжительности наказаний было связано:

- с его целями: устранение преступника из общества (часто не имеющее заранее установленной продолжительности) либо его исправление, что непременно предполагает определенную длительность правоограничений;

- с тюремной организацией: в местах лишения свободы заключенные могли умереть, могли пребывать долгие годы без надежды на освобождение. Поэтому закрепление в законе сроков наказания (заключения) – важный симптом осознания государством иных функций и задач тюремного ведомства.

Именно постановка цели исправления преступника предопределила нормативную регламентацию сроков наказания, и прежде всего потому, что длительность наказания (в первую очередь лишения свободы) позволяет оценить эффективность, справедливость и репрессивность уголовной политики. Основы такого подхода заложены христианскими традициями.

Наказания практически до середины XVII в. под влиянием религии рассматриваются в большей степени не как страдание, а как смирение, нравственное очищение и удовлетворение, отсюда лишение свободы в древнерусском праве представлялось видом особенного церковного смирения, не столько карающим преступника, сколько возвышающим и очищающим его душу. При этом существовало четкое понимание о временности покаяния для достижения очищения, а это в свою очередь выступало предпосылкой появления срочных наказаний. Например, Василий Великий устанавливает формулу канонических определений сроков прохождения покаяния в зависимости от вида грехов: «столько-то лет да будет без причастия св. тайн, и эти годы распределяются так, что виновному назначается определенное число лет плакать, определенное также число лет находиться в разряде слушающих, затем припадающих и, наконец, купностоящих» [13, с. 66-67].

Основная мысль этих правил заключается в том, что известное число лет требуется для очищения от такого-то греха, напротив, другое число лет требуется для очищения от другого. Василий Великий не раз отмечал, что время может быть сокращено ввиду усердия и искренности покаяния [13, с. 67].

А.И. Сидоркин справедливо подметил, что подобная регламентация формы и срока покаяния сама по себе предполагала и контроль духовенства за надлежащим исполнением покаянных действий [12, с. 92].

На законодательном уровне срочность наказания впервые появляется только в Соборном уложении 1649 г., в котором различалось заключение «до порук», до указа, до смерти, устанавливались конкретные сроки лишения свободы от трех дней до четырех лет [7, с. 496].

Благоприятные тенденции в регламентации темпоральных аспектов отбывания наказания, сложившиеся к XVII в., вплоть до 1822 г. в связи с появлением Устава о ссыльных, не получили дальнейшего развития. Все это способствовало большому произволу во всем тюремном деле [5, с. 217-220]. При оперировании временем в уголовном праве стала преобладать государственно-утилитарная цель. Акцент уголовно-правовой политики XVIII в. сместился на такие виды наказания, как ссылка на поселение и ссылка на каторжные работы, эволюция последней, в свою очередь, привела к достаточно прогрессивному уровню регламентации временных аспектов содержания осужденных.

С середины XIX в. дискуссии переходят на научный уровень, суть которых сводится к следующему: краткосрочное лишение свободы не эффективно, не способно достигать целей, стоящих перед наказанием; долгосрочное также нецелесообразно, если не преследует цель изоляции преступника от общества. Среднесрочное лишение свободы большинством ученых признается достаточно эффективным.

Низкая эффективность краткосрочного лишения свободы предопределила появление замещающих его видов и, прежде всего, условного осуждения, а долгосрочное (пожизненное) лишение свободы в ходе исторического процесса пришло на смену смертной казни. Именно недостижение целей наказания (или в широком понимании – целей уголовной политики государства) в определенный промежуток времени вынуждало государство, Церковь, ученых искать новые средства воздействия на преступность.

Эти рассуждения приводят к мысли о том, что длительность наказания, в том числе в современном понимании, – один из основных показателей его тяжести, удобный и осязаемый критерий оценки эффективности, справедливости и репрессивности уголовной политики, во многом определивший эволюцию всей уголовно-правовой системы.

Безусловно, срочность наказания является лишь одним из средств, позволяющих измерить уровень эволюции комплекса уголовно-правового воздействия. Появление правовременных средств возможно при довольно высокой степени развития общества и права, в частности пенитенциарной системы. Тем не менее, именно это средство позволяет, во-первых, определить целесообразность и эффективность наказания, во-вторых, в целом проследить тенденции государственной политики.

Выдающиеся социологи П.А. Сорокин и Э. Дюркгейм, изучая вопросы происхождения и эволюции наказания, пришли к схожим выводам [4, с. 314-317]. В частности, Э. Дюркгейм формулирует следующую закономерность: интенсивность наказания тем более велика, чем к менее развитому типу принадлежит общество и чем более неограниченный характер носит орган центральной власти в этом обществе.

Несмотря на достаточные обоснования указанных законов, социологическая теория наказания, развитая Э. Дюркгеймом, к сожалению, не привлекла к себе внимания криминалистов, хотя история наказаний, в частности от лишения свободы до уголовно-правового испытания, вполне соотнобразуется с его постулатами.

При оценке уголовно-правовой политики с позиции правовременных средств (длительности наказания) просматриваются следующие исторические закономерности, позволяющие выделить несколько этапов:

1) до революции 1917 г.: колебания меры наказаний осуществлялись в рамках парадигмы «бессрочность – срочность»;

2) советское время (1917-1991 гг.) и современный период (с 1991 г.): колебания меры наказаний осуществлялись в рамках парадигмы «краткосрочность – долгосрочность».

При этом первый компонент обеих парадигм выходил на первый план в случаях необходимости полной изоляции преступника от общества (в том числе по политическим мотивам) и использования его в иных государственных целях (бесплатная рабочая сила); второй компонент – в случае приоритетности исправления преступника, необходимости возвращения его в общество, тем самым предопределяя широкое использование институтов, имеющих темпоральный характер, в совокупности образующих уголовно-правовое испытание.

Литература

1. Абатуров А.И. Служба пробации: зарубежный опыт. Киров, 2013.
2. Галиуллин И.З. Условные меры уголовно-правового характера: вопросы теории, законодательства и правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007.
3. Генкин Н.С. О тюремном заключении. М., 1870.
4. Гернет М.Н. Избранные произведения. М., 1974.
5. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. Т. 1. М., 1941.
6. Дровосеков Г.В. Институт испытания как одна из действенных форм социального контроля за осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы // Проблемы уголовного права в свете решений XXVI съезда КПСС. М., 1983.
7. Есипов В.В. Очерк русского уголовного права. М., 1904.
8. Маликов С.В. Сроки в уголовном праве: понятие, виды, характеристика. М., 2009.
9. Нечепуренко А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2009.
10. Ольховик Н.В. Режим испытания при условном осуждении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003.
11. Пионтковский А.А. Избранные труды: в 2 т. Т. I. Казань, 2004.
12. Сидоркин А.И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2005.
13. Суворов Н.С. О церковных наказаниях. СПб., 1876.
14. Сунгуров А.Ю. Служба пробации и другие предложения по реформе системы исполнения наказаний в РФ. СПб., 2011.
15. Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремноведением. СПб., 1889.
16. Чуприна Л.В. Режим испытания при условном осуждении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2012.
17. Шатанкова Е.Н. Условное осуждение и пробация за рубежом: сравнительно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.
18. Шупилов В.П. Надзор за условно осужденными в основных капиталистических странах. Институт пробации в уголовном праве Англии и США. М., 1971.

УДК 343.241

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Кристина Владимировна Дядюн, доцент кафедры Владивостокского филиала
Российской таможенной академии кандидат юридических наук

E-mail: Kristina.dyadyun@yandex.ru

В данной статье представлен анализ уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм, регламентирующих институт отсрочки отбывания наказания по репродуктивным основаниям. Рассматриваются проблемы толкования и применения признаков субъекта отсрочки, оснований ее предоставления, условий коррекции с учетом требований основополагающих законодательных принципов. В результате автором предложены рекомендации по модификации норм, регулирующих данный институт.

Ключевые слова: отсрочка отбывания наказания; субъект отсрочки; основания предоставления отсрочки; условия отсрочки; контроль за поведением осужденных; длительность отсрочки; правовые последствия отсрочки отбывания наказания.

LEGISLATIVE REGULATION OF THE DELAY OF SERVING OF THE PUNISHMENT: PROBLEMS AND DECISIONS

Kristina Vladimirovna Dyadyun, chair associate professor of the Vladivostok Branch
of the Russian Customs Academy *Kandidat nauk* degree in Law

In given article the analysis of the criminally-legal and criminally-executive norms regulating institute of a delay of serving of punishment on the reproductive bases is presented. Problems of interpretation and application of signs of the subject of a delay, the bases of its granting, conditions of correction taking into account requirements of basic legislative principles are considered. As a result the author offers recommendations about updating of the norms regulating given institute.

Keywords: delay of serving of punishment; the subject of a delay; the basis of granting of a delay; delay condition; control over behavior condemned; duration of a delay; legal consequences of a delay of serving of punishment.

Институт отсрочки отбывания наказания, обусловленной учетом репродуктивных факторов, является межотраслевым: он регулируется нормами уголовного (ст. 82 УК РФ), уголовно-исполнительного (ст. 177, 178 УИК РФ), уголовно-процессуального (ст. 398 УПК РФ) законодательства. В то же время эффективность реализации любого комплексного института зависит от качества регламентации соответствующих отраслевых норм. Относительно отсрочки отбывания наказания ключевыми и приоритетными в указанном контексте представляются нормы уголовного и уголовно-исполнительного права. В данной статье автор анализирует уголовно-исполнительные аспекты рассматриваемого вопроса с учетом взаимодействия и взаимозависимости со смежными нормами.

В первую очередь нормы об отсрочке отбывания наказания обусловлены значимостью института семьи и обеспечением прав малолетних детей. Соответственно, правовое регулирование в данной области должно отвечать указанным целям. Однако анализ соответствующих законодательных положений позволяет выявить ряд противоречий, способных повлечь на практике не только проблемы толкования, но и решения, не соответствующие изначальным задачам создания рассматриваемого института.

Первым, заслуживающим внимания вопросом в указанном ракурсе являются положения ч. 1 ст. 177 УИК РФ, тесно увязывающие основания предоставления отсрочки с требованиями ст. 82 УК РФ. Данная уголовно-правовая норма обладает рядом несовершенств, которые в силу тесной взаимосвязи экстраполируются на соответствующие уголовно-исполнительные положения. Так, несоответствия выявляются уже при анализе субъектного состава: беременные женщины; женщины, имеющие детей в возрасте до 14 лет; мужчина, имеющий ребенка в возрасте до 14 лет и являющийся единственным родителем. Такой подход не соответствует требованиям принципов равенства граждан перед законом, справедливости и гуманизма, противоречит положениям Конвенции о правах ребенка, нарушает правила Конституции и Семейного кодекса РФ: равенство прав родителей, интересы ребенка и т.д. Кроме того, термин «имеющий ребенка» неравнозначен определению «родитель» (например, опекун, попечитель, приемный родитель соответствует первому понятию, но не входит в содержание второго). С точки зрения вышеуказанных нормативно-правовых актов, такие лица могут быть субъектами отсрочки, однако в силу отсутствия четких указаний уголовного и уголовно-исполнительного законодательства по этому вопросу на практике вопрос о возможности отнесения указанных лиц к субъектам отсрочки даже не ставится. В связи с этим интересен опыт Армении и Казахстана: закрепление в уголовном законе относительно субъектного состава рассматриваемого вида отсрочки отбывания наказания формулировки «лица, имеющие либо в одиночку воспитывающие малолетних детей».

Неадекватным видится и подход законодателя относительно регламентации условий, исключающих возможность применения отсрочки. К таковым относятся следующие:

- осуждение к ограничению (лишению) свободы за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14 лет;
- осуждение к лишению свободы на срок свыше 5 лет за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности;
- осуждение к лишению свободы за преступления террористической направленности (ст. 205, 205.1-205.5, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 211, ст. 277-279, 360 УК РФ).

Так, указание на первое условие представляется излишним. Преступления против половой неприкосновенности малолетних относятся к категории тяжких и особо тяжких деяний против личности. Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ (общие начала назначения наказания) необходимо учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личности виновного. Соответственно, последовательный анализ позволяет сделать вывод либо о непродуманности рассматриваемого нововведения, либо о том, что ранее совершение подобных деяний не рассматривалось в качестве формального препятствия для применения отсрочки. Также сомнительно и указание на возраст потерпевшего лица: до 14 лет, т.е. совершение полового преступления в отношении лица от 14 до 18 лет – не препятствие для применения отсрочки?! Примечательно, что законодатель не единожды допускает подобную оплошность. Так, например, возраст потерпевшего лица по ст. 240.1 (получение сексуальных услуг несовершеннолетнего) – 16-18 лет, т.е. использование соответствующих услуг лица, не достигшего указанного возраста, вполне допустимо, никакой дополнительной ответственности не повлечет. Подобные нормы вызывают, как минимум, сомнение в профессионализме законодателя.

Вопросы возникают и при анализе регламентации второго условия. Преступления против личности – неоднозначная категория, к которой относятся не только деяния, предусмотренные разд. VII УК РФ, но и иные преступные деяния, непосредственно затрагивающие соответствующие интересы (разбой, насильственный грабеж, захват заложников, преступления террористической направленности). Однако при действующем законодательном подходе женщина, убившая мужа-деспота, систематически избивавшего ее и ребенка, лишена права на отсрочку, а дама, осуществившая разбойное напа-

дение с применением оружия, имеет на нее полное право. В связи с этим представляется обоснованным предложение изменить редакцию рассматриваемого условия, акцентировав внимание именно на насильственной направленности деяния [8].

Также необоснованной представляется формулировка «лишение свободы на срок свыше 5 лет», в которой априори содержится противоречие: даже при совершении лицом тяжкого преступления против личности отсрочка отбывания наказания возможна, если назначенное наказание не превышает 5 лет лишения свободы.

Относительно такого условия непредоставления отсрочки, как совершение преступления террористической направленности, можно сказать следующее. Если подобное деяние совершается беременной женщиной, оно весьма слабо может быть увязано с гормональными особенностями женщины в указанный период (в отличие, например, от деяний, тесно взаимосвязанных с соответствующим эмоциональным и физиологическим состоянием (побои, причинение телесных повреждений и т.п.). Если же указанное преступление совершается лицом, имеющим малолетнего ребенка, приоритетом становится учет общественной опасности содеянного и личности виновного. Хотя опять-таки преступные деяния террористической направленности (перечисленные в ч. 1 ст. 82 УК РФ) в большинстве своем относятся к категории тяжких и особо тяжких и, как уже отмечалось, могут быть отнесены к группе посягательств, направленных против интересов личности. Исходя из изложенного, конкретизация означенного условия представляется излишней, оно может быть охвачено единой общей формулировкой в целях упрощения применения соответствующих положений.

Таким образом, указанные несовершенства ст. 82 УК РФ негативно влияют и на уголовно-исполнительные аспекты отсрочки отбывания наказания. Соответственно, необходима корректировка данных недочетов в целях эффективной реализации анализируемых норм, воплощения заложенных в них целей и задач.

Следующим проблемным аспектом исполнения рассматриваемого института является вопрос о возможности отсрочки дополнительных видов наказания. Исходя из анализа действующего законодательства, отсрочка возможна только в отношении основного вида наказания. Во-первых, существующие на данный момент дополнительные виды наказания (штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, ограничение свободы, лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина или государственных наград) не препятствуют исполнению родительских обязанностей, чем и обусловлено наличие рассматриваемого вида отсрочки.

Во-вторых, как справедливо отмечает Л.В. Яковлева [9, с. 111], если лицо, лишенное права занимать определенную должность, продолжит исполнение соответствующих обязанностей в силу отсрочки, это будет являться прямым нарушением приговора суда. Действительно, содержание дополнительных видов наказания не подразумевает отсрочки их исполнения.

В-третьих, в силу межотраслевого характера рассматриваемого института, не следует игнорировать и положения ст. 398 УПК РФ, устанавливающие, по сути, возможность отсрочки только в отношении основных видов наказания. Однако во избежание противоречий и разнотолков видится целесообразным законодательное указание на соответствующий факт.

Далее целесообразно рассмотреть вопрос о видах наказания, в отношении которых возможно предоставление отсрочки. Действующее законодательство четко этот вопрос не регламентирует, однако из последовательного анализа можно сделать определенные выводы.

Так, УК РФ предусматривает 9 основных видов наказаний. Однако относительно отсрочки исполнения данный перечень существенно сокращается. Пожизненное лишение свободы и смертную казнь в данном контексте мы вообще не рассматриваем. Ограничение по военной службе и содержание в дисциплинарной воинской части к женщи-

нам применяются редко в силу специфики соответствующих преступлений. В отношении применения обязательных, исправительных, принудительных работ и ареста для беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет (арест – до 14 лет), установлены законодательные ограничения. Соответственно, для указанной категории лиц вопрос об отсрочке можно вести только в отношении срочного лишения свободы.

УИК РФ в ч. 9 ст. 175 устанавливает, что отсрочка может быть предоставлена женщине, осужденной к обязательным, исправительным или принудительным работам, в случае наступления беременности; право на соответствующее ходатайство возникает со дня предоставления отпуска по беременности и родам. Однако учитывая, что сроки указанных видов наказаний существенно меньше «испытательного» срока отсрочки, изложенное положение вряд ли можно считать целесообразным и обоснованным. Кроме того, указанные виды наказания нельзя считать особо вредоносными для здоровья матери и ребенка. Например, многие женщины продолжают работать практически до момента родов, не уходят в декрет. Представляется, что законодатель также учел данный момент, указав в означенной статье правомочие (а не долженствование) соответствующего субъекта. По сути, в уголовно-исполнительном ракурсе мы опять-таки возвращаемся к отсрочке отбывания наказания в отношении лишения свободы на определенный срок.

Следующим проблемным вопросом рассматриваемого института является вопрос о длительности отсрочки. Действующий закон не устанавливает минимальных пределов отсрочки. На практике это может привести к нарушению требований принципов равенства, справедливости и гуманизма. Так, например, для лица, имеющего годовалого ребенка, срок отсрочки составит 13 лет, а для родителя тринадцатилетнего подростка – 1 год. В таком случае более гуманным и обоснованным представляется, как верно отмечают некоторые авторы [7, с. 261; 6], применение условного осуждения, а не отсрочки отбывания наказания. Действительно, пределы испытательного срока при условном осуждении составляют от 6 мес. до 5 лет, в то время как при применении отсрочки временные пределы могут составлять 14 лет (в отношении беременной женщины). Более того, «привлекательнее» в данном контексте выглядят и нормы об УДО: учитывая ограничения, установленные ст. 82 УК РФ в соотношении с правилами ст. 79 УК РФ, формальные основания права на условно-досрочное освобождение составят от 6 мес. до трех с небольшим лет. (Примечательно, что в Казахстане срок отсрочки четко регламентирован – 1 год.).

Согласно ч. 4 ст. 82 УК РФ, контролирующий орган имеет право ходатайствовать перед судом об отмене отсрочки и освобождении лица от наказания или от его части, а также о снятии судимости, если придет к выводу о том, что осужденный исправился, хотя ребенок еще не достиг 14 лет. Необходимым условием при этом является истечение срока, равного сроку наказания. Следует подчеркнуть, что данное решение – право, а не обязанность соответствующих органов.

Право ходатайства в указанном случае принадлежит именно контролирующему органу. Следует отметить, что такой подход противоречит конституционным правам граждан, положениям УПК РФ и УИК РФ. Так, толкование соответствующих уголовно-исполнительных норм позволяет сделать вывод о том, что уголовно-исполнительные инспекции – инстанция, которая в рассматриваемом случае осуществляет организационно-направляющие функции, обладает правом принятия/одобрения соблюдения необходимых условий, однако вряд ли можно считать правильным лишение самого осужденного соответствующих правомочий. Кроме того, в таком случае будет нарушена и системность уголовного и уголовно-исполнительного законодательства: ходатайство на УДО, снятие судимости, помилование и т.д. осужденный имеет право подавать, а на досрочное прекращение по реабилитирующим факторам предоставленной отсрочки – нет?

Также следует отметить, что в соответствии с ч. 4 ст. 82 УК РФ невозможно адекватно учесть многие ситуации. Например, лицу назначается наказание в виде 3-х лет лишения свободы и предоставляется отсрочка на основании наличия двенадцатилетнего ребенка. В подобных случаях досрочная отмена предоставленной отсрочки невозможна, каким бы позитивным не было поведение соответствующего субъекта. Кроме того, сроки отсрочки отбывания наказания не соотносятся со сроками давности обвинительного приговора суда, а также сроками погашения судимости, что приводит к неравному положению беременных женщин, женщин, имеющих малолетних детей, и мужчин разного возраста.

В целях нивелирования указанных противоречий некоторыми исследователями предлагается установить единый срок отсрочки для всех категорий осужденных, равный сроку назначенного наказания или его неотбытой части [3; 5]. Следует согласиться, что данное предложение позволяет ликвидировать неравенство субъектов отсрочки, имеющих детей разного возраста, однако представляется целесообразным более четко прописать основания и условия досрочного прекращения отсрочки для данной категории лиц.

Также следует отметить, что к основаниям отмены отсрочки закон относит, по сути, лишь нарушение родительских обязанностей (отказ от ребенка, уклонение от его воспитания). Таким образом, законодательно закреплены лишь негативные основания отмены предоставленной отсрочки. Позитивные аспекты (добросовестное исполнение родительских обязанностей и условий отсрочки) не названы, кроме истечения срока, равного сроку наказания, при том, что последнее обстоятельство отдано на рассмотрение контролирующих органов (о чем уже говорилось выше).

Примечательно, что законодатель Украины в качестве оснований предоставления отсрочки относит установление определенного испытательного срока, в течение которого субъект обязан соблюдать определенные условия (не менять место жительства, пройти предписанный курс лечения и т.п.), также отсрочка не может быть предоставлена лицу, если отсутствует подтверждение согласия родственников/наличия условий у осужденного лица для надлежащего содержания ребенка. В российском законодательстве последний аспект отражен в рамках ч. 3 ст. 177 УИК РФ.

В действующем законодательстве также не урегулирован вопрос об отмене отсрочки в случаях, когда отпали основания ее предоставления: рождение мертвого ребенка, гибель ребенка, появление матери (восстановление родительских прав, усыновление, удочерение, опека и проч.) у ребенка, воспитывавшегося одиноким отцом. В указанных обстоятельствах в соответствии с буквой закона осужденное лицо пользуется отсрочкой безосновательно. Часть 4 ст. 178 УИК РФ упоминает в связи с этим только смерть ребенка, на основании которой в суд направляется представление об отмене отсрочки и о решении вопроса о наказании. Другие вопросы законодательно не урегулированы. В соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ, ст. 8 УИК РФ применение закона по аналогии недопустимо. Соответственно, все иные случаи на данный момент находятся вне зоны законодательного регулирования. Например, если осужденный отец-одинок, которому была предоставлена отсрочка отбывания наказания, вступит в брак и его жена усыновит (удочерит) его ребенка/будет восстановлена в родительских правах биологическая мать, право на отсрочку утрачивается. Представляется, что подобные позитивные перемены в жизни осужденного в большей степени способствуют реализации задач специальной превенции, чем направление такого лица в места лишения свободы. Кроме того, в подобных случаях нельзя забывать об интересах ребенка, его привязанности к родителю.

В связи с изложенным представляется обоснованным предложение некоторых авторов о необходимости законодательного закрепления возможности досрочной отмены отсрочки при наличии доказанных позитивных обстоятельств (стабильно положительное поведение осужденного, выполнение родительских функций и т.п.) [4]. Что касает-

ся отмены предоставленной отсрочки по нейтральным основаниям (смерть ребенка), целесообразным видится мнение С.А. Кацуба об учете в совокупности не только причин летального исхода, но и срока отсрочки, который истек до данного события, и поведения осужденного в указанный период [2].

Также представляется обоснованным закрепить в качестве основания отмены/непредоставления отсрочки наличие/приобретение алкогольной/наркотической зависимости, психического расстройства, не исключающего вменяемости/тяжелого опасного заболевания при уклонении от прохождения предписанного курса лечения. Во-первых, наличие указанных проблем у лица существенно затрудняет возможность адекватного исполнения родительских обязанностей. Во-вторых, уклонение от лечения свидетельствует о равнодушном отношении виновного к ребенку, чьими интересами и было обусловлено предоставление отсрочки, соответственно, может приравниваться к злостному уклонению от исполнения соответствующих обязанностей.

Еще одним вопросом, требующим внимания, является осуществление контроля за лицами, которым предоставлена отсрочка отбывания наказания. В настоящее время уголовно-исполнительные инспекции наделены в отношении рассматриваемой категории субъектов только функциями наблюдения, что не обеспечивает надлежащей эффективности. В связи с этим отдельными исследователями [4] предлагается наделить инспекции в отношении данной категории лиц функциями контроля, предполагающими наличие такого объема и характера властных полномочий, которые позволят беспрепятственно изучать особенности личности осужденного, его образ жизни (право требовать определенную информацию, приглашать осужденного и иных лиц для бесед и т.д.), а также функциями надзора привлечения осужденных к дисциплинарной ответственности, установления дополнительных правоограничений. Такой подход расширяет контролируемые функции, т.к. позволяет более адекватно и обоснованно оценивать поведение субъектов. Расширение же надзорных функций чревато превышениями полномочий и чрезмерным повышением статуса уголовно-исполнительных инспекций.

Следующим проблемным аспектом рассматриваемой темы являются сроки предупреждения о нарушении условий отсрочки. В законе данный вопрос не прописан, поэтому на практике нередко предоставленная отсрочка не отменяется даже при наличии двух и более предупреждений. Видится целесообразным законодательно закрепить срок действия объявленного предупреждения, т.к. осужденные, получившие предупреждение в начале отсрочки и имеющие детей небольшого возраста, находятся на данный момент в неравном положении с лицами, получившими предупреждение в конце отсрочки и/или имеющими детей, по возрасту близких к установленной границе (14 лет).

Что касается уклонения субъекта от обязанностей по воспитанию ребенка, начальным моментом следует считать первичный акт, свидетельствующий о соответствующей направленности лица, окончанием – прекращение соответствующих действий самим осужденным (субъективный фактор) либо наступление событий, препятствующих уклонению (объективный фактор).

Также представляется обоснованным расширить и законодательно закрепить перечень действий, свидетельствующих об уклонении от воспитания ребенка: деяния, свидетельствующие о ненадлежащем отношении к ребенку (отказ/недостаточное материальное содержание; оставление ребенка без присмотра на срок более суток; использование ребенка в качестве источника доходов: попрошайничество, проституция и т.п.). Указанное уточнение целесообразно закрепить в рамках ст. 178 УИК РФ.

Также видится целесообразным изменить редакцию ч. 5 ст. 82 УК РФ и внести соответствующие коррективы в ст. 178 УИК РФ относительно негативных способов коррекции решения об отсрочке наказания. С учетом системности и структурированности уголовного закона, а также положений основополагающих уголовно-правовых и уголовно-исполнительных принципов представляется обоснованным применить к рассматриваемой ситуации конструкцию, используемую относительно институтов услов-

ного осуждения и условно-досрочного освобождения, тем более что отсрочка отбывания наказания, равно как и УДО, относится по своей правовой природе к условным видам освобождения от уголовного наказания. В противном случае непонятно, каким образом проявляется принцип гуманизма и соблюдение интересов прав ребенка, если субъект отсрочки в период ее действия совершает неосторожное преступление, после чего однозначно отправляется «по этапу». Сложно в данной ситуации говорить и о принципах равенства, справедливости и дифференциации исполнения наказаний, т.к. вне зависимости от категории преступления, совершенного в период отсрочки, наказание будет назначено по совокупности приговоров. Таким образом, например, лицо, совершившее деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 116 УК РФ (поставив «фингал» чрезмерно агрессивному товарищу), и лицо, осуществившее вооруженный разбой, в период отсрочки находятся в абсолютно одинаковом положении. В связи с изложенным предлагается внести соответствующие модификации в УК РФ и УИК РФ, позволяющие дифференцировать решение об отсрочке в зависимости от категории совершенного преступления.

В судебной практике также может возникнуть вопрос о повторном применении отсрочки отбывания наказания (к тем лицам, к которым она уже применялась). Представляется, что в тех случаях, когда отсрочка была отменена в силу достижения последним ребенком возраста 14 лет, женщине и мужчине может быть повторно предоставлена такая отсрочка. В то же время некоторые авторы отмечают, что если отсрочка была отменена, например, в связи с уклонением женщины или мужчины от воспитания ребенка, повторно отсрочка отбывания наказания предоставлена быть не может [1]. То есть отмена отсрочки по позитивным основаниям не нивелирует возможность ее применения к данному лицу в будущем. Отмена по негативным основаниям лишает лица соответствующей привилегии. Такой подход представляется обоснованным с позиций принципов уголовного и уголовно-исполнительного закона и задач, положенных в основу создания института отсрочки отбывания наказания. Хотя безусловный запрет на повторное применение отсрочки все же закреплять не имеет смысла. В любом случае необходимо учитывать конкретные обстоятельства дела, характеристику виновного и интересы ребенка.

Подводя итог вышеизложенному, видится целесообразным внести некоторые изменения в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство:

1. Редакцию ч. 1 ст. 82 УК РФ изменить:

- расширить субъектный состав в соответствии с требованиями международных и отраслевых нормативно-правовых актов;

- в качестве оснований неприменения указать осуждение к лишению свободы за тяжкие и особо тяжкие насильственные преступления; наличие алкогольной и (или) наркотической зависимости/непрохождение предписанного курса лечения от указанных заболеваний.

2. В часть 2 ст. 82 УК РФ включить:

- сроки предупреждения: 1 месяц;

- приобретение после предоставления отсрочки алкогольной и (или) наркотической зависимости, психического расстройства, не исключающего вменяемости, иного тяжелого опасного заболевания (серьезной болезни, способной причинить вред ребенку: открытая форма туберкулеза, венерическое заболевание и т.п.) как основание отмены отсрочки.

3. Часть 4 ст. 82 УК РФ дополнить:

- регламентировать позитивные основания досрочной отмены отсрочки (стабильно положительное поведение, выполнение родительских обязанностей) с закреплением возможности подачи соответствующего ходатайства самим осужденным;

- закрепить пределы срока отсрочки отбывания наказания в рамках назначенного наказания (его неотбытой части).

4. Внести изменения в ч. 5 ст. 82 УК РФ:

- установить зависимость решения вопроса об отмене/сохранении отсрочки при совершении в ее период нового преступления от категории его тяжести;

- регламентировать возможность и основания повторного применения отсрочки.

5. Дополнить часть 2 ст. 178 УИК РФ: установить срок предупреждения (1 месяц).

6. Расширить редакцию ч. 3 ст. 178 УИК РФ вариантами неисполнения условий (отказ/недостаточное материальное содержание; оставление ребенка без присмотра на срок более суток; использование ребенка в качестве источника доходов: попрошайничество, проституция и т.п.).

7. В часть 5 ст. 178 УИК РФ включить позитивные основания освобождения виновного лица от отбывания наказания/его оставшейся части и условия досрочного прекращения отсрочки отбывания наказания по реабилитирующим основаниям.

8. Дополнить ст. 178 частью, в которой более подробно прописаны контролируемые функции уголовно-исполнительной инспекции.

Указанные рекомендации обусловлены взаимодействием уголовно-правовых и уголовно-исполнительных норм в рассмотренной области, требованиями основополагающих принципов УК РФ и УИК РФ и направлены на упрощение толкования и правоприменения соответствующих норм, реализацию целей и задач, лежащих в основе создания рассмотренных законодательных положений.

Литература

1. Заева Я.В. Некоторые аспекты проблем регулирования института отсрочки отбывания наказания в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права и законодательства: сб. мат-лов конф. Красноярск, 2010.

2. Кацуба С.А. Институт отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003.

3. Красильникова М.С. Некоторые вопросы уголовно-правового регулирования отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ) // Вестник КемГУ. 2013. № 3.

4. Лукьянова И.М. Отсрочка отбывания наказания (ст. 82 УК РФ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2010.

5. Некрылова С. Особенности контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей // Преступление и наказание. 2006. № 9.

6. Саядан С.Г. Институт отсрочки в уголовном, уголовно-исполнительном и уголовно-процессуальном праве: сравнительный анализ // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 11.

7. Тюшнякова О.В. Отсрочка отбывания наказания по действующему уголовному законодательству России // Вектор науки ТГУ. 2013. № 1.

8. Шевелева С.В. Коллизии в регулировании института отсрочки отбывания наказания, предоставляемой в связи с наличием малолетнего ребенка // Юридические исследования (электронный журнал). 2014. № 12.

9. Яковлева Л.В. Институт отсрочки отбывания наказания в российском праве. М., 2002.

УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Николай Викторович Бойко, доцент кафедры Дальневосточного
юридического института МВД России кандидат юридических наук

E-mail: ugpravodvui@mail.ru

В статье исследуются проблемные вопросы виктимологического предупреждения преступности. Анализируются имеющиеся в отечественной криминологии и виктимологии подходы относительно виктимологического аспекта предупреждения преступности, виктимности, виктимизации. Доказывается необходимость и целесообразность дополнения системы мер предупреждения преступности совокупностью мероприятий виктимологического характера. Формулируется авторское понятие виктимологического предупреждения преступности.

Ключевые слова: предупреждение преступности; виктимологическое предупреждение; виктимологическая информация; виктимность; виктимизация.

SOME ASPECTS VICTIM CRIME PREVENTION

Nicolay Viktorovich Boyko, chair associate professor of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law

This article explores the problematic issues of vic-thymological crime prevention. Analyzes are available in the national criminology and victimology approaches to viktimo-logical aspect of crime prevention, victimization, viktimiza-tion. The author proves the necessity and feasibility of crime prevention measures complement the system set of measures victimology-agency nature. In the article the author formulated the concept viktimologiche-ray crime prevention.

Keywords: crime prevention; victimological warning; victimological information; victimizm; victimization.

Общие вопросы и многие специальные проблемы предупреждения преступности и преступлений были подвергнуты многосторонним теоретическим исследованиям еще в 70-80 гг. XX в. [1-4; 6; 7]. В то же время разработка концептуальных основ, внутреннего содержания и характерных особенностей виктимологического направления как одного из аспектов предупреждения преступности, по существу, только начинается.

Традиционное криминологическое направление профилактики фокусируется на предупреждении криминализации, а также декриминализации и ресоциализации определенного контингента лиц, склонных к совершению преступлений, а виктимологическое – на предупреждении виктимизации потенциальных жертв преступлений, а также девиктимизации общества и фактических потерпевших от преступлений. При этом указанные направления предупреждения преступности сводятся в конечном итоге к устранению, блокированию и нейтрализации причин и условий, порождающих преступность и способствующих ей, к предупреждению и пресечению конкретных преступлений. Следовательно, виктимологическое направление профилактики преступности должно органически входить в общую систему предупреждения преступности и преступлений и базироваться на ее основных принципах. Только в этом случае оно, не отрицая, не подменяя и не ослабляя традиционных форм и методов профилактики, а дополняя и расширяя их, обеспечит повышение эффективности предупредительной деятельности государственных и общественных органов.

Виктимологическое предупреждение – это многогранная деятельность государства и общества, направленная на то, чтобы оставить преступника без объекта посягательства. Этим определяется выбор средств, методов и форм предупреждения виктимного поведения. Вместе с тем виктимологическое предупреждение не может осуществляться в отрыве от предупреждения преступности и преступлений в целом. Предупреждение виктимного поведения и предупреждение преступного поведения осуществляются в единстве и представляют собой неразделимое целое. Тем не менее, система виктимологического предупреждения имеет ярко выраженную специфику.

Виктимологическое предупреждение ставит человека в известность, что он может стать жертвой преступления в силу собственного поведения, которое надо изменить, чтобы не рисковать. А кто предупрежден, тот вооружен, следовательно, может уберечь себя, защитить. Виктимологическое предупреждение призвано ограничить риск человека стать жертвой преступления. Многие зависит от поведения людей, от их умения правильно ориентироваться в экстремальной ситуации.

Виктимологический аспект необходимо учитывать как при планировании и проведении мероприятий раннего предупреждения, так и при расследовании и судебном рассмотрении конкретных уголовных дел. К проведению таких мероприятий виктимологического характера целесообразно как можно шире привлекать общественные организации и отдельных граждан.

Специфическое содержание виктимологического аспекта индивидуального предупреждения составляет его направленность на снижение и нейтрализацию виктимности как негативного качества, присущего части потенциальных и фактических жертв преступлений [5, с. 25-31].

Следовательно, если основным содержанием виктимологического аспекта предупреждения преступности считать снижение уровня виктимности среди всего населения и у отдельных граждан, то к основным направлениям его реализации следует отнести:

- снижение уровня виктимности среди населения путем проведения для определенных категорий и групп граждан специальных общепредупредительных мероприятий виктимологического характера;

- предупреждение повторной виктимизации путем проведения индивидуальной профилактической работы с виктимными пострадавшими, включающей меры по выявлению и устранению в их поведении таких особенностей, которые в дальнейшем могут способствовать возникновению или неблагоприятному для них развитию криминогенных ситуаций.

Вместе с тем предупреждение преступлений может быть обеспечено и за счет активизации самого потерпевшего, повышения его защитительных возможностей, укрепления воли к самозащите. Сюда относится и необходимость информирования данного лица о возможном совершении против него преступления.

В практическом плане использование указанных направлений невозможно без предварительного решения проблемы обнаружения, нейтрализации и устранения виктимности любого типа у конкретных граждан, семей, трудовых коллективов и других возможных субъектов виктимизации. Решение данной проблемы представляет собой трудную задачу, если учесть, что часть лиц, уже пострадавших от преступных действий, избегают обращения в правоохранительные органы. Поэтому органы внутренних дел должны эффективно использовать все возможные информационные каналы виктимологического содержания. Выявление лиц, обладающих повышенной виктимностью, существенно различается в зависимости от того, индивидуальная это или групповая виктимность. Сравнительно простым представляется выявление лиц, повышенная виктимность которых связана с их профессией.

По-иному обстоит дело при выявлении лиц, повышенная виктимность которых связана с их поведением или какими-либо демографическими особенностями. Выявление таких потерпевших, на наш взгляд, может осуществляться в двух направлениях:

- 1) от ситуации, когда выявляя и анализируя обстановку, мы приходим к конкретным, потенциально уязвимым в этой обстановке, лицам;
- 2) от преступника, когда путем изучения его связей или типичного поведения мы определяем круг возможных потенциальных потерпевших от него.

Для выявления тех потерпевших, поведение которых было виктимно, могут использоваться возможности имеющихся в правоохранительных органах учетов, т.к. многие из таких лиц представляют оперативных интерес не только как возможные жертвы.

Наряду с проблемой методов обнаружения потенциальной виктимности для практического использования виктимологического аспекта предупреждения преступности необходимо решить еще ряд задач:

- 1) задачу выявления и устранения реализованной виктимности по отдельным видам преступлений;
- 2) задачу правовой регламентации виктимологического аспекта предупреждения;
- 3) задачу информационного обеспечения правоохранительных органов необходимыми данными об уровне потенциальной и реализованной виктимности.

Необходимо отметить, что ни одна из названных задач пока не получила решения, соответствующего практическим потребностям правоохранительных органов. В настоящее время намечаются лишь пути изучения указанных проблем или делаются первые шаги по их постепенному решению.

Так, для выявления у непосредственных жертв преступлений реализованной виктимности предлагается использовать понятие содействия потерпевших собственной виктимизации, проявляющегося в различных формах – от элементарной неосторожности до прямой провокации. Такой подход дает возможность путем анализа поведения жертв выделить и описать контингент субъектов виктимизации с реализованной виктимностью, а следовательно, позволяет частично решить и третью из указанных задач.

Теоретической разработкой правовой регламентации виктимологического аспекта предупреждения преступлений, насколько нам известно, пока мало кто занимается. Успешное решение проблемы постоянного обеспечения правоохранительных органов виктимологической информацией тесно связано с вопросом о включении в судебную статистику показателей виктимологического аспекта преступлений. Решение проблемы введения показателей виктимизации в судебную статистику обеспечило бы необходимую исходную информационную базу для планирования и методического обеспечения виктимологического направления предупреждения преступности и оценки его эффективности.

Проведенные нами выборочные виктимологические исследования свидетельствуют о целесообразности и необходимости обеспечения виктимологического аспекта предупреждения преступности.

Так, в структуре общеуголовной преступности значительную часть составляют преступления, совершенные виновными в отношении своих родных, близких, знакомых, сослуживцев и коллег. Для такой преступности характерно постепенное «созревание» преступных мотивов, возникающих, как правило, на почве повторяющихся конфликтных ситуаций, в которых будущие потерпевшие часто ведут себя неосмотрительно, рискованно и даже провокационно.

Значительная распространенность подобных преступлений позволяет осуществлять их предупреждение не только путем выявления лиц, способных стать преступниками, но и путем выявления лиц, чье неправильное, небезупречное с точки зрения виктимологии поведение может способствовать совершению против них преступления. Следовательно, виктимологическое направление предупреждения преступности тесно связано с традиционным криминологическим предупреждением и способно существенно повысить его эффективность.

Одним из условий возникновения криминогенной ситуации, завершающейся преступлением против личности, является неправомерное или безнравственное поведение

потерпевших, поэтому специфическое содержание предупреждения таких преступлений должно включать мероприятия, направленные на устранение случаев неправомерного или недостойного поведения жертв, особенно в конфликтных ситуациях.

Для определения содержания виктимологического направления в предупреждении преступлений существенное значение имеет категория «вины» потерпевшего. Изучение распространенности всех форм «виктимологической вины» по отдельным категориям и видам преступлений среди различных групп граждан дает возможность определить объекты для общей виктимологической профилактики населения.

Другим специфическим понятием для определения содержания виктимологического направления предупреждения преступности и отдельных видов преступлений является «сопротивляемость» преступным деяниям. Следовательно, необходимо включение в виктимологическое предупреждение мероприятий по повышению уровня правомерной «сопротивляемости» граждан.

Особое влияние на виктимность граждан оказывает такой виктимогенный фактор, как состояние опьянения. Лица, находящиеся в состоянии алкогольного, наркотического, токсического и иного опьянения, часто совершают поступки, вызывающие виктимогенные ситуации. Виктимность таких лиц гораздо выше виктимности трезвых граждан.

Основную роль в системе виктимологического предупреждения преступности, на наш взгляд, должны играть правоохранительные органы. Важнейшими вопросами внедрения в практику деятельности правоохранительных органов виктимологического предупреждения преступности являются: методическое обеспечение виктимологического аспекта индивидуальной профилактики; разработка критериев определения ее непосредственных адресатов и конкретных методов индивидуальной работы с ними.

К сожалению, таких методик, доведенных до исполнительского уровня, пока не создано, а без них широкое внедрение виктимологического аспекта в предупреждение преступности затруднительно.

На наш взгляд, организационной формой реализации виктимологического предупреждения преступности могут стать планы комплексных мероприятий по предупреждению отдельных видов преступлений. Например, виктимологическое предупреждение может широко использоваться в противодействии преступлениям против собственности, в частности, при предупреждении краж, совершаемых с незаконным проникновением в помещения, хранилища и жилища. В качестве обязательных мероприятий, направленных на предупреждение указанных преступлений, следует предусмотреть:

- проведение бесед с физическими лицами, а также с представителями юридических лиц и общественных организаций о целесообразности оборудования жилищ, помещений, складов и иных мест хранения имущества средствами активной и пассивной защиты (металлические двери, кодовые замки, средства видеонаблюдения, охранная сигнализация и т.д.);

- размещение в печатных и электронных средствах массовой информации различного рода публикаций о последствиях легкомысленного отношения к обеспечению сохранности имущества, излишней доверчивости, а также о других условиях, способствующих совершению хищений и иных преступлений против собственности;

- проведение сотрудниками органов внутренних дел регулярных (систематических) проверок состояния мест хранения имущества в учреждениях, организациях, на предприятиях и в учебных заведениях;

- проведение совместно с товариществами собственников жилья и управляющими компаниями предупредительных мероприятий виктимологического характера в жилых кварталах, многоквартирных домах и прилегающих территориях, а также в частном секторе (дежурства, патрулирование, обходы, осуществляемые участковыми уполномоченными полиции, работниками жилищно-коммунальных служб, пенсионерами и неравнодушными жителями).

В подобном ключе следует разрабатывать и мероприятия виктимологического предупреждения иных преступлений и правонарушений.

Анализ результатов виктимологических исследований показывает необходимость и целесообразность дополнения системы мер предупреждения преступности совокупностью мероприятий виктимологического характера. Однако для успешного решения этой задачи необходимо:

- разработать методы обнаружения и устранения потенциальной виктимности у конкретных граждан, а также методики индивидуального воспитательного, профилактического воздействия на потенциальных потерпевших и на субъектов с реализованной личностной виктимностью;

- осуществить правовую регламентацию виктимологического аспекта предупреждения преступности и разработку методов информационного обеспечения правоохранительных органов данными об уровне потенциальной и реализованной виктимности среди населения;

- для достижения более значимых результатов в предупреждении преступности органами внутренних дел в комплексные планы профилактики правонарушений включать обязательные виктимологические мероприятия;

- в органах внутренних дел организовать учет лиц с реализованной личностной виктимностью;

- расширить взаимодействие правоохранительных органов, осуществляющих предупреждение преступности, с общественными объединениями, организациями и конкретными гражданами, активизировать роль общественности в реализации виктимологического аспекта предупреждения преступлений;

- разработать научно обоснованную методику индивидуального предупредительного воздействия на лиц с повышенной виктимностью и виктимных потерпевших.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминология и социальная профилактика. М., 1980.
2. Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н. Генетика, поведение, ответственность (о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения). М., 1982.
3. Жалинский А.Э.. Социальное предупреждение преступлений в СССР. Львов, 1976.
4. Игошев К.Е., Шмаров И.В. Социальные аспекты предупреждения правонарушений. М., 1980.
5. Коновалов В.П. Виктимность и ее профилактика. Виктимологические проблемы борьбы с преступностью. Иркутск, 1982.
6. Теоретические основы предупреждения преступности. М., 1977.
7. Яковлева А.И. Индивидуальная профилактика преступного поведения. Горький, 1977.

УДК 343.211.3

ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРОВОКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ» В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Артём Юрьевич Забелов, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: artem.zabelov@mail.ru

Статья посвящена различиям, сложившимся в результате многолетней деятельности Европейского суда по правам человека и Верховного Суда Российской Федерации, относительно использования понятия «провокация преступления». Автором даются рекомендации по преодолению сложившихся противоречий.

Ключевые слова: провокация преступления; провокация сбыта; Европейский суд по правам человека; Верховный Суд Российской Федерации.

USING THE CONCEPT OF «PROVOCATION OF CRIMES» IN THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS AND THE SUPREME COURT OF RUSSIAN FEDERATION

Artem Yuirevich Zabelov, post graduate of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article is devoted to differences which have developed as a result of many years of activity of the European Court of human rights and the Supreme Court of the Russian Federation, with regards to the use of the concept of «provocation of the crime». The authors give recommendations for overcoming the existing contradictions.

Keywords: crime provocation; provocation bribe or commercial bribery; the European court of human rights; the Supreme Court of Russian Federation.

Несмотря на изменчивость отечественного законодательства, конституционный принцип верховенства общепризнанных принципов и норм международного права остается неизменен.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Кроме того, Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» в ч. 3 ст. 6 устанавливает, что «обязательность на территории Российской Федерации постановлений судов и арбитражей определяется международными договорами Российской Федерации» [10].

После ратификации в 1998 г. Европейской (Римской) конвенции о защите прав человека и основных свобод Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав че-

ловека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод [9].

Как метроном служит для музыкантов точным ориентиром темпа при исполнении музыкального произведения, так и постановления Европейского суда по правам человека должны служить ориентиром для всех судов Российской Федерации.

Часть 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод гласит: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия» [13].

В Постановлении от 5 февраля 2008 г. по делу «Раманаускас против Литвы» Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) признал, что органы власти имеют возможность применять специальные методы расследования. К таким методам относится использование агентов, снабженных оперативной легендой, что может оказаться необходимым для сбора доказательств, при условии соблюдения прав и обязанностей, вытекающих из международных многосторонних конференций, касающихся «особых вопросов», например прав человека. При этом использование специальных методов расследования, в частности легендированных операций, не должно само по себе нарушать право на справедливое судебное разбирательство. Однако, учитывая возможную опасность подстрекательства со стороны полиции к совершению преступления, вытекающую из использования таких методов, их применение должно быть ограничено четкими рамками [3].

Демократическое общество невозможно представить без права на справедливое отправление правосудия, которое не может быть пожертвовано ради целесообразности. Именно в связи с этим ЕСПЧ особо подчеркнул, что, несмотря на трудности, с которыми сталкивается полиция в борьбе с тяжкими преступлениями, она вправе действовать под прикрытием, но не подстрекать к преступлению [5].

Более того, Конвенция не исключает использования на этапе предварительного следствия (как и в иных случаях, где это может требоваться ввиду характера правонарушения) таких источников информации, как анонимные информаторы. Последующее использование таких источников судом, рассматривающим дело, для признания обвинения является другим вопросом. Такое использование допустимо, только если имеются надлежащие и достаточные гарантии против злоупотребления, в частности четкая и предсказуемая процедура выдачи разрешения, использования и контроля таких следственных методов [11, с. 28].

Согласно Постановлению Европейского суда по правам человека от 9 июня 1998 г. по делу «Тейшейра де Кастро против Португалии», хотя использование секретных агентов может допускаться, публичный интерес не может оправдать использование доказательств, полученных в результате подстрекательства со стороны полиции [4]. Данное положение ЕСПЧ неоднократно дублировал и в других своих постановлениях, например по делу «Ваньян против России», по делу «Худобин против России», а также по делу «Раманаускас против Литвы».

Для того чтобы убедиться, было ли реализовано право на справедливое судебное разбирательство в деле с участием секретных агентов, суд в первую очередь устанавли-

вает, имела ли место провокация и, в случае положительного ответа, мог ли заявитель получать защиту от провокации в национальных судах. Данное положение было установлено в п. 37 Постановления ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. по делу «Банникова против России» [1].

Как признал ЕСПЧ в п. 73 Постановления по делу «Раманаускас против Литвы», если действия агента, независимо от того, был он нанят государством или частным лицом, оказывающим помощь органам власти, представляют провокацию и доказательство, полученное в результате таких действий, было использовано против заявителя в уголовном производстве, суд признает нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека [3].

Европейский суд по правам человека сформулировал определение провокации преступления, в противоположность законному расследованию под прикрытием, как ситуацию, когда сотрудники полиции либо силы безопасности или иные лица, действующие на основании переданных им указаний, не ограничиваются только расследованием уголовных деяний преимущественно в пассивной форме, но оказывают влияние на субъект с целью спровоцировать совершение правонарушения, которое не могло быть совершено в противном случае, с целью установить возможность совершения правонарушения и таким образом представить доказательства и начать уголовное преследование [3].

Ни правоохранительные структуры, ни ученые-юристы не могут пренебрегать такой интерпретацией термина. Поэтому, мы считаем, что в российском уголовном праве понятие «провокация» следует трактовать исключительно в соответствии с определением, которое было дано Европейским судом по правам человека. При этом необходимо отметить, что термины «провокация», «подстрекательство со стороны полиции» и «агенты-провокаторы» являются взаимозаменяемыми в многолетней практике ЕСПЧ.

Во всех делах, связанных с провокацией, Европейский суд по правам человека рассматривает причины, лежащие в основе проведения тайной операции, и поведение органов власти, проводящих ее. ЕСПЧ должен установить, имелись ли объективные подозрения, что заявитель был вовлечен в преступную деятельность или был склонен к совершению преступления [1]. Рассматривая подобные дела, ЕСПЧ принимает во внимание множество факторов, таких как: наличие судимостей у лица, осведомленность лица о ценах на наркотики, разработка сотрудниками оперативных подразделений данного лица, степень влияния агентов полиции и сотрудников оперативных подразделений на принятие лицом решения совершить преступление и др.

Из пункта 55 Постановления ЕСПЧ от 29 сентября 2009 г. по делу «Константин и Стоян против Румынии» следует, что само по себе наличие прежних судимостей не указывает на предрасположенность лица к совершению преступления [2], а вот знание цен на наркотики, способность лица их легко приобрести в сочетании с тем, что он не отказывается от сделки, несмотря на множество возможностей для этого, рассматриваются ЕСПЧ как свидетельство участия лица в преступной деятельности [11, с. 29].

Наряду с указанными факторами, Европейский суд по правам человека принимает во внимание и то, заставляли ли заявителя совершить рассматриваемое преступление. Проявление инициативы в установлении контактов с заявителем в отсутствие каких-либо объективных подозрений, что заявитель участвовал в преступной деятельности или проявлял склонность к совершению преступления, неоднократность предложений, несмотря на первоначальный отказ заявителя, настойчивое подстрекательство, повышение цены выше средней и обращение к состраданию заявителя посредством упоминания симптомов наркотической абстиненции, признается ЕСПЧ как поведение, которое можно считать принуждением заявителя к совершению преступления, независимо от того, являлся ли соответствующий агент сотрудником органов правопорядка или частным лицом, действующим по указанию таких органов [11, с. 29].

Суды Российской Федерации используют понятие провокации в основном при рассмотрении дел, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ. В результате этого сложилась ситуация, при которой российские суды, хотя и ориентируются на практику Европейского суда по правам человека, трактуют его решения только в рамках определенных составов преступлений.

Несмотря на имеющееся определение провокации преступления, данное Европейским судом, в нашей стране отсутствует нормативно закрепленное определение этого термина. Вместе с тем, Верховный Суд Российской Федерации дал определение одному из видов провокации – провокации сбыта. «Под провокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения оперативно-розыскных мероприятий)» [7].

Проанализировав данное определение, мы приходим к выводу, что Верховный Суд РФ, так же как и ЕСПЧ, признает провокацией только нелегитимную деятельность правоохранительных органов или их агентов. Однако, выделив отдельно провокацию сбыта, Верховный Суд РФ не учитывает возможности склонения правоохранительными органами лиц к совершению иных видов преступлений.

Предотвратить такую противоправную деятельность призван Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», в ст. 5 которого указано, что «...органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация)...» [8]. Как видим, в данном нормативно-правовом акте отсутствует как таковое определение провокации преступления, а установлен запрет на совершение подобных действий.

Проблемным является также и тот момент, что Уголовный кодекс РФ содержит состав преступления, в диспозиции которого также содержится слово провокация. Речь идет о ст. 304 УК РФ – Провокация взятки либо коммерческого подкупа. Объективная сторона данного состава преступления характеризуется действием – провокации получения взятки или коммерческого подкупа, т.е. попытки передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказание ему услуг имущественного характера. Данное преступление является оконченным с момента попытки передачи денег или иных материальных ценностей либо оказания услуг имущественного характера [12, с. 717].

Наличие данной статьи в Уголовном кодексе РФ делает невозможным привнести в национальное законодательство определение, сформулированное Европейским судом по правам человека, т.к. в этом случае произойдет конфликт юридических понятий.

Как верно отмечает профессор В.Д. Иванов, «сопоставление ст. 304 УК РФ с общим теоретическим понятием провокации преступлений показывает, что в ней ни о какой провокации речи не идет, ибо она по существу предусматривает частный случай фальсификации доказательств. Попытка передачи взятки либо коммерческого подкупа без согласия должностного лица или лица, выполняющего управленческие функции, не образует состава преступления – получения взятки либо коммерческого подкупа. В этой ситуации провокатору не о чем сообщать. Для провокации же преступления обязательно требуется, чтобы провокатор добился согласия на принятие указанными лицами предмета взятки либо коммерческого подкупа, о чем он в последующем и сообщает в органы власти с разоблачением о совершении преступления спровоцированными им лицами» [6, с. 106].

Таким образом, для исключения противоречий в судебной практике Европейского суда по правам человека и судов Российской Федерации целесообразно внести следующие изменения в отечественное законодательство:

Во-первых, для того чтобы законодателю не было нужды выделять отдельные виды провокации преступления, необходимо исключить из УК РФ ст. 304 – Провокация взятки либо коммерческого подкупа. Вместо данной статьи разумно внести общую норму, запрещающую провокацию преступления, которая будет иметь бланкетную или описательную диспозицию.

Во-вторых, для приведения в соответствие правоприменительной практики с международными судебными решениями Верховному Суду Российской Федерации необходимо с учетом определения, данного Европейским судом по правам человека, сформулировать собственное понятие провокации преступления, на которое могли бы ориентироваться правоохранительные органы и ученые-правоведы.

Литература

1. Дело «Банникова (Bannikova) против России»: постановление ЕСПЧ от 4 ноября 2010 г. (жалоба № 18757/06). URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 12.12.2015).
2. Дело «Константин и Стоян (Konstantin and Stoian) против Румынии»: постановление ЕСПЧ от 29 сентября 2009 г. (жалоба № 23782/06 и № 46629/06). URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 12.12.2015).
3. Дело «Раманаускас (Ramanauskas) против Литвы»: постановление ЕСПЧ от 5 февраля 2008 г. (жалоба № 74420/01). URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 12.12.2015).
4. Дело «Тейшейра де Кастро (Teixera De Castro) против Португалии»: постановление ЕСПЧ от 9 июня 1998 г. (жалоба № 44/1997/828/1034). URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 12.12.2015).
5. Дело «Худобин (Khudobin) против России»: постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г. (жалоба № 59696/00). URL: <http://echr.coe.int> (дата обращения: 12.12.2015).
6. Иванов В.Д. Проблемы правового обеспечения борьбы с провокацией преступлений // Уголовная политика и международное право: проблемы интеграции: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Владимир, 19-20 ноября 1998 г.). Владимир: ВлЮИ МВД России, 1999.
7. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. URL: http://www.vsrfl.ru/print_page.php?id=8316 (дата обращения: 12.12.2015).
8. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 29.06.2015). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 // Российская газета. 2003. 2 декабря.
10. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 05.02.2014). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. Руководство по статье 6 Конвенции. Право на справедливое судебное разбирательство (уголовно-правовой аспект). Council of Europe/European Court of Human Rights, 2014.
12. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рапога. М., 2014.
13. European Court of Human Rights Council of Europe F-67075 Strasbourg cedex. URL: http://echr.coe.int/Documents/Convention_ENG.pdf (дата обращения: 12.12.2015).

УДК 343.573

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОДАЖУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ ПО ЗАРУБЕЖНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Вячеслав Олегович Сытников, преподаватель Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: Sytnikov1989@mail.ru

В статье проведен сравнительно-правовой анализ отдельных статей уголовных кодексов зарубежных стран, предусматривающих ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. На основе данного анализа предложены рекомендации по совершенствованию ст. 151.1 УК РФ.

Ключевые слова: уголовная ответственность; несовершеннолетние; продажа алкоголя; штраф.

CRIMINAL LIABILITY FOR SALE TO MINORS OF ALCOHOLICS PRODUCTS BY THE FOREIGN LEGISLATION

Vyacheslav Olegovich Sytnikov, lecturer of the Far Eastern Law
Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article includes the comparative-law analysis of the articles of criminal codes of the foreign countries which regulate responsibility for sale alcoholic products to minors. Based on the analysis the author offers the directions for improvement of art. 151.1 of the Criminal Code of the RF.

Keywords: criminal liability; minor; sale of alcohol; penalty.

В 2011 г. в Российской Федерации была установлена уголовная ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151.1 УК РФ). Данная норма является новеллой для отечественного уголовного законодательства, что обуславливает необходимость ее теоретического осмысления. Исходя из этого, представляется целесообразным рассмотреть нормы уголовного законодательства зарубежных стран, устанавливающие ответственность за продажу несовершеннолетним алкогольных напитков.

В рамках данной статьи компаративистскому исследованию были подвергнуты статьи Уголовных кодексов Республики Болгария, Республики Македония, Турецкой Республики, Республики Сербия, Республики Косово, Республики Эстония, уголовные законы Государства Израиль и Республики Иран, а также «алкогольные» законы штатов Нью-Мехико, Мичиган (США) и штата Новый Южный Уэльс (Австралия), поскольку в них установлен запрет на аналогичное деяние.

Анализ уголовного законодательства данных стран показывает, что в них применен различный подход к воплощению уголовно-правового запрета на продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. В первую очередь следует отметить, что если российский законодатель относит данное деяние к преступлениям против семьи и несовершеннолетних, то из перечисленных стран только УК Болгарии и Македонии располагают данное преступление в главах «Преступления против брака, семьи и молодежи». В Законе об уголовном праве Израиля они помещены в главу «Хулиганство и нарушение общественного порядка», а в УК Турции, Сербии, Косово и Эстонии – в главах «Преступления против общественного здоровья». В Законе об исламских уго-

ловных наказаниях исламской Республики Иран имеется отдельный раздел, посвященный преступлениям, связанным с употреблением и сбытом алкоголя. Американские штаты Нью-Мехико и Мичиган, а также штат Новый Южный Уэльс Австралии и вообще имеют специальные алкогольные законы, устанавливающие различные виды ответственности, в том числе уголовную.

Различной является и характеристика рассматриваемого деяния в названных странах. Так, в законодательстве Израиля [7] (ст. 193 алеф Закона об уголовном праве Израиля) данное деяние определено как продажа алкогольных напитков несовершеннолетнему. Данная формулировка максимально близка к содержанию ст. 151.1 УК РФ. Аналогичным образом данное деяние было определено ранее и в УК Республики Сербия 1977 г. [11], однако при этом был применен такой критерий продажи алкогольных напитков несовершеннолетнему, как продажа «крепкого алкогольного напитка или любого другого алкогольного напитка в количестве, которое может привести к опьянению», т.е. продажа несовершеннолетнему незначительного количества некрепкого алкоголя являлась допустимой. Данная норма была декриминализована новым УК Сербии, вступившим в силу 1 января 2010 г. [12]. В соответствии ст. 272 УК Республики Косово [10] наказуемым является «отпуск любых алкогольных напитков» несовершеннолетнему.

Закон об исламских уголовных наказаниях исламской Республики Иран [6] (ст. 703) считает наказуемыми сбыт и предложение для продажи алкогольных напитков. Формулировка «сбыт» в данном случае подразумевает любые способы отчуждения – продажа, мена, дарение, а ответственность за «предложение для продажи» равносильно ответственности за приготовление к преступлению. Равным образом наказуемыми являются изготовление, покупка и перевозка алкогольных напитков (ст. 702), а также создание условий для употребления алкоголя вследствие подстрекательства, подкупа или обмана (ст. 175).

В УК Македонии [8] (ст. 204) рассматриваемое деяние определено как «обслуживание несовершеннолетнего в магазине или месте общественного питания, где продаются алкогольные напитки».

Действовавший ранее УК Турции от 1 марта 1926 г. [13] в ст. 574 предусматривал ответственность для любого лица, предоставившего спиртные напитки несовершеннолетнему, устанавливая более суровую ответственность для продавца таких напитков. Однако в новом УК Турции 2004 г. данные деяния были декриминализованы [14]. В настоящее время в Турции (ст. 194 УК) установлена лишь ответственность «за снабжение или передачу детям веществ, представляющих угрозу для их жизни». Однако подразумеваются ли в рамках данной статьи и алкогольные напитки, остается неясным. Полагаем, что алкогольные напитки, безусловно, относятся к числу таких веществ, однако законодатель не указал конкретные виды (группы) этих веществ в диспозиции данной нормы.

В соответствии с УК Эстонии [16] (§ 182.1) наказуемыми являются «продажа алкогольных напитков несовершеннолетним и покупка алкоголя для несовершеннолетних, если виновный ранее привлекался к административной ответственности». Данная норма единственная из всех проанализированных зарубежных УК, предусматривающая административную преюдицию в конструкции уголовной нормы, что воплощено и российским законодателем в ст. 151.1 УК РФ. Наказуемым является также и склонение несовершеннолетнего, не достигшего 18-летнего возраста, к употреблению алкоголя (§ 182).

Ответственность за «покупку алкоголя для несовершеннолетних» наравне с его «продажей» и «снабжением алкоголем» установлена в штате Новый Южный Уэльс Австралии. Несовершеннолетним также запрещено самим продавать алкоголь. Наказуемой является и попытка несовершеннолетнего купить алкоголь [1].

Устанавливают уголовную ответственность за продажу алкоголя несовершеннолетним 17 штатов США (Арканзас, Калифорния, Коннектикут, Флорида, Кентукки, Мэриленд, Массачусетс, Миссисипи, Мичиган, Невада, Нью-Гэмпшир, Нью-Мексико, Нью-Йорк, штат Оклахома, штат Род-Айленд, Южная Каролина и Вайоминг и округ Колумбия) [17, с. 129]. Например, в штате Нью-Мексико преступлением является «продажа, обслуживание и предоставление алкоголя несовершеннолетним» [3], в штате Мичиган уголовная ответственность установлена за «продажу или снабжение несовершеннолетнего алкоголем» [15].

Следует отметить, что в некоторых странах для рассматриваемого деяния установлены квалифицирующие признаки:

- систематическое совершение подобных действий (Болгария);
- совершение данного деяния в отношении несовершеннолетнего, который находится в состоянии опьянения (Республика Македония);
- совершение данного деяния в отношении малолетнего ребенка (Республика Македония);
- по неосторожности (Республика Косово);
- смерть несовершеннолетнего или несчастный случай с ним, произошедшие в результате употребления купленного алкоголя (штат Мичиган США).

Различен и возраст, с которого разрешается продажа алкоголя в указанных странах: 16 лет – Болгария, Косово, Австралия, 18 лет – Израиль, Турция, Эстония, 21 год – США.

Отличаются также виды и размеры санкций за рассматриваемое деяние. Большинство стран предусматривает за данное преступление лишение свободы или штраф. Так, в Израиле за совершение данного деяния предусмотрено только тюремное заключение сроком на шесть месяцев, в Республике Эстония – штраф или тюремное заключение до одного года, в Турции – лишение свободы на срок от шести месяцев до одного года. В Республике Косово предусмотрены штраф или лишение свободы на срок до шести месяцев, при этом, если данное деяние совершено по неосторожности, виновный наказывается штрафом или лишением свободы на срок до трех месяцев. В Республике Македония также предусмотрены штраф или лишение свободы на срок до шести месяцев, но если продажа производится несовершеннолетнему, который находится в состоянии опьянения, виновный подлежит наказанию штрафом или лишением свободы на срок до одного года; если данное преступление совершено по отношению к малолетнему ребенку, виновный приговаривается к тюремному заключению на срок от одного года до пяти лет.

Согласно УК Республики Болгария (ст. 193) [9], за основной состав данного преступления вообще не предусмотрено лишения свободы, а только штраф до пяти левов. Лишение свободы назначается за квалифицированное деяние (систематическая продажа) – на срок до шести месяцев, при этом в качестве дополнительного наказания и, в основном, и в квалифицированных составах предусмотрено общественное порицание, эффективность которого, на наш взгляд, в данном случае весьма сомнительна.

Отличительные черты имеет подход к данному вопросу в Республике Иран. В соответствии с Законом об исламских уголовных наказаниях исламской Республики Иран за изготовление, покупку, сбыт, перевозку или предложение для продажи алкогольных напитков предусмотрено нормированное наказание – тюремное заключение на срок от шести месяцев до двух лет (ст. 175) и судебные взыскания – тюремное заключение на срок от трех месяцев до одного года, бичевание в размере до 74 ударов кнутом и штраф в размере от 1,5 до 6 млн риалов (по усмотрению суда виновному могут быть назначены любые два или одно из названных наказаний) (ст. 703).

Е.А. Герасимова, рассматривая зарубежное законодательство об уголовной ответственности за продажу несовершеннолетним алкогольной продукции, мусульманские страны выделяет в отдельную группу стран, где продажа, употребление, производство и распространение алкогольных напитков запрещены исходя из религиозных сообра-

жений [5, с. 153]. На наш взгляд, законодательство Ирана выделяется здесь особо. Например, в Саудовской Аравии, Кувейте, Бахрейне, Ливии самым строгим наказанием является телесное наказание (порка) [4, с. 31], и только в законодательстве Республики Иран предусмотрена смертная казнь за данное преступление.

В некоторых штатах США, например в Нью-Мексико, продажа, обслуживание и предоставление алкоголя несовершеннолетним является преступлением 4-го класса и карается до 18 месяцев тюрьмы без штрафа или со штрафом до 5 000 дол. В соответствии со ст. 436.701 Кодекса спиртных напитков штата Мичиган на продавца, продавшего алкоголь несовершеннолетнему, может быть наложен штраф в размере до 100 000 дол. Если данное деяние совершает другое лицо, на него может быть наложен штраф до 1000 дол. и тюремное заключение до 60 дней за первое преступление или штраф до 2500 дол. и тюремное заключение до 90 дней для второго или последующего преступлений, а также может быть предписано выполнение общинных работ. В случае если употребление алкоголя несовершеннолетним привело к его смерти или к несчастному случаю, который стал причиной смерти, наказание для лица, продавшего ему алкоголь, составляет лишение свободы сроком до 10 лет и/или штраф в размере до 5 000 дол.

Данные меры являются наиболее жесткими по сравнению с европейским законодательством. Подобные меры предусмотрены и в Австралии, в штате Новый Южный Уэльс, где за продажу несовершеннолетнему алкоголя, покупку его для несовершеннолетнего, а равно снабжение его алкоголем предусмотрено наказание в виде штрафа в размере 11 000 дол. и (или) 12 месяцев тюремного заключения. Если лицо поручает несовершеннолетнему купить для него алкоголь, на него также может быть наложен штраф до 3 300 дол. Такой же штраф может быть наложен на взрослого, ответственного за несовершеннолетнего, который позволяет ему употреблять алкогольные напитки. Более того, на несовершеннолетнего за попытку купить алкоголь также может быть наложен штраф до 2 200 дол. [2].

Таким образом, из перечисленных стран наиболее суровым (как допускающим телесные наказания и смертную казнь) можно признать уголовное законодательство Ирана. Достаточно логичными, на наш взгляд, можно признать нормы УК Македонии, Эстонии и Турции, предусматривающие лишение свободы на срок до одного года за совершение анализируемого деяния.

Санкции же, предусмотренные ст. 151.1. УК РФ, кажутся недопустимо мягкими – штраф в размере до 80 000 руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо исправительные работы на срок до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового. Более того, в отношении данного деяния установлена административная преюдиция, т.е. квалификация содеянного по ст. 151.1. УК РФ возможна только после привлечения лица к административной ответственности за аналогичное деяние. Все это в совокупности ставит под сомнение эффективность установленного в России уголовно-правового запрета за продажу алкоголя несовершеннолетним и что, в свою очередь, обуславливает необходимость дальнейшего совершенствования указанной нормы, при этом немаловажным, на наш взгляд, является учет опыта зарубежных стран в регулировании рассматриваемых правоотношений.

Литература

1. Австралия. Алкогольный закон Нового Южного Уэльса / Australia. Underage drinking laws of New South Wales // Официальный сайт правительства Австралии. URL: http://www.olgr.nsw.gov.au/pdfs/L_FS_UDL.pdf (дата обращения: 03.02.2016).
2. Австралия. Уголовный закон Южного Уэльса / Australia. Underage drinking laws of New South Wales // Официальный сайт правительства Австралии. URL: http://www.olgr.nsw.gov.au/pdfs/L_FS_UDL.pdf (дата обращения: 03.02.2016).

3. Алкогольный закон Нью-Мексико (60-7B-1A Liquor control act New Mexico). URL: <http://law.justia.com/codes/new-mexico/2011/chapter60/article7B/section60-7B-1/> (дата обращения: 18.02.2016).
4. Берндт А.А. Сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства об уголовной ответственности за продажу алкогольной продукции несовершеннолетним // Адвокатская практика. 2015. № 2.
5. Герасимова Е.А. Уголовно-правовое противодействие розничной продаже несовершеннолетним алкогольной продукции: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.
6. Закон об исламских уголовных наказаниях Республики Иран от 30 июля 1991 г. / пер. с перс. М.С. Пелевина; науч. ред. А.И. Ахани. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2008.
7. Закон об уголовном праве Израиля 1977 г. / пер. с иврита М. Дорфман. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2010.
8. Уголовный кодекс Македонии от 23 июля 1996 г. URL: <http://legislationline.org/documents/action/popup/id/16066/preview> (дата обращения: 16.02.2016).
9. Уголовный кодекс Республики Болгария от 1 мая 1968 г. / пер. с болг. А.И. Лукашова, Д.В. Милушева; науч. ред. А.И. Лукашова; вступ. ст. Й.И. Айдарова. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001.
10. Уголовный кодекс Республики Косово от 22 июня 2012 г. URL: <http://www.assembly.org/?cid=2,193&date=2012-06> (дата обращения: 24.02.2016).
11. Уголовный кодекс Республики Сербия 1977 г. / пер. с англ. С. Карибова; науч. ред. Ю.А. Кашубы. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2009.
12. Уголовный кодекс Республики Сербия от 29 декабря 2009 г. URL: www.mpravde.gov.rs/images/13_criminal_code.pdf (дата обращения: 24.02.2016).
13. Уголовный кодекс Турции от 1 марта 1926 г. / пер. с тур. Н. Сафарова, Х. Бабаева; науч. ред. и предисл. Н. Сафарова, Х. Аджара. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
14. Уголовный кодекс Турции от 26 сентября 2004 г. URL: <http://www.wipo.int/wipolex/en/details.jsp?id=11135> (дата обращения: 24.02.2016).
15. Уголовный кодекс штата Мичиган от 1931 г. URL: michiganliquorlaw.com/michigan-liquor-control-code.html (дата обращения: 18.02.2016).
16. Уголовный кодекс Эстонии от 6 июня 2001 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=263669 (дата обращения: 21.02.2016).
17. Wagenaar, A.C., Toomey, T.L., and Erickson, D.J. Complying with the minimum drinking age: Effects of enforcement and training interventions. *Alcoholism: Clinical and Experimental Research* 29(2):255-262, 2005.

УДК 343.348

СПЕЦИФИКА КОНСТРУКЦИИ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 244 УК РФ

Екатерина Максимовна Тертыхникова, преподаватель Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: filina.em@inbox.ru

В данной статье затронуты особенности законодательной конструкции объективной стороны преступлений, связанных с надругательством над телами умерших и местами их захоронения. В ходе исследования проанализированы подходы ученых в части трактовки деяний, представляющих собой надругательство над телами умерших и осквернение мест захоронений. Представленные в статье теоретические положения проиллюстрированы актуальными примерами судебной практики.

Ключевые слова: тело умершего; места захоронения; традиции; надругательство; осквернение.

THE SPECIFICS OF THE OBJECTIVE SIDE THE CONSTRUCTION ELEMENTS OF A CRIME UNDER ART. 244 OF THE CRIMINAL CODE

Ekaterina Maksimovna Tertyshnikova, lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

This article discussed the construction features of the legislative of the objective side the crimes related to the abuse of corpses and burial places. In the study, scientists analyzed the approaches to the interpretation of the acts constituting abuse of corpses and the desecration of graves. Also theoretical propositions are illustrated examples of relevant jurisprudence.

Keywords: corpse; burial places; traditions; the abuse; the desecration.

В связи с последними социально-политическими событиями в мировом сообществе все большую активность проявляют радикально настроенные организации, которые ведут в отношении Российского государства агрессивную политику, направленную на формирование у граждан устойчивого негативного отношения к национальным интересам, принижение значения освободительной миссии СССР во Второй мировой войне и в целом значимой роли России на мировой арене.

К сожалению, все чаще оппоненты прибегают к дезорганизации и разрушению системы накопления и сохранения культурных ценностей и традиций, сформированных в нашем государстве, пропаганде образцов массовой культуры, основанных на культе насилия, а также на ценностях, противоречащих духовным и нравственным ценностям, принятым в российском обществе.

Уместно отметить и наличие определенных законодательных пробелов, способствующих также негативно влиять на уровень преступности. Отсюда появление в судебной и следственной практике случаев совершения надругательств над телами умерших и местами их захоронения – преступлений, направленных на подрыв чести и памяти умерших, причинение моральных страданий родным и близким. Данный вид преступления получил свое распространение во многих регионах нашей страны, что наглядно отражает масштаб социально-политического бедствия.

Несмотря на то, что норма о преступлениях, посягающих на покой умерших, видоизменялась и совершенствовалась, в настоящее время имеется ряд пробелов в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ. Эти изъяны приводят к появлению различных спорных вопросов, проблемам квалификации преступления.

В сложившихся условиях, на наш взгляд, заслуживает особого внимания исследование особенностей законодательной конструкции объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ.

В теории уголовного права принято считать, что объективная сторона преступления представляет собой внешнюю сторону преступного деяния, выраженный вовне акт поведения человека.

Объективная сторона надругательства над телами умерших и местами их захоронения определена в диспозиции ст. 244 УК РФ и состоит из ряда альтернативных действий, каждое из которых в силу своей природы способно причинить определенный вред. К ним относятся:

- надругательство над телами умерших и местами их захоронения;
- уничтожение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для соответствующих церемоний, связанных с погребением или поминовением умерших;
- повреждение перечисленных объектов;
- осквернение перечисленных объектов.

Принимая во внимание, что в юридической литературе отсутствует унифицированный подход к интерпретации вышеуказанных действий, полагаем целесообразным привести различные точки зрения правоведов и осветить таким образом заявленную проблему.

Системный анализ показал, что большинство специалистов при осуществлении трактовки понятия «надругательство» не раскрывают его специфики, а обходятся лишь перечислением альтернативных действий. В своем большинстве они приводят следующие примеры надругательств: глумление над телом человека, извлечение трупа из могилы, обнажение или расчленение трупа, извлечение предметов, связанных с ритуалом погребения [6; 7; 13, с. 532].

Другая группа авторов дает более широкую характеристику интересующего нас деяния, отмечая, что надругательство над телами умерших – это совершение безнравственных, оскверняющих или циничных действий в отношении захороненных или временно не захороненных человеческих останков (извлечение из могилы, нанесение повреждений, расчленение трупа, обнажение, похищение одежды, находящейся на теле умершего, ценных украшений, зубных коронок, несанкционированное перезахоронение останков и т.д.) [3; 5]. Сжатое пояснение термина приведено и в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, согласно которому надругательство охватывает такие действия, как оскорбительное, грубое издевательство, кощунство над святыней [9].

Представляется, что вышеперечисленные определения не совсем удачны, так как они поверхностны и условны, не раскрывают понятие преступления «надругательство над телами умерших». Более того, при обращении к ним правоприменителей в целях уяснения значения данного понятия и разграничения его от смежных деяний могут возникнуть дополнительные вопросы.

Считаем необходимым уделить особое внимание мнениям авторов, осуществивших более детальный анализ преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ. По представлению Е.А. Старкова, надругательства носят вызывающий, оскорбительный характер, выходят за рамки действий в отношении тел умерших, предусмотренных обычаями данной местности или социальной группы, к которой принадлежал умерший, не соответствует последней воле умершего или воле его родственников (например, раздевание покойника в крематории перед сожжением, расчленение трупа и т.п.) [10, с. 112].

Интересен подход Р.А. Исмаилова, считающего, что надругательство – это незаконное деяние, грубо противоречащее достойному отношению к телу человека после его смерти в соответствии с обычаями и традициями, сложившимися в обществе, а именно к допустимым формам погребения [2, с. 53].

В.А. Джемелинский также указывает, что под термином «надругательство» представляется совокупность активных действий в отношении захороненных (незахороненных) человеческих останков, нарушающих обычаи, традиции и установленный обрядами порядок погребения и поминовения умерших, оскорбляющих память об умерших и (или) чувства их близких и совершаемых в целях, не одобряемых обществом [1, с. 36].

И действительно, совершая надругательство, преступник в первую очередь нарушает право граждан на погребение и достойное отношение к умершему с учетом волеизъявления и пожелания родственников. Своими противоправными действиями виновный попирает сложившиеся в обществе и религии многовековые основы сакрального отношения и заботы о телах усопших.

Российская Федерация – многонациональное государство, на территории которого проживают как светские граждане, так и представители различных религиозных конфессий. При этом в похоронных традициях народов, проживающих на территории РФ, прослеживаются как смежные черты, так и некоторые особенности, свойственные ограниченному кругу последователей вероисповедания. Предполагаем, что при определении круга деяний, входящих в понятие «надругательство», должен применяться унифицированный подход и должны учитываться только общие положения похоронной

культуры, понимаемые и принимаемые всеми гражданами нашей страны, вне зависимости от того, являются они верующими или нет.

В связи с этим поддерживаем позицию А.С. Шокель, уточняющую, что «надругательство» представляет собой незаконное извлечение тела умершего либо его праха или его останков из могилы, а равно умышленное нанесение не захороненному телу умершего либо праху каких-либо повреждений или совершение иных безнравственных действий, которые согласно обычаям, сложившимся на территории России, оскорбляют память умершего [14, с. 64].

Выделим и обобщим основные признаки, которые, на наш взгляд, характеризуют понятие «надругательство над телами умерших и местами их захоронения»:

- противоправное деяние;
- нарушает право граждан на достойное отношение к умершему, гарантированное законодательством;
- попирает обычаи и традиции, сложившийся и устоявшийся на территории РФ порядок погребения и поминовения усопших;
- оскорбляет память об умершем, чувства близких и родных, приносит моральное страдание.

Отметим, что действия, осуществляемые в установленном законом порядке, а также совершенные в соответствии с законом целях, одобряемых обществом, не образуют объективной стороны надругательства над телами умерших. Так, не являются надругательством действия, связанные с эксгумацией трупа, вскрытие его врачом-патологоанатомом, изъятие у него в установленных законом случаях органов или тканей для пересадки больным, вскрытие трупа в анатомических театрах в научных и познавательных целях.

Резюмируя вышесказанное, считаем, что надругательство представляет собой деяние, запрещенное УК РФ под угрозой наказания, совершенное в отношении тела, останков умершего (погибшего), нарушающее право на достойное отношение к покойнику после смерти, а также традиции и обряды почитания усопших, сложившиеся на территории РФ, оскорбляющие память об умерших, совершенные с целью демонстрации явного неуважения и пренебрежения к общеизвестным традициям бережного отношения к телам и останкам умерших.

Надругательство над телами умерших может характеризоваться такими действиями, как расчленение тела полностью, вырезание отдельных частей, нанесение порезов поверхностных или проникающих, осуществление с телом половых актов либо действий сексуального характера, раздевание тела. В случаях, когда жертвой становится женщина, очень часто надругательство осуществляется в виде ампутации молочных желез, если же мужчина – то половых органов.

Так, согласно приговору Каневского районного суда Краснодарского края, М. после совершения убийства А., находясь в лесополосе в вечернее время с целью совершения надругательства над телом А. имевшимся при нем ножом вырезал молочную железу А., чем причинил ей посмертную ампутацию правой молочной железы, после чего с места преступления скрылся*.

Предполагаем, что вырезание указанных частей тела связано с тем, что они являются предметом сексуальной привлекательности и, отрезая их, лишая тем самым гендерных признаков, преступник руководствуется мотивом унижить и оскорбить жертву. Отметим, что нанесение порезов на теле умершего может быть совершено как хаотично, так и в виде надписи или символов. Чаще всего это бывают нецензурные слова, изображения нацистской свастики.

* Из приговора от 12 октября 2010 г. Каневского районного суда Краснодарского края.

Так, например К. после совершения убийства Б., с целью глумления над его трупом, ножом вырезал на передней поверхности трупа Б. многочисленные линейные царапины, часть из них в виде свастики*.

По конструкции объективной стороны состав преступления, связанного с надругательством над телами умерших, является формальным. Преступление считается оконченными с момента, когда виновные лица совершают указанные действия независимо от наступления каких-либо последствий, а также независимо от того, стало ли известно родственникам или близким покойного лица о факте надругательства над телом, останками умершего.

Характеризуя объективную сторону совершения уничтожения, повреждения мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для соответствующих церемоний, связанных с погребением или поминовением умерших, обратим внимание на единодушные исследователей в подходах определения понятия указанных действий. Так, по мнению большинства специалистов, уничтожение указанных предметов представляет собой действие, направленное на приведение их в такое состояние, когда они либо перестают существовать, либо приводятся в полную негодность, не могут быть использованы по назначению и не подлежат восстановлению [3; 4, с. 623; 5; 11, с. 487; 13, с. 532]. Заметим, что способы такого рода уничтожения могут быть самыми разнообразными: раскапывание могил, извлечение из них гробов, порча памятника, надмогильного креста или других могильных сооружений.

Повреждение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для соответствующих церемоний, связанных с погребением или поминовением умерших, означает частичное нанесение порчи отдельным элементам указанных сооружений, что приводит к существенному ухудшению их внешнего вида, причинению им такого вреда, который требует существенных материальных затрат на их восстановление, реставрацию [3; 4; 5; 11; 12; 13].

К повреждению можно отнести нанесение порчи отдельным элементам сооружения, изъятие отдельных украшений, фрагментов надгробий, поломка ограждений. Добавим к приведенным трактовкам понятий, что рассматриваемые действия нарушают право на достойное отношение к умершему после смерти, а также традиции и обряды почитания усопших, оскорбляют память об умерших, затрагивают эмоциональную сферу родственников.

Приговор Приморского районного суда г. Новороссийска иллюстрирует способы совершения уничтожения/повреждения надмогильных сооружений. Так, 23 июля 2010 г. Л., находясь на территории кладбища, в целях повреждения надмогильных сооружений мест захоронений, стал умышленно наносить удары ногами и руками по надмогильным сооружениям, тем самым сломав могильные памятники у основания мест захоронений умерших А. и Г. Затем Л. совместно с неустановленным лицом проследовали в сектор № 12 городского кладбища, где стали наносить удары ногами и руками по надгробным сооружениям могильных захоронений умерших, сломали могильный памятник на месте захоронения Д. Действуя в целях осуществления своих преступных намерений, находясь в секторе № 8, сорвали с могильного захоронения надгробную плиту усопшего К., тем самым существенно повредив ее. Проследовав в сектор № 14, они же повалили на землю надмогильный памятник на месте захоронения Н. После чего Л. и не установленное следствием лицо с места преступления скрылись. Их действия причинили родственникам усопших нравственные страдания**.

Заметим, что уничтожение или повреждение зданий, не предназначенных для церемоний, связанных с погребением или поминовением умерших, не образует рассмат-

* Из приговора от 18 апреля 2012 г. по делу № 1-158/12 // Архив Георгиевского городского суда Ставропольского края.

** Из приговора от 16 июня 2011 г. Приморского районного суда г. Новороссийска.

риваемого состава преступления и подлежит квалификации по ст. 167 УК РФ. К такому отнесем здания похоронного бюро, магазинов, осуществляющих продажу похоронной продукции, здания администрации кладбища, мастерской по изготовлению похоронных принадлежностей. В случаях, если место погребения отнесено к историко-культурным памятникам, уголовная ответственность должна наступать в соответствии со ст. 243 УК РФ. Аналогично следует квалифицировать деяние в случаях уничтожения или повреждения символических захоронений, в которых не покоятся человеческие останки. Исключение составляют сооружения, посвященные борьбе с фашизмом или жертвам фашизма, поскольку за совершение уничтожения или повреждения указанных объектов предусмотрена уголовная ответственность в соответствии с ч. 2 ст. 244 УК РФ.

Наравне с понятием «надругательство» при осуществлении уголовно-правовой характеристики «осквернения» ученые чаще всего приводят лишь альтернативные действия, которые, по их мнению, входят в значение этого понятия. В большинстве своем к осквернению мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий они относят нанесение непристойных надписей, рисунков, оскорбительных символов на указанные предметы, а также совершение непристойных, глумливых действий на указанных местах, в указанных зданиях и непосредственно возле них, если сами действия или их последствия воспринимались другими лицами [3; 4; 5; 7; 8, с. 476; 12; 13]. Заслуживает внимания позиция Р.А. Исмагилова, который предположил, что рассматриваемые нами деяния могут совершаться не только в форме физического действия, но и в так называемой интеллектуальной форме [2, с. 72]. К осквернениям в физической форме относится:

- нанесение неприличных надписей или рисунков на церемониальное здание или надмогильное сооружение;
- опрокидывание надмогильного сооружения;
- срывание цветов с могилы;
- засорение места захоронения, в том числе отправление на нем естественных надобностей;
- совершение ритуального убийства человека или животного на объектах похоронной культуры и т.п.

Осквернением в интеллектуальной форме следует признавать публичное совершение оскверняющих действий информационного характера:

- проведение торжеств на местах захоронения;
- отправление сатанинских обрядов на местах захоронения;
- вывешивание на объектах похоронной культуры оскверняющих плакатов или распространение оскверняющих листовок;
- грубое нарушение церемонии погребения или поминовения на месте захоронения или в траурном зале и т.п.

Итак, под термином «осквернение мест захоронения, надмогильных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для соответствующих церемоний, связанных с погребением или поминовением умерших» следует понимать действия, направленные на оскорбление, поругание памяти об умершем, совершенные в целях демонстрации явного неуважения и пренебрежения к общеизвестным традициям трепетного отношения к вышеуказанным местам, совершенные как в физической, так интеллектуальной форме.

Таким образом, в ходе проведенного исследования уголовно-правовой литературы были выявлены как схожие позиции ученых в части описания объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ, так и некоторые особенности. В результате была выдвинута авторская позиция о круге деяний, входящих в понятия «надругательство», «осквернение», предусмотренных вышеуказанной статьей.

Полагаем, что данные результаты могут дополнить имеющиеся в науке уголовного права взгляды об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ.

Литература

1. Джемелинский В.А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.
2. Исмагилов Р.А., Шарапов Р.Д. Похоронная культура как объект уголовно-правовой охраны: монография. М., 2014.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Бриллиантова. М., 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 4-е изд. / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2013. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. А.И. Рарог. М., 2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т.2. Особенная часть. М., 2004.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/5591.shtml> (дата обращения: 12.08.2014).
10. Старков Е.А. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
11. Уголовное право РФ: Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2011.
12. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов/ под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 2001.
13. Уголовное право. Часть Особенная: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. М., 2005.
14. Шокель А.С. Предупреждение преступлений, связанных с надругательствами над телами умерших и местами их захоронения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ НЕГЛАСНОГО ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ, В ЧАСТНОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ИЛИ ОХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Виктор Васильевич Денисенко, профессор кафедры Краснодарского университета МВД России доктор юридических наук, профессор;
Михаил Александрович Мумладзе, участковый уполномоченный полиции ОМВД России по Томашевскому району Краснодарского края

E-mail: profdenisenko@mail.ru
mumladze-m@bk.ru

В статье анализируются проблемы определения подведомственности и подсудности дел об административных правонарушениях в области незаконного использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в частной детективной или охранной деятельности, формулируются предложения по внесению изменений в действующее административно-деликтное законодательство и формированию единообразной правоприменительной судебной и административно-юрисдикционной практики в анализируемом секторе общественных отношений.

Ключевые слова: административные правонарушения; протоколы об административных правонарушениях; подведомственность и подсудность дел об административных правонарушениях; специальные технические средства для негласного получения информации; частная детективная деятельность; частная охранная деятельность.

PROBLEMS OF DETERMINATION OF JURISDICTION AND JURISDICTION OF CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENCES IN THE FIELD OF ILLEGAL USES OF SPECIAL TECHNICAL THE MEANS INTENDED FOR SECRET OBTAINING INFORMATION, IN PRIVATE DETECTIVE OR SECURITY ACTIVITY

Victor Vasilyevich Denisenko, chair professor of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia Doctor of Law, professor;
Mikhail Aleksandrovich Mumladze, district police officer of police of department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Timashevsky district of Krasnodar Krai

In article it is analyzed problems of determination of jurisdiction and jurisdiction of cases of administrative offenses in the field of illegal use of the special technical means intended for secret obtaining information in private detective or security activity, offers on modification of the existing administrative and delictual legislation and formation of uniform law-enforcement judicial and administrative and jurisdictional practice in the analyzed sector of the public relations are formulated.

Keywords: administrative offenses; protocols on administrative offenses; jurisdiction and jurisdiction of cases of administrative offenses; special technical means for secret obtaining information; private detective activity; private security activity.

В целях недопущения либо пресечения противоправных действий субъектов частной охранной и детективной деятельности в процессе оказания ими физическим и юридическим лицам тех видов услуг, на которые лицензиатом получена лицензия, законодатель предусмотрел осуществление контроля и надзора за частной детективной и охранной деятельностью, регламентация которого установлена положениями ст. 20 Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» [3]. Положениями ч. 1 данной статьи определено, что «контроль за частной детективной и охранной деятельностью на территории Российской Федерации осуществляют федеральный орган исполнительной власти, в ведении которого находятся вопросы внутренних дел, иные федеральные органы исполнительной власти и подчиненные им органы и подразделения в пределах, установленных настоящим Законом, другими законами и иными правовыми актами Российской Федерации». Подобная опосредованность в определении федеральных органов исполнительной власти практиковалась законодателем в период достаточно частой реорганизации структуры этих органов. Если же конкретизировать названия контролирующих органов, то, исходя из анализа действующего законодательства и иных нормативных правовых актов, полномочиями по проведению контроля за частной детективной и охранной деятельностью наделены органы внутренних дел (полиция) и органы Федеральной службы безопасности, в свою очередь, осуществление надзора возложено на прокуратуру. Расплывчатость формулировки позволяет законодателю, при необходимости, вменить функцию контроля за частной детективной и охранной деятельностью, помимо структурных подразделений МВД России и ФСБ России, и иным федеральным органам исполнительной власти. Вместе с тем, называя потенциальных субъектов контроля в рассматриваемой сфере общественных отношений, законодатель конкретизировал цели государственного контроля (установление соблюдения лицензиатом лицензионных требований и условий) и виды проверок (плановые и внеплановые) применительно только к органам внутренних дел. Таким образом, *остается неурегулированным вопрос о целях и видах проверок частной детективной и охранной деятельности, если таковые будут проводиться не сотрудниками органов внутренних дел (полиции), а должностными лицами иных федеральных органов исполнительной власти и подчиненных им органов и подразделений. Впрочем, такая неопределенность достаточно просто преодолевается внесением соответствующих дополнений и изменений в ст. 20 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации».*

В случае осуществления незаконной частной охранной и детективной деятельности законодатель предусмотрел возможность наступления административной ответственности по ст. 20.16 КоАП РФ), охватывающей противоправные деяния, выразившиеся:

- в незаконном осуществлении частной охранной деятельности (ч. 1);
- незаконном осуществлении частной детективной (сыскной) деятельности (ч. 2);
- осуществлении деятельности по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию частных охранников или частных детективов без лицензии либо с нарушением установленных законом требований (ч. 3);
- при оказании охранных или детективных услуг, не предусмотренных лицензией либо с нарушением установленных законом требований (ч. 4).

Однако административная ответственность в сфере частной охранной и детективной деятельности не ограничивается только положениями ст. 20.16 КоАП РФ, которые являются бланкетными и носят общий характер.

При осуществлении контроля в сфере частной детективной или охранной деятельности могут быть выявлены различные нарушения административно-деликтного

законодательства, в том числе связанные с незаконным использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в частной детективной или охранной деятельности, за совершение которых предусмотрена административная ответственность по ст. 20.24 КоАП РФ. Положения данной статьи, являющиеся специальными по отношению к положениям ст. 20.16 КоАП РФ, запрещают использовать в частной детективной или охранной деятельности специальные технические средства, предназначенные для негласного получения информации и не предусмотренные установленными перечнями.

Субъекты административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, являются специальными и очерчены двумя категориями:

- физическими лицами, осуществляющими частную детективную или охранную деятельность (частные детективы и частные охранники);
- должностными лицами – руководителями частных охранных организаций (объединений, ассоциаций).

Обратим внимание и на различное содержание санкций, установленных для вышеназванных двух категорий субъектов административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ. В отношении частных детективов и частных охранников предусмотрено сочетание основного административного наказания в виде административного штрафа и обязательного дополнительного административного наказания, связанного с конфискацией предмета административного правонарушения (незаконно используемых специальных технических средств). Вторая категория субъектов административного правонарушения представлена только руководителями частных охранных организаций (объединений, ассоциаций), которым возможно назначение только основного административного наказания в виде административного штрафа. Таким образом, *руководители детективных агентств выведены из круга возможных субъектов административных правонарушений, связанных с незаконным использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации. Такая законодательная позиция не может быть признана допустимой и требует включения руководителей детективных организаций (агентств) в число субъектов административной ответственности за административные правонарушения, предусмотренные ст. 20.24 КоАП РФ.*

Наряду с этим полагаем целесообразным внесение изменений в размер предусмотренного ст. 20.24 КоАП РФ административного штрафа для должностных лиц и установления его в пределах от двух тысяч пятисот до пяти тысяч рублей. Тем самым будет достигнуто действительное дифференцирование в размерах административных штрафов, назначаемых гражданам и должностным лицам, осуществляющим частную детективную и охранную деятельность.

Вышеприведенные рассуждения представляют основу для понимания подходов законодателя к установлению подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, а подходы эти не всегда отличаются последовательностью и логичностью. Для статьи 20.24 КоАП РФ законодатель избрал вариант с распределением полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях «между двумя и более субъектами, принадлежащим к разным ветвям власти (исполнительной и судебной) – двойная (множественная) подведомственность» [2, с. 154]. Таковыми субъектами являются:

- судьи, наделенные правом рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, субъектами которых выступают частные детективы и охранники (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ);
- органы внутренних дел (полиция), которым предоставлены полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, субъектами которых выступают руководители частных охранных организаций (объединений, ассоциаций) (ч. 1 ст. 23.3 КоАП РФ);

- федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в области безопасности Российской Федерации (п. 3 ч. 2 ст. 23.46 КоАП РФ).

Исходя из того, что законодатель не конкретизировал, в отношении какой категории субъектов установлена для ФСБ России подведомственность дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, то указанные органы вправе рассматривать соответствующие дела об административных правонарушениях в отношении любых субъектов, подлежащих административной ответственности по анализируемой статье, а именно частных детективов, частных охранников, руководителей частных охранных организаций (объединений, ассоциаций).

Разграничение подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, между судьями и органами внутренних дел (полицией) осуществлено в зависимости от категории субъекта административного правонарушения: судьи рассматривают дела в отношении граждан, имеющих специальный статус частного детектива или частного охранника, органы внутренних дел (полиция) – в отношении должностных лиц – руководителей частных охранных организаций (объединений, ассоциаций). Если рассматривать только один этот критерий, то такое разграничение выглядит достаточно странным, поскольку логичнее закрепить подведомственность по рассмотрению дел об административных правонарушениях ровно наоборот, а именно за судьями – в отношении должностных лиц, а за органами внутренних дел (полиции) – в отношении граждан. Но в данном случае законодатель руководствовался не критерием вида субъекта правонарушения, а видом санкции, назначаемой этим субъектам. И поскольку в качестве наказания для частных детективов и частных охранников предусмотрена наряду с административным штрафом конфискация предмета административного правонарушения, назначение которой находится в исключительной компетенции судей, то и рассмотрение дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, вправе осуществлять только судьи.

Другое дело, что законодатель допустил ошибку, не предусмотрев конфискацию предмета административного правонарушения в качестве дополнительного административного наказания в отношении должностных лиц, при этом не только руководителей частных охранных организаций (объединений, ассоциаций), но и руководителей частных детективных организаций (агентств).

Что касается разграничения подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, между МВД России и ФСБ России, то приоритет по рассмотрению дела принадлежит тому органу, должностными лицами которого составлен соответствующий протокол об административном правонарушении.

В настоящее время полномочия должностных лиц по составлению протоколов об административных правонарушениях применительно к административным правонарушениям, предусмотренным ст. 20.24 КоАП РФ, распределены следующим образом:

1) в соответствии с ч. 1 ст. 28.3 КоАП РФ, исходя из полномочий по последующему рассмотрению соответствующего дела об административном правонарушении, протоколы об административных правонарушениях в пределах компетенции соответствующего органа составляют:

- органы внутренних дел (полиция) в отношении руководителей частных охранных организаций (объединений, ассоциаций);

- органы Федеральной службы безопасности в отношении частных детективов, частных охранников, руководителей частных охранных организаций (объединений, ассоциаций);

2) в соответствии с ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ органы внутренних дел (полиция) составляют протоколы об административных правонарушениях в отношении частных детективов, частных охранников с последующей передачей материалов дела об административном правонарушении на рассмотрение судье.

При этом дело об административном правонарушении должно быть направлено судье не только исходя из подведомственности дела об административном правонарушении, но и исходя из его подсудности. Если нет дополнительных оснований, то дело об административном правонарушении направляется на рассмотрение мировому судье; но если производство по делу об административном правонарушении осуществляется в форме административного расследования, то оно автоматически переходит к подсудности судей районных судов. Иными словами, оснований для утверждения о наличии проблемы спорной подсудности дел об административных правонарушениях [1, с. 17-21], что характерно для значительного числа составов, для дел по правонарушениям, предусмотренным ст. 20.24 КоАП РФ в ее нынешней редакции, нет.

Обратим внимание и на предусмотренное ст. 25.11 КоАП РФ полномочие прокурора возбуждать производство по делу об административном правонарушении (по любой статье Особенной части КоАП РФ). Но для случаев возбуждения прокурором дела об административном правонарушении законодателем не определен порядок выбора субъекта, которому направляются для рассмотрения материалы дела об административном правонарушении, что является пробелом в административно-деликтном законодательстве, требующим устранения посредством внесения соответствующих изменений в КоАП РФ.

Перечень должностных лиц, которым предоставлено право от имени федерального органа исполнительной власти рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.24 КоАП РФ, охватывает:

- начальников территориальных управлений (отделов) внутренних дел и приравненных к ним органов внутренних дел, их заместителей, начальников территориальных отделов (отделений, пунктов) полиции, их заместителей (п. 1 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ);
- руководителя Федеральной службы безопасности Российской Федерации, его заместителей, руководителей территориальных органов Федеральной службы безопасности, их заместителей, руководителей структурных подразделений Федеральной службы безопасности, их заместителей (п. 3 ч. 2 ст. 23.46 КоАП РФ).

Проведенный нами анализ позволяет утверждать о наличии серьезных недостатков в принятой в настоящее время регламентации административной ответственности за нарушения в области незаконного использования специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации, в частной детективной или охранной деятельности и процессуального порядка ее реализации.

В целях устранения ранее выделенных нами недостатков в правовом регулировании в анализируемой сфере общественных отношений предлагаем внести изменения в КоАП РФ и изложить ст. 20.24 в новой редакции:

«Статья 20.24. Незаконное использование в частной детективной или охранной деятельности специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации

Использование в частной детективной или охранной деятельности специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации и не предусмотренных установленным Правительством РФ перечнем видов специальных технических средств, предназначенных (разработанных, приспособленных, запрограммированных) для негласного получения информации в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, –

влечет наложение административного штрафа на частных детективов либо охранников в размере от одной тысячи до двух тысяч пятисот рублей с конфискацией незаконно используемых специальных технических средств; на руководителей частных охранных организаций (объединений, ассоциаций) либо руководителей частных детективных организаций (агентств) – от двух тысяч пятисот до пяти тысяч рублей».

Предложенная редакция ст. 20.24 КоАП РФ, во-первых, устранил ошибку, связанную с необоснованным исключением из числа субъектов рассматриваемого админи-

стративного правонарушения руководителей детективных организаций (агентств); во-вторых, устранит ошибочность позиции, не допускающей незаконное использование специальных технических средств не только частными детективами или частными охранниками, но и руководителями детективных организаций (агентств) или частных охранных организаций (объединений, ассоциаций); в-третьих, устранит проблемы с установлением подведомственности дел об административных правонарушениях, поскольку рассмотрение дел данной категории перейдет к исключительной компетенции судей.

Литература

1. Денисенко В.В., Денисенко Е.В. «Спорная подсудность» дел об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2008. № 2.
2. Денисенко В.В., Момяк С.Г. На заметку законодателю, или Возвращаясь к вопросу о разграничении судебного и административно-юрисдикционного порядка рассмотрения дел об административных правонарушениях // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: сб. мат-лов ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. (Сорокинские чтения) (25 марта 2016 г.): в 3 т. / под ред. Ю.Е. Аврутина, А.И. Каплунова. СПб.: СПб. ун-т МВД России, 2016. Т. 2.
3. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (в ред. от 13.07.2015) // Российская газета. 1992. 30 апреля.

УДК 342.98

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО УЧАСТКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ

Алексей Геннадьевич Гришаков, начальник кафедры
кандидат юридических наук, доцент;

Евгений Александрович Федяев, старший преподаватель
(Барнаульский юридический институт МВД России)

E-mail: grischakow@buimvd.ru
fea55@buimvd.ru

Статья посвящена деятельности участкового уполномоченного полиции по обеспечению безопасности дорожного движения на административном участке в городе и сельском поселении, в том числе действиям при дорожно-транспортных происшествиях.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения; сельское поселение; участковый уполномоченный полиции; дорожно-транспортное происшествие; место происшествия; первая помощь; водители транспортных средств; административная ответственность.

ROAD-TRAFFIC SAFETY IN THE TERRITORY OF THE ADMINISTRATIVE AREA AS ONE OF THE ACTIVITIES AUTHORIZED BY THE DISTRICT POLICE

Alexey Gennadievich Grishakov, chair head *Kandidat nauk* degree in Law,
associate professor;

Evgeny Alexandrovich Fedyaev, senior lecturer
(Barnaul Law Institute of the Ministry of the Internal Affairs of Russia)

The article is devoted to the activity of the district police to ensure the road-traffic safety on the administrative area of the city and rural settlement, including actions at road-traffic accidents.

Keywords: road-traffic safety; rural settlement; district police; road-traffic accident; accident scene; first aid; vehicle drivers; administrative responsibility.

Подразделения участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России выполняют широкий круг задач и принимают участие в реализации практически всех основных направлений деятельности полиции в Российской Федерации. В соответствии с Наставлением по организации деятельности участковых уполномоченных полиции [3] (далее – Наставление УУП) участковый уполномоченный полиции при несении службы на административном участке принимает участие в обеспечении безопасности дорожного движения. Данное направление правоприменительной деятельности можно разделить на две группы.

Первая связана с административно-юрисдикционной деятельностью, так как участковые уполномоченные полиции наделены правом составлять протоколы об административных правонарушениях и налагать административные наказания за отдельные виды административных правонарушений в области дорожного движения. Следует заметить, что в некоторых странах ближнего зарубежья (например, в Республике Казахстан) на аналогичные подразделения органов внутренних дел также возложены указанные полномочия [1, с. 61-64].

Компетенция участковых уполномоченных полиции по привлечению к административной ответственности за отдельные правонарушения в области безопасности дорожного движения регламентируются Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [5], а также ведомственным нормативным правовым актом [11]. В частности, пункт 9 ч. 2 ст. 23.3 КоАП РФ наделяет старших участковых уполномоченных полиции, участковых уполномоченных полиции полномочиями по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях по составам: ст. 12.1 «Управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке, транспортным средством, не прошедшим государственного технического осмотра или технического осмотра»; ч. 1 и ч. 2 ст. 12.2 «Управление транспортным средством с нарушением правил установки на нем государственных регистрационных знаков»; ч. 1-3 ст. 12.3 «Управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов, предусмотренных Правилами дорожного движения»; ст. 12.22 «Нарушение правил учебной езды»; ст. 12.23 «Нарушение правил перевозки людей»; ст. 12.28 «Нарушение правил, установленных для движения транспортных средств в жилых зонах»; ч. 1-2 ст. 12.29 «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным лицом, участвующим в процессе дорожного движения»; ч. 1 ст. 12.30 «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным участником дорожного движения, повлекшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего».

Заметим, что законодатель наделил участковых уполномоченных полиции достаточно широким кругом административно-юрисдикционных полномочий в сфере безопасности дорожного движения. Привлечение к административной ответственности обеспечивается отдельными мерами административного принуждения, к которым можно отнести: остановку транспортного средства, отстранение от управления транспортным средством, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения.

В то же время, несмотря на широкий круг административно-юрисдикционных полномочий в рассматриваемой сфере, действия участковых уполномоченных полиции при выявлении перечисленных составов правонарушений нередко сводятся только к их пресечению или задержанию виновных лиц. Как показывает практика, фактически воз-

можно в различных ситуациях отстранение водителя от управления транспортным средством осуществляется вне процессуальных рамок, без составления соответствующего протокола. К сожалению, у участковых уполномоченных полиции часто отсутствуют специализированные бланки протоколов (например, направления на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, задержания транспортного средства и т.д.).

На наш взгляд, существует ряд проблем, не позволяющих участковым уполномоченным полиции эффективно обеспечивать привлечение к административной ответственности лиц, совершающих административные правонарушения в рассматриваемой сфере. Очевидной из них является низкая правовая грамотность участковых уполномоченных полиции в рассматриваемых вопросах, что объясняется не только субъективными, но и объективными причинами. В частности, опыт осуществления образовательной деятельности показывает, что методические рекомендации, раскрывающие особенности административно-юрисдикционной деятельности участковых уполномоченных полиции по гл. 12 КоАП РФ, не разрабатываются и не внедряются в практическую деятельность органов внутренних дел в связи с отсутствием заявок на их разработку со стороны территориальных органов МВД России. Более того, не предусмотрено изучение указанных вопросов и в рамках повышения квалификации (переподготовки), особенно актуальных для участковых уполномоченных полиции, проходящих службу в сельских поселениях.

Учитывая это, подразделения участковых уполномоченных полиции не проявляют заинтересованности и не выступают инициаторами планирования, а также проведения совместных с подразделениями Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России комплексных оперативно-профилактических операций [12]. Целью подобных мероприятий могли бы быть: снижение криминогенной обстановки, повышение эффективности деятельности по противодействию правонарушениям в сфере безопасности дорожного движения, совершенствование взаимодействия, накопление и обобщение положительного опыта и т.д.

Вторая группа полномочий в исследуемой сфере связана с действиями участковых уполномоченных полиции на месте дорожно-транспортных происшествий. Следует заметить, что раздел XII «Особенности несения службы участковым уполномоченным полиции в сельском поселении» Наставления УУП содержит п. 82.3 и 82.4, которые устанавливают обязанности участкового уполномоченного полиции по прибытии на место ДТП.

Прежде чем перейти к непосредственному анализу указанных групп полномочий, обратим внимание, что в настоящее время деятельность участкового уполномоченного полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения актуальна лишь в сельской местности, как правило, в отдаленных от крупных поселений населенных пунктах, где отсутствуют подразделения ГИБДД. Вместе с тем в условиях реформирования МВД России и связанного с этим процессом значительного сокращения численности сотрудников полиции, в том числе и в подразделениях дорожно-патрульной службы (далее – ДПС), востребованность исследуемых полномочий участковых уполномоченных полиции, безусловно, возрастает.

Полномочия участкового уполномоченного полиции, закрепленные в Наставлении УУП, связаны с действиями при получении информации о ДТП на обслуживаемой территории, причем все первоочередные мероприятия идентичны действиям сотрудников ДПС ГИБДД, установленным административным регламентом МВД России [7]. Отметим, что ранее действовавшая Инструкция [9] очерчивала круг полномочий участковых уполномоченных полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения более детально, на что обращали внимание и другие исследователи [13].

Наставление УУП устанавливает ряд полномочий участковых уполномоченных полиции при получении информации о ДТП и по прибытии на место происшествия.

Они представляют собой алгоритм действий участкового уполномоченного полиции на месте ДТП, в том числе, если в результате происшествия пострадали люди. Включение этих положений в главу «Особенности несения службы участковым уполномоченным полиции в сельском поселении» Наставления УУП, по сути, предоставляет эти полномочия участковым уполномоченным полиции, несущим службу в сельской местности. Между тем очевидно, что и в городе участковый уполномоченный полиции при необходимости может также выполнить часть этих действий, как и любой другой сотрудник полиции, действуя в условиях крайней необходимости, в целях пресечения правонарушения, предотвращения угрозы жизни и здоровью граждан.

Рассмотрим обязанности участкового уполномоченного полиции, установленные Наставлением УУП, более подробно. Итак, по прибытии на место ДТП, в котором пострадали люди, участковый уполномоченный полиции должен обеспечить обозначение и ограждение места ДТП в целях предотвращения наезда на его участников. Обозначение может осуществляться посредством размещения на проезжей части или обочине конусов, ограждающих лент, знаков аварийной остановки на безопасном расстоянии, но не менее 15 метров в населенных пунктах, а вне их пределов – не менее 30 метров от места происшествия. Можно обозначить место происшествия иными подручными средствами, например, включить аварийную сигнализацию на всех остановившихся автомобилях.

При необходимости участковый уполномоченный полиции устанавливает водителей транспортных средств, которые участвовали в ДТП, и других причастных к ДТП лиц. Если транспортное средство не скрылось с места происшествия, то установление личности водителя, как правило, не представляет сложностей. Кроме этого необходимо выявить и опросить свидетелей, которые являлись очевидцами происшедшего, можно выяснить, есть ли в районе ДТП камеры видеонаблюдения и не находится ли место ДТП в ракурсе их съемки. Определив круг участников ДТП, необходимо осуществить у них проверку документов и обеспечить присутствие указанных лиц на месте происшествия до прибытия на место наряда ДПС, а при невозможности этого – до окончания всех необходимых действий, осуществляемых самостоятельно на месте ДТП.

В целях установления истинной картины происшедшего необходимо выявить свидетелей ДТП и зафиксировать их данные. Полагаем, что свидетелями могут оказаться жильцы близлежащих домов, работники учреждений, расположенных в пределах непосредственной видимости места происшествия. При поиске свидетелей необходимо обратить внимание на наличие в автомобилях участников или очевидцев устройств, предназначенных для видео- и аудиофиксации обстановки вокруг автомобиля при его движении или стоянке, а также и внутри салона (видеорегистраторов). Целесообразно проверить наличие на расположенных рядом зданиях камер видеонаблюдения, так как их записи могут помочь восстановить реальную картину происшествия.

Как известно, на восприятие свидетелем обстоятельств ДТП существенное влияние оказывают и такие объективные факторы, как удаление от места наезда, условия освещенности, скоротечность ДТП. Важную роль в формировании показаний свидетеля играют и субъективные факторы, определяемые состоянием здоровья свидетеля (дефекты зрения, слуха), профессиональными навыками, возрастом и т.д. [2].

Исследователи выделяют три группы типичных свидетелей ДТП, рассмотрим классификацию, предложенную П.М. Зуевым [4].

Свидетели первой группы сохраняют «нейтральное» отношение и к водителю, и к потерпевшему. В основе такой позиции лежит уверенность в том, что компетентные должностные лица сами правильно оценят ситуацию и примут справедливое решение. Такие свидетели охотно дают показания и отвечают на уточняющие вопросы.

Свидетели второй группы преувеличивают роль и значение действий водителя по предотвращению вредных последствий, считая возникновение ДТП результатом противоправных действий потерпевшего. Подчеркивая своевременность принятых водите-

лем мер, они часто указывают на такие детали ДТП, о которых не могли знать. Нередко источником их осведомленности является рассказ водителя об обстоятельствах случившегося.

Свидетели третьей группы связывают причину ДТП только с действиями водителя. Они излишне подробно объясняют осторожность и осмотрительность потерпевшего, драматизируя некоторые обстоятельства. Такие ситуации особенно характерны при наезде на пешеходов.

Особого внимания и такта требуют свидетели (очевидцы), не имеющие возможности оставаться на месте ДТП продолжительное время, их опрос и установление анкетных данных рекомендуется производить в первую очередь. Участковый уполномоченный полиции на месте происшествия обязан действовать решительно, спокойно и уверенно, не допускать суетливости, окриков и других действий, которые могут вызвать обострение взаимоотношений с гражданами.

Кроме определения свидетелей необходимо принимать меры по сохранности вещественных доказательств, следов, имущества и других предметов, имеющих отношение к ДТП. Пункт 2 ч. 1 ст. 12 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [10] обязывает участковых уполномоченных полиции «... документировать обстоятельства совершения преступления, административного правонарушения, обстоятельства происшествия, обеспечивать сохранность следов преступления, административного правонарушения, происшествия».

Рассмотрим общие особенности осмотра места ДТП и сохранения следов. **Особенность первая** – умение правильно определить границы поиска следов происшествия. Поиск включает своевременное обнаружение следов, которые могут быть оставлены за пределами места происшествия, на придорожных объектах. Их обнаружение обычно затруднено, но они могут указывать на то, что происходило при происшествии. Так, оставленный след на бордюре может указывать на то, что водитель полностью или частично потерял управление намного раньше, чем произошло ДТП, был вызван попыткой водителя выйти из аварийной ситуации. Кроме того, обнаруженные следы, другие вещественные доказательства могут быть сопоставлены с повреждениями транспортных средств и служить установлению объективных причин ДТП и выявлению виновных лиц.

Сбор вещественных доказательств предполагает правильную упаковку и хранение добытых при поиске вещественных доказательств с тем, чтобы они не утратили своего значения во времени. Фиксация следов и вещественных доказательств заключается в правильности привязки, фотосъемке, последовательности описания в рапорте или протоколе осмотра (обнаружения) их нахождения на месте происшествия. Кроме того, целесообразно зафиксировать наличие сопутствующих дорожных условий (гололед, температура воздуха, состояние дорожного покрытия и т.д.).

Особенность вторая – технические познания, т.е. участковый уполномоченный полиции должен иметь элементарные понятия о моделях автомобилей, их техническом состоянии, о неисправностях и влиянии их на безопасность движения и т.д.

Третья особенность – это знание и правильное применение к конкретному ДТП Правил дорожного движения. Правила дорожного движения как подзаконный акт помогают установить взаимосвязь между нарушениями и наступлением тех или иных вредных последствий. Кроме перечисленного следует принимать во внимание, что участники ДТП, заинтересованные в благоприятном для них исходе дела, могут умышленно уничтожить следы ДТП, которые свидетельствуют не в их пользу [14]. Конечно, здесь идет речь о тех случаях, когда участковый уполномоченный полиции вынужден проводить данные действия самостоятельно по объективным причинам.

Наставление УУП обязывает также выяснять вероятное направление движения транспортного средства, скрывшегося с места ДТП, устанавливая марку, тип, государственный регистрационный знак, цвет, особые приметы транспортного средства и све-

дения о водителе и владельце. Розыск водителя и транспортного средства, скрывшихся с места ДТП, необходимо начинать немедленно после получения сведений о приметах искомых объектов. С этой целью необходимо сообщить установленные данные дежурному территориального органа МВД России, который сообщит их в подразделения ГИБДД, ППС полиции, вневедомственной охраны полиции и другие службы органа внутренних дел.

Все полученные при осмотре места ДТП и опросе свидетелей сведения необходимо немедленно докладывать оперативному дежурному и в дальнейшем действовать в соответствии с его указаниями. Участковый уполномоченный полиции фиксирует в присутствии двух понятых и участников ДТП расположение транспортных средств, следов ДТП и других предметов, имеющих отношение к нему, после чего принимает меры к удалению поврежденных транспортных средств с проезжей части и возобновлению движения либо организует движение транспорта в объезд места ДТП и проведение аварийно-спасательных работ. При прибытии на место ДТП, в котором пострадали люди, участковый уполномоченный полиции до прибытия следственно-оперативной группы (далее – СОГ) осуществляет действия в соответствии с алгоритмом, закрепленным в Наставлении УУП.

Во-первых, ему необходимо установить число пострадавших и тяжесть их состояния. Во-вторых, вызвать выездную бригаду «Скорой медицинской помощи» и до ее прибытия оказать пострадавшим первую помощь. Пункт 3 ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О полиции» обязывает «оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует».

Первая помощь оказывается гражданам при несчастных случаях, травмах, отравлениях и других состояниях и заболеваниях, угрожающих их жизни и здоровью, лицами, обязанными это делать в соответствии с федеральным законом или со специальным правилом и имеющими соответствующую подготовку. К таким лицам законодатель относит сотрудников органов внутренних дел, МЧС, военнослужащих и работников Государственной противопожарной службы, спасателей аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб [6]. Приказом Минздравсоцразвития России от 4 мая 2012 г. № 477н «Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи» [8] определены состояния, при которых оказывается помощь, к ним относятся: отсутствие сознания; остановка дыхания и кровообращения; наружные кровотечения; инородные тела верхних дыхательных путей; травмы различных областей тела; ожоги, эффекты воздействия высоких температур, теплового излучения и некоторые другие.

Также определяется перечень мероприятий, которые должен проводить сотрудник полиции, в частности, оценка обстановки и обеспечение безопасных условий для оказания первой помощи (определение угрожающих факторов для собственной жизни и здоровья, для жизни и здоровья пострадавшего, устранение или прекращение действия угрожающих факторов для жизни и здоровья, извлечение пострадавшего из транспортного средства, перемещение пострадавшего); вызов «Скорой медицинской помощи», других специальных служб; определение наличия сознания у пострадавшего; мероприятия по подробному осмотру пострадавшего в целях выявления признаков травм и других состояний, угрожающих его жизни и здоровью, и по оказанию первой помощи в случае выявления указанных состояний; придание пострадавшему оптимального положения тела; передача пострадавшего бригаде «Скорой медицинской помощи», другим специальным службам. Такой должна быть последовательность действий при оказании первой помощи участковым уполномоченным полиции.

В случае, если по каким-либо причинам прибытие медицинской помощи на место ДТП невозможно, то, учитывая состояние пострадавших, необходимо организовать их доставку в ближайшую медицинскую организацию. При этом следует выяснить фамилии, имена, отчества, места жительства и работы пострадавших, номера их телефонов. По прибытии на место ДТП СОГ участковый уполномоченный полиции докладывает ее руководителю сведения о причастных к ДТП лицах и свидетелях, сообщает о местонахождении вещественных доказательств, передает документы участников ДТП и действует в дальнейшем по его указаниям.

Таким образом, анализ отдельных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод о том, что участковый уполномоченный полиции, принимая участие в обеспечении безопасности дорожного движения, реализует основные направления деятельности полиции на обслуживаемом административном участке. В настоящее время указанные направления деятельности участковый уполномоченный полиции реализует исключительно в сельской местности.

Литература

1. Анисимов А.Д. Об участии службы участковых инспекторов полиции в обеспечении безопасности дорожного движения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 11.
2. Владимиров С.В. К вопросу о типизации свидетелей дорожно-транспортного происшествия // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1.
3. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 (п. 5.5) // Российская газета. 2013. 27 марта.
4. Зуев П.М. Методика расследования дорожно-транспортных происшествий: учеб. пособие. М., 1990.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
7. Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации исполнения государственной функции по контролю и надзору за соблюдением участниками дорожного движения требований в области обеспечения безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 2 марта 2009 г. № 185. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи: приказ Минздравсоцразвития России от 4 мая 2012 г. № 477н // Российская газета. 2012. 23 мая.
9. О мерах по совершенствованию деятельности участковых уполномоченных милиции: приказ МВД России от 16 сентября 2002 г. № 900. Документ утратил силу. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.
11. О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию: приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
12. О совершенствовании организации проведения комплексных оперативно-профилактических операций в системе МВД России: приказ МВД России от 13 августа 2002 г. № 772 (в ред. от 24.12.2015). Документ официально опубликован не был.
13. Петров В.А. К вопросу о полномочиях участкового уполномоченного полиции при выявлении административных правонарушений в области дорожного движения // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: мат-лы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. памяти д-ра юрид. наук профессора, засл. деятеля науки РФ В.Д. Сорокина: в 2 ч. СПб., 2013. Ч. 2.
14. Петроченко В.В., Устинов П.В. К вопросу о действиях участковых уполномоченных полиции, обслуживающих административные участки в сельских поселениях, на месте дорожно-транспортного происшествия // Вестник ВИПК МВД России. 2015. № 1 (33).

УДК 342.924

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА И ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Надежда Михайловна Тюкалова, начальник кафедры кандидат юридических наук, доцент;

Татьяна Андреевна Карпенко, преподаватель кандидат юридических наук (Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: tatyanka.2708@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению особенностей административной ответственности за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий. Проводится сравнительный анализ понятий «общественный порядок» и «общественная безопасность».

Ключевые слова: общественный порядок; общественная безопасность; массовые мероприятия; административная ответственность.

GENERAL CHARACTERISTICS OF INSTITUTION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF PUBLIC ORDER AND PUBLIC SECURITY DURING MASS EVENTS

Nadezhda Michailovna Tyukalova, chair head *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor;

Tatyana Andreevna Karpenko, lecturer *Kandidat nauk* degree in Law (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article is devoted to peculiarities of administrative responsibility for violation of public order and public security during mass events. A comparative analysis of the concepts of «public order» and «public safety».

Keywords: public order; public safety; public activities; administrative responsibility.

На сегодняшний день среди ученых дискутируется множество вопросов, касающихся как института ответственности в целом, так и института административной ответственности, в частности, по которым они так и не пришли к единому мнению [5, с. 216; 25, с. 185].

Поэтому в целях более глубокого понимания данных категорий целесообразно проследить логическую взаимосвязь понятий «ответственность», «социальная ответственность», «юридическая ответственность».

Так, в «Толковом словаре русского языка» ответственность трактуется как «необходимость, обязанность отдавать кому-нибудь отчет в своих действиях, поступках» [24, с. 468].

Приведенная формулировка является более широкой по сравнению с категорией «социальная ответственность», содержание которой заключается в диалектической взаимосвязи между личностью и обществом, характеризующейся взаимными правами и обязанностями по соблюдению предписаний социальных норм, их выполнению, влекущему одобрение, поощрение, а в случае безответственного поведения – негативные последствия [31, с. 13].

Следовательно, в основу определения социальной ответственности заложена необходимость соблюдения социальных норм, а также неодобрение за их несоблюдение.

В свою очередь, юридическая ответственность является видом социальной ответственности и обладает всеми присущими ей признаками. Тем не менее, на сегодняшний день отсутствует однозначный подход к содержанию юридической ответственности, которая часто рассматривается лишь как невыполнение обязанностей, предусмотренных правовыми нормами.

Кроме того, среди ученых сложилось представление о юридической ответственности как о форме государственного принуждения [2, с. 543; 19, с. 417], о наказании [34, с. 136; 18, с. 131], применении санкций как последствий несоблюдения нормы [32, с. 242], о состоянии принуждения к правовому поведению, неблагоприятных последствиях для правонарушителя [20, с. 447].

Предложенные определения отражают одну из сторон юридической ответственности – ретроспективную, которая напрямую связана с противоправным поведением и применением мер административной ответственности за правонарушение.

В юридической литературе рассматривается также позитивная юридическая ответственность, суть которой заключается в осознании отношения субъекта к своим обязанностям. Несмотря на критику в теории права относительно позитивной юридической ответственности [12, с. 9], она все же получила свое развитие в трудах отечественных ученых-юристов [28, с. 73; 33, с. 10; 9, с. 114]. Кроме того, позитивный аспект юридической ответственности соответствует всем правовым нормам, независимо от их отраслевой принадлежности [27, с. 27].

Юридическая ответственность имеет несколько видов: уголовную, административную, гражданско-правовую, дисциплинарную и материальную [1, с. 359], некоторые авторы выделяют также конституционно-правовую ответственность [8, с. 14].

В этом перечне нас интересует административная ответственность, понятие которой до сих пор вызывает научные дискуссии и однозначно не определено учеными-административистами [13, с. 18; 7, с. 16; 10, с. 20].

Наиболее традиционно понятие административной ответственности трактуется как особый вид юридической ответственности, которая является составной частью административного принуждения и обладает всеми его качествами [3, с. 477].

Не вызывает сомнений указание на то, что административная ответственность является частью административного принуждения, вместе с тем остается нераскрытой содержательная сторона административной ответственности, различные аспекты которой присутствуют в иных ее характеристиках. Их суть сводится:

- к применению наказания за административные правонарушения для того, чтобы оказать воспитательное воздействие на нарушителя и других лиц [23, с. 18];
- к совокупности материальных и процессуальных правоотношений [17, с. 339];
- к особому виду публично-правовой ответственности, которая обладает специфическими признаками, отличающими ее от других видов административной ответственности: административная ответственность устанавливается и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, и законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях [29, с. 70];
- к виду государственного принуждения, которое реализуется в процессуальной форме и отражает специфическое правовое состояние лица, при котором оно претерпевает неблагоприятные последствия личного, морального, имущественного или организационного характера в результате государственного осуждения совершенного им административного правонарушения [30, с. 75].

Представляется необходимым рассмотреть указанные формулировки административной ответственности в совокупности, что позволит сформировать понимание административной ответственности как целостного института. Кроме того, данные характе-

ристики концентрируют внимание лишь на наказании, однако, как было обозначено ранее, административная ответственность является видом юридической ответственности и должна включать в себя присущие ей характеристики, в частности и позитивный аспект ответственности.

Между тем множество дискуссионных вопросов связано не только с общими признаками административной ответственности, но и с их проекцией на административную ответственность в различных сферах.

Например, административной ответственности за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий также присущи общие характеристики административной ответственности в целом, поэтому остановимся более подробно на рассмотрении ее позитивного и ретроспективного аспектов.

Так, позитивный аспект связан с исполнением обязанности по соблюдению предписаний соответствующих правовых норм. В данном контексте необходимо отметить значимость того, как норма права воспринимается в обществе. Например, статья 20.2 КоАП РФ предписывает административную ответственность за нарушение установленного порядка организации и проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования. Обращение к статистическим данным позволяет заключить, что количество выявленных органами внутренних дел административных правонарушений по ст. 20.2 КоАП РФ на территории Российской Федерации в 2010 г. по сравнению с 2009 г. возросло на 28%, в 2011 г. по сравнению с 2010 г. – на 38%. Из приведенных сведений следует, что в 2009-2011 гг. в ходе организации и проведения массовых мероприятий позитивный аспект административной ответственности (соблюдение норм права) проявлялся в меньшей степени, чем ретроспективный (применение мер административной ответственности). Сложившаяся ситуация привела к тому, что в 2012 г. были внесены изменения в ст. 20.2 КоАП РФ, связанные с расширением перечня административных наказаний и установлением более высоких санкций по данному составу. Ввиду этого количество выявленных органами внутренних дел административных правонарушений по ст. 20.2 КоАП РФ на территории Российской Федерации в 2012 г. по сравнению с 2011 г. уменьшилось на 26%, в 2013 г. по сравнению с 2012 г. – на 56%, однако в 2014 г. по сравнению с 2013 г. возросло на 9% и в 2015 г. продолжало расти.

Указанный пример является подтверждением того, что, когда позитивный аспект административной ответственности проявляется в меньшей степени, чем ретроспективный, механизм регулирования общественных отношений не совершенен. Следовательно, существует необходимость урегулировать позитивную и ретроспективную административную ответственность, в данном случае путем ужесточения административных санкций. Между тем нерациональные запреты негативным образом отражаются на позитивной административной ответственности в связи с тем, что пределы ужесточения административных санкций не определены.

Ретроспективный аспект административной ответственности в рассматриваемой сфере выражен в правовой реакции государства на нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий.

Чтобы сформировать более полное представление об административной ответственности за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, необходимо также рассмотреть термины «общественный порядок» и «общественная безопасность», поскольку научное и законодательное определение понятия «общественный порядок» и его соотношение с такой категорией, как «общественная безопасность», вызывают некоторые трудности.

Согласно «Толковому словарю русского языка», порядок означает правильное, налаженное состояние [24, с. 566], а безопасность – состояние, при котором не угрожает опасность. Следовательно, данные термины взаимообусловлены, поскольку правильное, налаженное состояние возможно только при отсутствии опасностей, в свою

очередь, нейтрализация опасностей напрямую зависит от поддержания правильного, налаженного состояния. Таким образом, порядок и безопасность являются отдельными понятиями, каждое из которых обладает самостоятельным содержанием.

В настоящее время имеется достаточное количество теоретических исследований, в которых различным образом раскрывается содержание понятия «общественная безопасность» [14, с. 38; 4, с. 34]. Кроме того, категория «общественная безопасность» упоминается в Конституции РФ, УК РФ, КоАП РФ, Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и других нормативных правовых актах Российской Федерации.

Так, согласно Концепции общественной безопасности в Российской Федерации [17], общественная безопасность является частью национальной безопасности Российской Федерации и определяется как состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Также в Концепции определены основные источники угроз общественной безопасности, нейтрализация которых и приводит к состоянию, при котором не угрожает опасность. В свою очередь, поддержание общественного порядка связано, например, с законодательным урегулированием тех или иных общественных отношений. Так, поддержание общественного порядка при проведении массовых мероприятий зависит от соблюдения организатором данного мероприятия определенных правил, прописанных в Федеральном законе от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях».

В связи с этим представляется ошибочным мнение, согласно которому понятие «общественная безопасность» включает в свое содержание «общественный порядок» [11, с. 13]. Это еще раз подтверждается при обращении к названию гл. 20 КоАП РФ, исходя из которого общественный порядок и общественная безопасность являются самостоятельными понятиями.

Между тем в действующем законодательстве об административной ответственности не проводится разграничения административных правонарушений, посягающих на общественную безопасность, и административных правонарушений, посягающих на общественный порядок, в том числе при проведении массовых мероприятий.

Термин «общественный порядок» также встречается как в законодательстве Российской Федерации [21; 22], так и в юридической литературе.

На основе анализа точек зрения ученых можно выделить ряд общих признаков понятия «общественный порядок», рассмотрение которых необходимо для понимания сущности такого явления, как общественный порядок при проведении массовых мероприятий:

1. Системность упорядоченных общественных отношений, возникающих между людьми [26, с. 4]. Например, систему упорядоченных общественных отношений в сфере охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий образуют правила поведения зрителей при проведении официальных спортивных мероприятий и т.д.

2. Урегулированность нормами права и т.д. [6, с. 27]. Так, общественный порядок при проведении массовых мероприятий регламентируется нормами административного права как федерального, так и регионального уровня.

3. Общественные отношения реализуются в общественных местах [15, с. 4]. Законодатель не разъясняет, что следует понимать под «общественным местом», при этом в нормативных правовых актах данный термин употребляется достаточно часто (например, в ст. 20.1, 20.20, 20.21 КоАП РФ).

Отметим, что понятия «общественный порядок», «общественное место» хотя и встречаются в законодательстве Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, но не получили должного закрепления на законодательном уровне. В связи с этим существует необходимость принятия нормативного правового акта, призванного

урегулировать общественные отношения в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности, в котором будет раскрыто содержание понятий «общественный порядок» и «общественное место», а также понятие «общественный порядок при проведении массовых мероприятий».

Таким образом, совокупность норм права, устанавливающих меры административной ответственности за нарушение общественного порядка и общественной безопасности при проведении массовых мероприятий, составы данных административных правонарушений, порядок применения указанных мер административной ответственности составляют самостоятельный правовой институт. При этом урегулирование позитивной и ретроспективной административной ответственности в исследуемой сфере осуществляется путем ужесточения административных санкций. Однако ключевые для рассматриваемого института административной ответственности понятия «общественный порядок», «общественный порядок при проведении массовых мероприятий», «общественное место» не получили должного закрепления на законодательном уровне.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория государства и права: учебник. М., 1998.
2. Бабаев В.К. Теория государства и права: учебник. М., 2007.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. М., 2000.
4. Босхамджиева Н.А. Общественная безопасность как объект административно-правового обеспечения // Административное право и процесс. 2012. № 11.
5. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
6. Веремеенко И.И. Сущность и понятие общественного порядка // Советское государство и право. 1982. № 3.
7. Вова К.П. Административная ответственность за правонарушения в области дорожного движения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011.
8. Гаджиев Г.А. Конституционные основы юридической ответственности и конституционно-правовая ответственность // Журнал российского права. 2014. № 1 (205).
9. Герасимова Н.Р., Усманова Е.Ф. Юридическая ответственность: теоретико-правовой анализ // Законность и правопорядок в современном обществе. Новосибирск, 2010. Ч. 2.
10. Головкин В.В. Административно-юрисдикционная деятельность органов внутренних дел в области дорожного движения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
11. Готовцев А. В. Организационно-правовые вопросы взаимодействия милиции и внутренних войск в охране общественного порядка: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
12. Григорян Г.М. Юридическая ответственность – ответственность за правонарушение // Вопросы судебной реформы: право, экономика, управление. 2009. № 1.
13. Деменкова Н.Г. Теоретические предпосылки выделения административной ответственности как самостоятельного вида юридической ответственности // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 7.
14. Дерюга А.Н., Тюкалова Н.М., Разгуляев В.Н. Административная деликтология. Хабаровск, 2008.
15. Еропкин М.И. Сущность и содержание общественного порядка // Проблемы теории и практики административной ответственности. М., 1983.
16. Козлов Ю.М., Попов Л.Л. Административное право: учебник. М., 2000.
17. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: указ Президента РФ от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. URL: <http://www.consultant.ru/>
18. Малеин Н.С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. М., 1985.
19. Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. пособие. М., 2007.
20. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. Саратов, 1995.
21. Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 1536.
22. О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 51. Ст. 5712.
23. Овсянко Д.М. Административная ответственность: учеб. пособие. М., 2004.
24. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2002.

25. Родионова Е.В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
26. Серегин А.В. Советский общественный порядок и административно-правовые средства его укрепления: учеб. пособие. М., 1975.
27. Серков П.П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
28. Строгович М.С. Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5.
29. Сунцова Е.А. Нетрадиционные виды юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
30. Тимошенко И.В. Понятие административной ответственности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2.
31. Хачатуров Р.Л., Лапинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб., 2007.
32. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебник. М., 1993.
33. Чирков А.П. Ответственность в системе права: учеб. пособие. Калининград, 1996.
34. Явич Л.С. Право и социализм. М., 1982.

УДК 342.9

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ И АВИАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Елена Николаевна Лихолет, начальник кафедры Дальневосточного юридического института МВД России кандидат юридических наук, доцент

E-mail: elenaliholet@mail.ru

В статье рассматриваются существующие в настоящее время проблемы федерального и ведомственного законодательства, недостатки в системном подходе к вопросам обеспечения транспортной и авиационной безопасности в Российской Федерации. Автор приходит к выводу о том, что четкое определение терминологического аппарата в указанной сфере, а также реализация мер по обеспечению транспортной и авиационной безопасности в Российской Федерации позволят существенно повысить защищенность объектов гражданской авиации и создать условия, при которых последние станут непривлекательными для совершения террористических актов и иных актов незаконного вмешательства.

Ключевые слова: транспортная безопасность; авиационная безопасность; безопасность полетов; акт незаконного вмешательства.

PROVISION OF TRANSPORT AND AVIATION SECURITY PROBLEMS: ADMINISTRATIVE LEGAL REGULATION

Elena Nikolaevna Likholet, chair head of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia *Kandidat nauk* degree in Law, associate professor

The article deals with the currently existing problems of federal and departmental legislation, deficiencies in the systematic approach to the provision of transport and security in the Russian Federation. The author concludes that a clear definition, division terminological apparatus in this area, as well as the implementation of measures to ensure the transport and security in the Russian Federation, will significantly increase the security of civil aviation facilities and to establish conditions under which the latter will not interesting for terrorist acts and other acts of unlawful interference.

Keywords: transport security; aviation security; flight safety; act of unlawful interference.

Интенсификация транспортной отрасли, эволюционное развитие транспортных систем ставят новые задачи в вопросах транспортной безопасности. Чем более сложные системы создаются человеком, увеличиваются скорости передвижения, пассажиро- и грузопотоки, тем более сложные проблемы приходится решать в области обеспечения транспортной безопасности.

Кратко остановимся на тех направлениях, которые являются приоритетными на сегодняшний день в сфере транспортной безопасности. Прежде всего следует обратить внимание на вопросы защиты всех видов транспорта от актов незаконного вмешательства, под которыми в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [11] следует понимать «противоправные действия (бездействие), угрожающие безопасной деятельности транспортного комплекса, повлекшие за собой причинение вреда жизни и здоровью людей, материальный ущерб либо создавшие угрозу наступления таких последствий». Частным случаем такого акта закон называет террористический акт.

Следует отметить, что предложенное законодателем определение не является принципиально новым и в основном повторяет признаки незаконного вмешательства, ранее названные в ч. 3 ст. 83 Воздушного кодекса РФ [1], с той лишь разницей, что теперь они сформулированы для всех видов транспорта.

Понятие «акт незаконного вмешательства» является основополагающим, вокруг которого законодателем формируется комплекс мер правового характера, направленных на обеспечение транспортной безопасности. В связи с этим представляется, что оно нуждается в более подробном исследовании в целях определения правовой природы и особенностей правового регулирования ситуаций, охватываемых данным понятием.

Очевидно, что акт незаконного вмешательства является юридическим фактом, поскольку влечет за собой определенные правовые последствия. Последствиями акта незаконного вмешательства являются, как правило, меры юридической ответственности, поэтому данный юридический факт следует отнести к числу правонарушений, то есть в соответствии с положениями общей теории права к противоправным, виновным и наказуемым действиям (бездействию).

Виды правонарушений, являющихся по своей природе актами незаконного вмешательства, различаются по своей отраслевой принадлежности и могут быть преступлениями, административными и гражданскими правонарушениями.

Административным правонарушением признается противоправное виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях или законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность (ст. 2.1 КоАП РФ).

Так, глава 11 КоАП РФ содержит ряд административных правонарушений, совершаемых на транспорте, отдельные статьи которой, в той или иной степени, отражают признаки незаконного вмешательства в безопасное функционирование объектов транспортной инфраструктуры.

Например, часть 1 ст. 11.1 КоАП РФ предусматривает административную ответственность за повреждение железнодорожного пути, сооружений и устройств сигнализации или связи либо другого транспортного оборудования, сбрасывание на железнодорожные пути или оставление на них предметов, которые могут вызывать нарушение движения поездов.

В свою очередь, статьи 11.3, 11.3.1, 11.4, 11.5 и 11.15.1 КоАП РФ предусматривают административную ответственность за действия, угрожающие безопасности движения на воздушном транспорте.

В качестве примера можно привести факт привлечения к административной ответственности гражданина С., который в январе 2014 г. незаконно проник на охраняе-

мую территорию аэропорта г. Якутска и поднялся на борт воздушного судна, где был задержан сотрудниками полиции и службы авиационной безопасности аэропорта.

Несмотря на то, что его действия не повлекли причинение вреда жизни, здоровью людей или материальный ущерб, они создали потенциальную угрозу наступления таких последствий, а также нарушили установленный режим безопасной деятельности служб аэропорта и эксплуатации воздушного судна.

Кроме того, ряд статей гл. 12 КоАП РФ «Административные правонарушения в области дорожного движения» содержат признаки незаконного вмешательства в работу транспорта, например, статья 12.10 КоАП РФ «Нарушение правил движения через железнодорожные пути», статья 12.33 КоАП РФ «Повреждение дорог, железнодорожных переездов или других дорожных сооружений» и др.

Основополагающим документом в Российской Федерации в указанной сфере является Федеральный закон от 9 февраля 2007 г. «О транспортной безопасности», который определил целью обеспечения транспортной безопасности «устойчивое и безопасное функционирование транспортного комплекса, защиту интересов личности, общества и государства в сфере транспортного комплекса от актов незаконного вмешательства».

Для реализации предусмотренной законом системы мер противодействия актам незаконного вмешательства в работу транспорта Министерством транспорта РФ (далее - Минтранс России) совместно с ФСБ РФ и МВД РФ издан приказ от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 «Об утверждении перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств» [7]; действуют Государственная программа Российской Федерации «Развитие транспортной системы» [3] и Комплексная программа обеспечения безопасности населения на транспорте [6].

Кроме того, Минтранс России совместно с подведомственными агентствами большое внимание уделяет вопросам оказания государственных услуг в области обеспечения транспортной безопасности, государственного контроля и надзора в указанной сфере.

Начиная с 2012 г. реализуется комплекс организационных, нормативно-правовых, финансово-экономических и инженерно-технических мероприятий, направленных на оснащение наиболее уязвимых транспортных объектов специализированными техническими средствами и устройствами, обеспечивающими их защищенность от актов незаконного вмешательства.

В целях координации мероприятий по созданию Единой комплексной системы контроля передвижения транспортных средств по территории Российской Федерации [8] создана межведомственная рабочая группа из представителей МВД России, ФСБ России, ФСО РФ, подписано соглашение между указанными ведомствами об оперативном, информационном и техническом взаимодействии при использовании аппаратно-программных комплексов идентификации транспортных средств, согласована и утверждена дислокация зон контроля указанных комплексов.

Следующим приоритетным направлением в сфере транспортной безопасности Российской Федерации является обеспечение авиационной безопасности и безопасности полетов.

Очевидно, что безопасность полетов и авиационная безопасность играют первостепенную роль в развитии и безопасном функционировании международного воздушного транспорта. Государства-участники принимают на себя основную ответственность за обеспечение нормативного контроля в сфере безопасности полетов и авиационной безопасности независимо от каких-либо изменений в системе экономического регулирования; осуществляют сотрудничество по вопросам контроля за обеспечением безопасности полетов и авиационной безопасности во всем мире в соответствии с их обязательствами по Чикагской конвенции от 7 декабря 1944 г. «О международной гражд-

данской авиации» [9]. Любопытен тот факт, что данная Конвенция вступила в законную силу для СССР лишь 14 ноября 1970 г.

В приложении 17 Конвенции дано определение безопасности гражданской авиации как комплекса мер, а также материальных и человеческих ресурсов, предназначенных для защиты гражданской авиации от актов незаконного вмешательства.

В развитие данного термина Воздушный кодекс РФ дает определение авиационной безопасности как «состояния защищенности авиации от незаконного вмешательства в деятельность в области авиации, которая обеспечивается службами авиационной безопасности аэродромов или аэропортов, подразделениями ведомственной охраны федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области транспорта, а также органами внутренних дел, службами авиационной безопасности эксплуатантов (авиационных предприятий), а также уполномоченными органами, наделенными этим правом федеральными законами».

В свою очередь, в Руководстве по организации безопасности полетов (далее – Руководство), подготовленном ИКАО (Международной организацией гражданской авиации) [13], определено, что для понимания сути управления безопасностью полетов необходимо уточнить, что подразумевается под термином «безопасность»: в зависимости от рассматриваемого аспекта концепция авиационной безопасности может иметь различные интерпретации, такие как:

- нулевой уровень авиационных происшествий (или серьезных инцидентов) – точка зрения, широко распространенная среди пассажиров;
- отсутствие опасности или риска, то есть факторов, которые причиняют или могут причинить ущерб;
- отношение сотрудников к небезопасным действиям и условиям (отражает «безопасную» корпоративную культуру);
- степень, до которой присущий авиации риск является «приемлемым»;
- процесс выявления источников опасности и контроля факторов риска;
- недопущение потерь в результате авиапроисшествий (человеческих жертвы, а также нанесение ущерба имуществу и окружающей среде).

Таким образом, Руководство определяет авиационную безопасность как состояние, при котором риск причинения вреда лицам или нанесения ущерба имуществу снижен до приемлемого уровня и поддерживается на этом либо более низком уровне посредством непрерывного процесса выявления источников опасности и контроля факторов риска.

Исходя из содержания данных определений, очевидны существенные отличия подходов к трактовке и формулированию данного термина.

Обращаясь к результатам сравнительного анализа подходов к определению термина «безопасность полетов», следует отметить, что первое упоминание о нем в отечественном ведомственном законодательстве можно встретить в Наставлении по производству полетов в гражданской авиации СССР (НПГА-85), утвержденном приказом Министерства гражданской авиации СССР от 8 апреля 1985 г. № 77 [4]. Наставление определяет безопасность полетов как комплексную характеристику воздушного транспорта и авиационных работ, определяющую способность выполнять полеты без угрозы для жизни и здоровья людей.

Федеральные авиационные правила «Производство полетов в гражданской авиации Российской Федерации» [5], утвержденные приказом Минтранса РФ от 12 апреля 2005 г. № 204, определяют безопасность полетов как «состояние системы гражданской авиации, при котором отсутствует недопустимый риск, связанный с причинением вреда жизни или здоровью граждан, имуществу физических или юридических лиц, государственному или муниципальному имуществу, окружающей среде, жизни или здоровью животных и растений».

В то же время на официальном сайте Минтранса РФ дано иное определение: «Безопасность полетов – это состояние авиационной транспортной системы, под которой понимается многоуровневая система безопасности, в которую включены все направления деятельности: выполнение полетов, управление производством, поддержание летной годности, работы в пассажирской кабине, наземное обслуживание и защита от актов незаконного вмешательства».

На наш взгляд, последнее определение является наиболее удачным с содержательной точки зрения, отличается комплексным подходом к исследуемому явлению, подтверждает верное суждение И.Г. Кокорева о том, что определения «авиационная безопасность» и «безопасность полетов» во многом взаимообусловлены и взаимно проникают друг в друга [2].

В связи с вышеизложенным, особенно важным представляется четко определить терминологический аппарат в указанной сфере, т.к. только определенность смыслового значения употребляемых терминов позволяет избежать неясности и ошибок в правоприменительной практике, способствует налаживанию более четкого взаимодействия органов, служб и подразделений, ответственных за обеспечение авиационной безопасности и безопасности полетов в Российской Федерации.

Возвращаясь к комплексному исследованию обеспечения авиационной безопасности и безопасности полетов как к одному из приоритетных направлений в сфере транспортной безопасности Российской Федерации, следует отметить, что в Основах государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 г. определено, что «транспортная и авиационная безопасность остается одним из основных и приоритетных направлений деятельности нашего государства». В Основах отмечается, что «необходимость предотвращения угроз террористического характера в отношении воздушных судов и объектов авиационной инфраструктуры» является составной частью государственных интересов Российской Федерации в области авиационной деятельности» [10].

Кроме того, Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе рабочей встречи с директором Федерального агентства воздушного транспорта РФ (далее – Росавиация) А.В. Нерадько, состоявшейся 3 ноября 2015 г., потребовал «уделять первостепенное внимание безопасности на воздушном транспорте». Данное требование является особенно актуальным в связи с последними авиационными происшествиями с воздушными судами «Ми-2» Вологодского авиационного предприятия, «Boeing 777» авиакомпании «Malaysia Airlines», «Airbus A320» авиакомпании «Indonesia AirAsia», «Airbus A321» авиакомпании «Когалымавиа» (Metrojet), «Boeing 737-800» авиакомпании «FlyDubai» и др.

По данным статистического портала Statista*, Россия занимает 2 место после США в рейтинге стран с наихудшими показателями безопасности полетов в гражданской авиации (временной период: 1945-2015 гг.).

В рейтинге самых безопасных авиакомпаний мира, составленном немецкой компанией J.A.C.D.E.C.**, которая на протяжении 40 лет занимается анализом статистики аварий и поломок авиакомпаний, российские авиакомпании «Transaero» и «Aeroflot» находились на 17 и 39 местах соответственно (по состоянию на 1 января 2015 г.).

Кроме того, анализ состояния авиационной безопасности на объектах гражданской авиации, основанный на результатах инспекционных проверок, осуществленных центральным аппаратом и территориальными органами Росавиации и контроля за соответствием юридических лиц требованиям нормативных правовых актов в указанной сфере, свидетельствует о наличии ряда характерных недостатков и несоответствий сертификационным требованиям, основными из которых являются:

* URL: <http://www.statista.com/stat/e12.htm>

** URL: <http://www.авиа-гид.пф/obzor/ct987/safety.html>

1. Отсутствие сплошного периметрового ограждения объектов.
2. Отсутствие, полностью или частично, патрульных дорог.
3. Отсутствие в ряде аэропортов автоматизированных систем контроля и управления доступом персонала.
4. Низкая оснащенность аэропортов, а также использование ими морально и физически устаревших технических средств досмотра, а в некоторых случаях отсутствие таких средств.
5. Необеспеченность должной охраны периметра силами подразделений ведомственной охраны Минтранса России и вневедомственной охраны МВД России.

По имеющимся данным, 24% аэропортов Российской Федерации не оснащены рентгено-телевизионными интроскопами. В основном это аэропорты регионального значения, местных воздушных линий с малой интенсивностью полетов. Следует отметить, что в большинстве аэропортов используется значительная часть морально и физически устаревших рентгено-телевизионных интроскопов, в основном закупленных в начале 2000-х гг.

Такие средства досмотра не отвечают современным требованиям и снижают вероятность выявления предметов и веществ, запрещенных к перевозке на воздушном транспорте и их проносу в контролируемую зону аэропорта, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на защищенность аэропорта от угроз совершения актов незаконного вмешательства. Стационарными металлоискателями не оснащены 12% аэропортов.

Только в крупных международных аэропортах на территории Российской Федерации зоны досмотра оборудованы современными техническими средствами безопасности, такими как аэрозольные и портативные детекторы для определения взрывчатых веществ, микроволновые и рентгеновские сканеры, системы автоматического обнаружения взрывчатых веществ в багаже.

Недостаточной является оснащенность аэропортов техническими средствами, позволяющими выявлять взрывчатые вещества и опасные жидкости. Так, детекторами паров взрывчатых веществ оснащены лишь 42% аэропортов, а детекторами опасных жидкостей – всего 7% [12, с. 50].

Кроме того, в ряде аэропортов не организованы пункты централизованного наблюдения. Не проводится постоянный мониторинг состояния безопасности в зданиях аэровокзалов и прилегающих к ним территорий, что создает условия для закладки самодельных взрывных устройств под видом «бесхозных» вещей и подготовки иных актов незаконного вмешательства.

При этом необходимо отметить, что возникновение определенной части недостатков, влияющих на состояние защищенности объектов гражданской авиации от актов незаконного вмешательства, не связано с финансовым обеспечением, а обусловлено организационными упущениями и отсутствием должного контроля за собственными решениями руководителей объектов транспортной инфраструктуры.

Особо следует сказать об организации работы сотрудников служб авиационной безопасности. Последние в ходе осуществления предполетного досмотра утрачивают бдительность, не концентрируют внимание на мониторе интроскопа, досматривают багаж пассажиров без должного внимания к его содержимому. В большинстве случаев это происходит вследствие усталости, из-за несоблюдения режима труда и отдыха инспекторов по досмотру. Нарушения такого рода отмечены представителями Росавиации в аэропортах «Домодедово», «Внуково», «Вологда», «Пулково», «Геленджик» и других.

В целях повышения уровня защищенности объектов гражданской авиации от актов незаконного вмешательства и в рамках реализации основных положений Федерального закона «О транспортной безопасности» Росавиацией проводится аккредитация юридических лиц для проведения оценки уязвимости объектов транспортной инфра-

структуры и транспортных средств воздушного транспорта, их категорирование; утверждаются результаты оценки уязвимости объектов гражданской авиации, планы обеспечения транспортной безопасности вышеуказанных объектов.

Анализ результатов оценки уязвимости объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств воздушного транспорта позволяет сделать вывод о несоответствии принимаемых в настоящее время в ряде аэропортов и на отдельных воздушных судах мер по защите от актов незаконного воздействия и требованиям по обеспечению транспортной безопасности.

Предварительный анализ представленных на утверждение в Росавиацию планов обеспечения транспортной безопасности таких аэропортов, как «Новый» (г. Хабаровск), «Домодедово», «Южно-Сахалинск» и других, свидетельствует о низком качестве их разработки. Одним из основных недостатков является то, что в плане не учитываются результаты оценки уязвимости, не предусмотрены мероприятия по замене и дополнительному оснащению аэропортов современной досмотровой техникой, оснащению периметрового ограждения инженерно-техническими системами охраны. Имеют место и другие недостатки, которые находят свое отражение в заключениях об отказе в утверждении плана обеспечения транспортной безопасности.

В связи с этим Росавиацией подготовлены и направлены в Минтранс России предложения о внесении изменений в соответствующие нормативные правовые акты в области транспортной безопасности в части увеличения сроков проведения оценки уязвимости, реализации планов обеспечения транспортной безопасности, изменения требований к аэропортам местных воздушных линий, расположенных в районах Крайнего Севера и Дальнего Востока, путем введения пяти категорий.

Кроме того, необходимо унифицировать законодательство в области обеспечения транспортной и авиационной безопасности с учетом международных требований. Это позволит оптимизировать подходы по защите гражданской авиации от актов незаконного вмешательства.

Наряду с этим, в целях повышения защищенности объектов гражданской авиации от актов незаконного вмешательства, представляется необходимым:

- субъектам транспортной инфраструктуры в полном объеме реализовать мероприятия, определенные планами обеспечения транспортной безопасности;
- развивать кинологические службы на базе аэропортов и авиакомпаний по примеру авиакомпании «Аэрофлот»;
- в полном объеме реализовать мероприятия в рамках Комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте и федеральных целевых программ;
- Росавиации осуществлять постоянный мониторинг состояния транспортной и авиационной безопасности на объектах гражданской авиации по результатам проведения мероприятий инспекционного контроля, контрольных проверок и незамедлительного реагирования руководителей данных объектов на выявленные нарушения;
- продолжить совместно с ФСБ РФ работу по обучению сотрудников служб авиационной безопасности аэропортов Российской Федерации современным способам и методам выявления взрывчатых веществ и устройств.

Таким образом, на наш взгляд, четкое определение терминологического аппарата в указанной сфере, а также реализация вышеуказанных мер по обеспечению транспортной и авиационной безопасности в Российской Федерации позволят существенно повысить защищенность объектов гражданской авиации и создать условия, при которых последние станут непривлекательными для совершения террористических актов и иных актов незаконного вмешательства.

Литература

1. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1997. № 12. Ст. 1383.

2. Кокорев И.Г. О Законе «О транспортной безопасности». URL: <http://www.radnuk.info/statti/228-konst-pravo/3492>.
3. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 319 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (ч. III). Ст. 2165.
4. Об утверждении и введении в действие Наставления по производству полетов в гражданской авиации СССР: приказ Министерства гражданской авиации СССР от 8 апреля 1985 г. № 77. URL: <http://www.ALPPP.ru/prikaz-mga-sssr-ot-08-04-1985--77.html>.
5. Об утверждении и введении в действие федеральных авиационных правил «Производство полетов в гражданской авиации Российской Федерации»: приказ Министерства транспорта РФ от 7 мая 2005 г. № 204. URL: <http://www.mintrans.ru/upload/iblock/a57/federal...07.05.05.doc>.
6. Об утверждении комплексной программы обеспечения безопасности населения на транспорте: распоряжение Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1285-р // Собрание законодательства РФ. 2010. № 32. Ст. 4359.
7. Об утверждении Перечня потенциальных угроз совершения актов незаконного вмешательства в деятельность объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств: приказ Минтранса России, ФСБ России, МВД России от 5 марта 2010 г. № 52/112/134 // Российская газета. 2010. 14 апреля.
8. Об утверждении федеральной целевой программы «Модернизация Единой системы организации воздушного движения Российской Федерации (2009-2020 годы)»: постановление Правительства РФ от 1 сентября 2008 г. № 652 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 37. Ст. 4209.
9. О международной гражданской авиации: Чикагская конвенция от 7 декабря 1944 г. URL: <http://www.6hl.ru/asmap/convMGA.htm>.
10. Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2020 года: указ Президента РФ от 1 апреля 2012 г. № Пр-804. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902344136>.
11. О транспортной безопасности: федеральный закон от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 837.
12. Пиджаков А. Транспортная безопасность: проблемы правового регулирования // Третья научно-практическая конференция по воздушному праву: сб. докладов. СПб, 2013.
13. Руководство по управлению безопасностью полетов ICAO (док. 9859 AN/460) 2006 г. URL: <http://www.1bm.ru/techdocs/kgs/ost/236/info/41752>.

УДК 342.9

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ СРОКОВ РЕГИСТРАЦИИ (ПЕРЕРЕГИСТРАЦИИ) ОРУЖИЯ

Иван Дмитриевич Мотрович, преподаватель кандидат юридических наук;
Надежда Леонидовна Васильева, преподаватель кандидат юридических наук
 (Дальневосточный юридический институт МВД России)

E-mail: midivan@rambler.ru
nadya422@rambler.ru

В статье рассматривается современное состояние реализации административной ответственности за нарушение гражданами сроков регистрации (перерегистрации) оружия, определяются и анализируются проблемы, имеющиеся в этой области, предлагается авторский подход их решения.

Ключевые слова: административная ответственность; длящееся административное правонарушение; оборот оружия; разрешение на хранение и ношение оружия; сроки перерегистрации оружия.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR VIOLATION OF TERMS OF REGISTRATION (RE-REGISTRATION) WEAPONS

Ivan Dmitrievich Motrovich, lecturer *Kandidat nauk* degree in Law;
Nadezhda Leonidovna Vasilyeva, lecturer *Kandidat nauk* degree in Law
 (Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia)

The article discusses the current state of implementation of the administrative responsibility for violation of the citizens of the terms of registration (re-registration) weapons are defined and analyzed the existing problems in this area are invited to the author's approach to solve them.

Keywords: administrative responsibility; lasting administrative offense; arms trafficking; permission to keep and bear arms; terms of re-weapons.

Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» осуществление контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации в области оборота оружия установлено в качестве одного из основных направлений деятельности полиции (п. 8. ч. 1 ст. 2) [13]. Для этого она наделена правом проверять места хранения оружия, а при выявлении нарушений установленных правил его хранения применять меры государственного принуждения путем привлечения виновных лиц к административной ответственности по ст. 20.8 и 20.11 КоАП РФ [8].

Анализ правоприменительной практики показывает возникающие сложности как в квалификации действий граждан по вышеуказанным составам административных правонарушений, так и в квалификации самого деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, как дьящегося или оконченного, что в конечном итоге создает условия для ухода от административной ответственности.

Так, за нарушение установленных сроков продления (перерегистрации) разрешений (открытых лицензий) на хранение и ношения оружия (далее – продление разрешений на хранение и ношение оружия) в одних случаях граждане привлекались органами внутренних дел к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ независимо от того, сколько прошло времени с момента истечения срока действия выданного разрешения. В других случаях граждане привлекались к административной ответственности по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ, если с момента истечения срока действия разрешения (открытой лицензии) прошло более одного месяца*.

Нет единого мнения об отграничении рассматриваемых составов административных правонарушений и в судебной практике. В большинстве случаев у судей не возникло сомнений в правильности квалификации противоправных деяний граждан, связанных с нарушением сроков продления разрешений на хранение и ношение оружия, по ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ. Подобная судебная практика сложилась, например, в республиках Башкортостан, Татарстан, Хакасия, в Алтайском, Краснодарском, Красноярском, Пермском краях, Белгородской, Липецкой, Московской, Омской, Оренбургской, Псковской, Свердловской, Челябинской, Ярославской областях**.

* Авторами было изучено 300 материалов дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 4 ст. 20.8, ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, которые были возбуждены и рассмотрены территориальными органами МВД России по Хабаровскому краю, Камчатскому краю, Амурской области, Еврейской автономной области, Сахалинской области.

** Решение Верховного суда Республики Башкортостан от 25 июня 2014 г. по делу № 21-326/2014; определение Верховного суда Республики Татарстан от 11 февраля 2015 г. по делу № 77-314/2015; решение Верховного суда Республики Хакасия от 18 марта 2014 г. по делу № 7р-25/2014; решение Белгородского областного суда от 18 марта 2011 г. по делу № 7-42; решение Алтайского краевого суда от 14 января 2015 г. по делу № 21-545/14; решение Красно-

Однако, например, в Чувашской Республике, Магаданской, Сахалинской областях распространена судебная практика, когда это деяние квалифицируется по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ (хранение оружия без разрешения), если с момента истечения срока действия разрешения (открытой лицензии) прошло более одного месяца*. Наконец, в Ставропольском крае подобное деяние квалифицируется по ч. 6 ст. 20.8 КоАП РФ (незаконное хранение оружия)**.

Отдельно следует упомянуть о юридическом факте, который имел место в Алтайском крае. Так, Алтайским районным судом Алтайского края 13 января 2014 г. Вдовин И.Е. за хранение оружия по истекшему разрешению был осужден по ч. 1 ст. 222 УК РФ. В последующем Алтайский краевой суд своим апелляционным постановлением от 3 апреля 2014 г. данный приговор в части осуждения Вдовина И.Е. по ч. 1 ст. 222 УК РФ (эпизод незаконного хранения оружия) отменил и на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ прекратил уголовное преследование в связи с отсутствием в действиях Вдовина И.Е. состава указанного преступления.

Показательно, что Алтайский краевой суд в своем решении руководствовался правовой позицией Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой в случаях, когда допущенное лицом административное правонарушение (например, нарушение правил хранения или ношения оружия и боеприпасов, их продажи, несвоевременная регистрация и перерегистрация оружия и т.п.) содержит также признаки уголовно наказуемого деяния, указанное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности [16].

Наряду с различными подходами к отграничению составов административных правонарушений, связанных с нарушением правил оборота оружия, нет также единого мнения среди судей о том, как квалифицировать административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, – как длящееся или оконченное? Обратимся к судебной практике Хабаровского края. Так, Бикинский городской суд в своем решении от 26 ноября 2013 г. № 12-96/2013 по жалобе Банько на постановление по делу об административном правонарушении установил, что административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, является длящимся, так как выражается в длительном, непрекращающемся невыполнении гражданином предусмотренных законом обязанностей***. В результате постановление по делу об административном правонарушении осталось без изменения, а жалоба без удовлетворения.

дарского краевого суда от 26 ноября 2013 г. по делу № 12-2350/2013; решение Красноярского краевого суда от 3 июля 2014 г. по делу № 7р-322/14; решение Пермского краевого суда от 25 апреля 2012 г. по делу № 21-223; постановление Московского областного суда от 15 июля 2013 г. по делу № 4а-238/13; решение Оренбургского областного суда от 25 апреля 2014 г. по делу № 21-179-2014; решение Омского областного суда от 2 декабря 2014 г. по делу № 77-874; решение Псковского областного суда от 16 декабря 2013 г. по делу № 21-110/2013; постановление Самарского областного суда от 4 февраля 2014 г. по делу № 4а-89/2014; решение Самарского областного суда от 29 мая 2014 г. по делу № 21-283/2014; постановление Свердловского областного суда от 20 мая 2014 г. по делу № 4а-473/2014; решение Челябинского областного суда от 25 апреля 2013 г. по делу № 7-300/2013; решение Ярославского областного суда от 21 мая 2012 г. по делу № 2-143/2012. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

* Решение Сахалинского областного суда от 12 апреля 2013 г. по делу № 72-81/2013; решение Ибресинского районного суда Чувашской Республики (Чувашии) от 31 мая 2012 г. по делу № 12-16/2012; решение Магаданского областного суда от 14 августа 2014 г. по делу № 12-4/2014. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

** Решения Ставропольского краевого суда от 13 мая 2015 г. по делу № 7-377/2015; от 27 мая 2015 г. по делу № 7-380/2015. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

*** Решение Бикинского городского суда от 25 ноября по делу № 12-96/2013 по жалобе на постановление по делу об административном правонарушении. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/5UW4xwrRtpUa> (дата обращения: 01.09.2015).

Ванинский районный суд в своем решении от 27 января 2012 г. № 12-7/12 по жалобе Киселева В.В. на постановление по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, наоборот, указал, что срок привлечения к административной ответственности за данный вид правонарушений, установленный ст. 4.5 КоАП РФ, составляет два месяца. Данное правонарушение не является длящимся, так как обязанность продлить лицензию не была выполнена к определенному сроку*. Таким образом, оконченным данное правонарушение считается с момента истечения последнего дня срока регистрации (перерегистрации, постановки на учет). В результате жалоба на постановление по делу об административном правонарушении была удовлетворена, а само постановление отменено в связи с истечением сроков давности привлечения к административной ответственности.

Схожая полярность мнений относительно состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, имеет место и в других субъектах Российской Федерации. Например, в Республике Татарстан, Республике Хакасия, Красноярском крае** административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, рассматривается как оконченное, в Московской, Омской, Самарской, Ярославской областях такое административное правонарушение рассматривается как длящееся***.

Как видно из анализа судебной практики, нет единого подхода к тому, по какой правовой норме КоАП РФ привлекать лицо за нарушение сроков перерегистрации оружия. Нет правила, которое бы закрепило, что административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, является длящимся правонарушением. Один суд рассматривает это правонарушение как длящееся, другой – как оконченное, отсюда и разница в принятых решениях.

В связи с этим необходимо проанализировать нормативные правовые акты, регламентирующие порядок оборота гражданского оружия на территории Российской Федерации.

Так, порядок хранения гражданского оружия и патронов к нему, а также обязанности граждан и предъявляемые к ним требования, обеспечивающие безопасность хранения оружия и исключаящие доступ к оружию посторонних лиц, установлены Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии» [11], Постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» [12] (далее – Постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814).

Установленный Федеральным законом «Об оружии» особый режим оборота оружия как технических средств, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели и, следовательно, способных причинить существенный вред жизни и здоровью людей, имуществу и природе, предполагает введение определенных требований, предъявляемых к субъектам, наделенным правом приобретать оружие. К числу последних помимо прочих отнесены граждане Российской Федерации, которые могут реализовать это право по достижении 18-летнего возраста и только после получения

* Решение Ванинского районного суда от 27 января 2012 г. № 12-7/12. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/7Va3nm5fVRxc/> (дата обращения: 01.09.2015).

** Определение Верховного суда Республики Татарстан от 11 февраля 2015 г. по делу № 77-314/2015; решение Верховного суда Республики Хакасия от 18 марта 2014 г. по делу № 7р-25/2014; решение Красноярского краевого суда от 26 марта 2015 г. по делу № 7р-228/2015. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

*** Постановление Московского областного суда от 15 июля 2013 г. по делу № 4а-238/13; решение Омского областного суда от 2 декабря 2014 г. по делу № 77-874; постановление Самарского областного суда от 4 февраля 2014 г. по делу № 4а-89/2014; постановление Ярославского областного суда от 1 августа 2014 г. по делу № 4А-174/2014. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

лицензии на приобретение конкретного вида оружия в органах внутренних дел по месту жительства.

Постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 в соответствии с требованиями Федерального закона «Об оружии» утверждены Правила оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, которые детализируют особенности оборота гражданского и служебного оружия. Согласно п. 59 названных Правил, принадлежащие гражданам РФ оружие и патроны должны храниться по месту их проживания с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц. Сам порядок и условия продления разрешений на оружие Правительство РФ отнесло к ведению МВД России (п. 8).

В целях реализации названного постановления, приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288 утверждена Инструкция по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (далее – Инструкция) [6].

Согласно п. 67 Инструкции, не позднее чем за месяц до истечения срока действия выданной лицензии, а также разрешений на хранение, хранение и использование, хранение и ношение оружия их владельцы представляют в ОВД по месту учета оружия заявление и документы, необходимые для получения соответствующих лицензий и разрешений.

Как можно заметить, приведенная правовая норма предписывает владельцам оружия предоставлять в органы внутренних дел заявление и документы для продления лицензии (разрешения) до фактического истечения срока их действия, а не после его истечения.

По этому поводу следует обратиться к решению Верховного Суда Российской Федерации от 3 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1143 [19], в котором при рассмотрении заявления гр. Олексюка А.Д. дана правовая оценка соответствия указанного пункта Инструкции действующему законодательству.

Верховный Суд РФ отметил, что ст. 13 Федерального закона «Об оружии» установлен лицензионно-разрешительный порядок приобретения, хранения и ношения оружия. Последний направлен на то, чтобы не допустить обладания соответствующими видами оружия лицами, которые в силу тех или иных причин (состояние здоровья, отсутствие соответствующей подготовки, невозможность обеспечения учета и сохранности оружия и др.) не могут надлежащим образом гарантировать его безопасное хранение и применение, а также на то, чтобы обеспечить его строго целевое использование.

В частях 3 и 14 ст. 13 Федерального закона «Об оружии» закреплено, что продление срока действия лицензии на приобретение оружия, одновременно являющейся разрешением на его хранение и ношение, а также срока действия разрешения на хранение и ношение оружия осуществляется в порядке, предусмотренном ст. 9 данного федерального закона.

Согласно ч. 2 и 3 ст. 9 Федерального закона «Об оружии», лицензии на приобретение оружия выдаются органами внутренних дел на основании заявлений граждан Российской Федерации. Заявление о выдаче лицензии рассматривается указанными органами в течение месяца со дня его подачи. Следовательно, заявление гражданина о продлении срока действия лицензии, одновременно являющейся разрешением на его хранение, рассматривается органом внутренних дел также в течение месяца со дня его подачи.

Из содержания названных норм Федерального закона «Об оружии» следует, что установленный законодательством месячный срок для рассмотрения органом внутренних дел заявления о продлении срока действия лицензии предполагает, что гражданин, который имеет намерение продлить действие лицензии, должен до истечения месячного срока обратиться в орган внутренних дел с соответствующим заявлением.

Продление срока действия лицензии должно производиться со дня, следующего за днем окончания срока ее действия. Следовательно, заявление о продлении срока действия лицензии должно быть принято к рассмотрению с учетом периода, который необходим для выполнения действий и процедур, предусмотренных Федеральным законом «Об оружии», при соблюдении условия о том, что продление срока действия лицензии будет осуществлено со дня, следующего за днем окончания ее действия.

Предусмотренные п. 67 Инструкции положения о представлении владельцами оружия в орган внутренних дел по месту учета заявления и документов, необходимых для получения соответствующих лицензий и разрешений, не позднее, чем за месяц до истечения срока их действия, не нарушают прав граждан иметь в собственности (право приобретать, хранить, носить, использовать) гражданское оружие в целях самообороны, для занятий спортом и охоты, а также в культурных и образовательных целях.

То обстоятельство, что гр. Олексюк А.Д. был привлечен к административной ответственности за нарушение сроков перерегистрации оружия (по ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ), не может рассматриваться как ограничение прав заявителя. Законодательство об административных правонарушениях предусматривает право лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, на обжалование постановления по делу об административном правонарушении в районный суд.

Учитывая изложенное, Верховный Суд РФ пришел к выводу, что оспариваемые положения Инструкции соответствуют действующему законодательству, изданы компетентным органом государственной власти и не нарушают прав граждан, на основании этого решил оставить заявление гр. Олексюка А.Д. без удовлетворения.

В последующем, уже по апелляционной жалобе гр. Олексюка А.Д., Апелляционная коллегия Верховного Суда РФ своим определением от 3 февраля 2015 г. № АПЛ 15-10 [16] решение Верховного Суда РФ оставила без изменений, а жалобу – без удовлетворения. При этом в приведенном определении подчеркнуто, что довод апелляционной жалобы о том, что Федеральный закон «Об оружии» непосредственно не регламентирует сроки подачи гражданами заявлений о продлении лицензии, устанавливая лишь месячный срок для органов внутренних дел по рассмотрению соответствующих заявлений граждан, не может свидетельствовать о незаконности обжалованного решения, поскольку указание в Инструкции срока подачи заявления о продлении срока действия лицензии является реализацией требований Федерального закона «Об оружии» о порядке осуществления права гражданина на продление срока действия лицензии. Довод Олексюка А.Д. о том, что продление срока действия лицензии на хранение и ношение оружия не обязательно должно производиться со дня, следующего за днем окончания срока ее действия, ошибочен по следующим основаниям.

В силу ст. 22 Федерального закона «Об оружии» хранение гражданского и служебного оружия, приобретаемого на основании лицензии и подлежащего регистрации в органах внутренних дел, разрешается юридическим лицам и гражданам только при наличии разрешения на его хранение. Как уже указывалось выше, лицензия, выдаваемая органом внутренних дел, одновременно является и разрешением на хранение и ношение указанных выше видов оружия (ст. 13 Федерального закона «Об оружии»). В связи с этим продление срока действия лицензии должно производиться со дня, следующего за днем окончания срока ее действия, в целях исключения бесконтрольного владения и распоряжения оружием, защиты от противоправного оборота оружия.

Однако ни в решении Верховного Суда РФ от 3 декабря 2014 г. № АКПИ 14-1143, ни в определении Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. № АПЛ 15-10 нет ничего о том, каким является административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, – окончанным или длящимся, как и не нашли отражения вопросы об его отграничении от состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ.

Надо отметить, что вопрос о понятии и критериях длящегося и недлящегося административного правонарушения до сих пор остается одним из проблемных вопросов юридической науки и практики [1-5; 7; 9; 10; 17; 18; 20]. Это обусловлено тем, что законодатель, определив в ст. 4.5 КоАП РФ разное исчисление сроков давности привлечения к административной ответственности в зависимости от отнесения правонарушения к тому или иному виду, не сформулировал дефиницию понятий «длящееся административное правонарушение» и «недлящееся (оконченное) административное правонарушение». Учитывая отсутствие легальной дефиниции, а также ее практическую значимость, понятия и критерии длящегося и недлящегося правонарушения определяются судебной практикой.

Обратимся к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [13].

В пункте 14 данного постановления Верховный Суд РФ разъясняет, что при определении момента течения срока давности привлечения к административной ответственности судьям необходимо исходить из того, что длящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей. Последние обязанности могут быть возложены и иным нормативным правовым актом, а также правовым актом ненормативного характера, например, представлением прокурора, предписанием органа (должностного лица), осуществляющего государственный надзор (контроль). Невыполнение предусмотренной названными правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся. Вместе с тем использование словосочетания «к установленному сроку» как раз и приводит к неоднозначным решениям, принимаемым судьями, поскольку в связи с обозначенным Верховным Судом РФ подходом значительная часть административных правонарушений из категории длящихся переходит в категорию недлящихся.

Если исходить из приведенной позиции Верховного Суда РФ, то административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, также можно отнести к недлящемуся (оконченному). В частности, обращает на себя внимание наименование ст. 20.11 КоАП РФ – нарушение сроков регистрации (перерегистрации) оружия или сроков постановки его на учет и содержание диспозиции ч. 1 указанной статьи, в которой говорится о нарушении установленных сроков продления (перерегистрации) разрешений (открытых лицензий) на хранение и ношение оружия, в том числе установленных сроков регистрации приобретенного по лицензиям органов внутренних дел оружия, а равно установленных сроков постановки оружия на учет в органах внутренних дел при изменении гражданином постоянного места жительства.

Если брать во внимание данные обстоятельства, во-первых, рассматриваемое административное правонарушение выражается в одномоментном (однократном) невыполнении субъектом предусмотренных нормативными правовыми актами юридических обязанностей к сроку, установленному в данных актах.

Во-вторых, учитывая первое, у субъекта, на которого возложены юридические обязанности, нет возможности пресечения или прекращения правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, поскольку время невозможно повернуть вспять. По этой же причине указанное правонарушение не может быть пресечено уполномоченными органами государственной власти, поскольку оно уже совершено – нарушены сроки.

Основная цель рассматриваемой статьи – стимулирование граждан к выполнению обязанностей по регистрации в органах внутренних дел приобретенного оружия либо продлению (перерегистрации) разрешений (открытых лицензий) на хранение и ноше-

ние оружия, либо по постановке оружия на учет в органах внутренних дел при изменении постоянного места жительства.

На это указывает как установление законодателем административной ответственности за невыполнение гражданами перечисленных обязанностей в рамках самостоятельного состава административного правонарушения, так и более мягкие административные наказания, предусмотренные санкцией ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, в частности, предупреждение, не говоря уже о том, что санкция ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ не предусматривает назначение такого административного наказания, как лишение права на приобретение и хранение или хранение и ношение оружия.

По поводу вышесказанного представляет интерес постановление Ярославского областного суда от 1 августа 2014 г. по делу № 4А-174/2014 и решение Белгородского областного суда от 18 марта 2011 г. по делу № 7-42*. В первом отмечено, что правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, является длящимся, поскольку выражается в длительном непрекращающемся невыполнении предусмотренной законом обязанности по продлению (перерегистрации) разрешения на хранение и ношение оружия. Во втором подчеркнута, что уведомление владельцев оружия об истечении срока действия разрешения не предусмотрено ни ведомственными приказами, ни действующим законодательством, сам владелец оружия обязан следить за истечением данных сроков и представлять в органы внутренних дел заявление и необходимые документы для продления разрешения на хранение и ношение оружия.

Таким образом, административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, является длящимся, поскольку связано с невыполнением обязанности по продлению разрешения на хранение и ношение оружия, регистрации оружия или его постановки на учет при изменении места жительства.

В связи с этим следует упомянуть, что при выборе определенного варианта правового поведения субъект соотносит предполагаемые поступки с действующей системой правовых норм и практикой их применения, оценивает эти поступки в контексте возможных правовых последствий. В таком случае действие правовых норм воспроизводится в правовой реальности и материализуется в социальном механизме действия права, адекватном тому уровню правосознания и правовой культуры, который сложился в обществе [4].

Очевидно, что мотивация правонарушителя прекратить правонарушение своими действиями и исполнить юридическую обязанность принципиально различается в зависимости от того, длящегося это правонарушение или недлящегося.

При совершении длящегося правонарушения правонарушитель заинтересован в его прекращении своими действиями и в исполнении юридической обязанности, поскольку это даст ему право рассчитывать на применение положений ч. 2 и 3 ст. 4.1 КоАП РФ, предписывающих учитывать при назначении административного наказания обстоятельства, смягчающие административную ответственность, которые предусмотрены ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ.

Соответственно, исполнение юридической обязанности, которое императивно предписывается диспозицией соответствующей правовой нормы и подкреплено угрозой применения санкции, сопровождается установлением для правонарушителя правовой возможности частично избежать неблагоприятных последствий применения санкции за совершенное правонарушение или быть освобожденным от административной ответственности, что способствует формированию правовой установки правонарушителя на совершение действий, предусмотренных ч. 1 ст. 4.2 КоАП РФ.

* Постановление Ярославского областного суда от 1 августа 2014 г. по делу № 4А-174/2014; решение Белгородского областного суда от 18 марта 2011 г. по делу № 7-42. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

Мотивация правового поведения правонарушителя в случае совершения недлящегося административного правонарушения может быть диаметрально противоположной.

В случае совершения недлящегося административного правонарушения, в том числе неисполнения юридической обязанности в установленный срок, правонарушитель ориентирован на совершение этого правонарушения в течение определенного времени, которое достаточно для истечения сроков давности привлечения к административной ответственности. Здесь очевидна направленность правоприменительной практики на формирование у субъектов психологической установки на выбор пассивного варианта правового поведения, который обеспечит им высокую степень вероятности избежать применения санкции за нарушение требований правовых норм.

В таких ситуациях совершение правонарушителем действий, направленных на исполнение юридической обязанности и прекращение правонарушения, означает неизбежное привлечение его к ответственности и применение административного наказания, а длительное уклонение от ее исполнения, напротив, влечет наступление благоприятных для него последствий, связанных с невозможностью привлечения его к административной ответственности в связи с истечением срока давности. Поскольку срок давности привлечения к административной ответственности за недлящееся правонарушение исчисляется со дня его совершения, а таким днем является день фактического совершения правонарушения или следующий после истечения срока исполнения юридической обязанности день, такой вариант правового поведения дает правонарушителю гарантированный результат освобождения от административной ответственности.

В случае административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, уклонение лица от исполнения обязанности по перерегистрации продления (перерегистрации) разрешения (открытой лицензии) на хранение и ношение оружия позволит не только избежать привлечения к административной ответственности, но и также наступления неблагоприятных последствий в виде инициирования органами внутренних дел в последующем вопроса об аннулировании указанного разрешения (открытой лицензии).

Как верно отмечает Т.А. Гуменюк, при таких обстоятельствах создается парадоксальная правовая ситуация: юридическая обязанность останется неисполненной, а механизм ее принудительного исполнения в виде привлечения к административной ответственности и применения санкции фактически заблокирован сложившейся на основе указанного подхода судебной практикой.

В результате существующая модель правового поведения не способствует формированию мотивации на прекращение административного правонарушения и устранение его негативных последствий. Фактически, правовая конструкция недлящегося правонарушения, устанавливающая начало течения срока давности привлечения к административной ответственности со дня его совершения или со следующего дня после истечения срока исполнения юридической обязанности, создает для правонарушителя механизм ухода от ответственности, что противоречит целям и задачам законодательства об административной ответственности и в целом снижает роль права как дисциплинирующего фактора [4].

В связи с приведенными обстоятельствами конструктивной представляется позиция тех исследователей, которые считают длящимися и те административные правонарушения, когда неисполненная к определенному сроку юридическая обязанность продолжает существовать и после истечения срока ее исполнения.

Таким образом, часть 1 ст. 20.11 КоАП РФ по содержанию объективной стороны является специальной нормой по отношению к ст. 20.8 КоАП РФ. Само административное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 20.11 КоАП РФ, является длящимся, поскольку связано с невыполнением обязанности по продлению разрешения на хранение и ношение оружия. Соответственно, в случае обнаружения факта истечения срока

разрешения (лицензии) на хранение и ношение оружия, действия гражданина должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 20.11, а не по ч. 4 ст. 20.8 КоАП РФ.

Для устранения существующих разночтений в отграничении рассмотренных составов административных правонарушений, во-первых, необходимо внесение изменений в ст. 4.5. КоАП РФ в части формулирования определения понятия «длящееся административное правонарушение», а именно включение в нее п. 2.1 и 2.2. следующего содержания:

«2.1. Длящимся административным правонарушением признается деяние, предусмотренное настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административной ответственности, которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении (неисполнении) или ненадлежащем выполнении (исполнении) обязанностей, возложенных на физическое или юридическое лицо законом и иным правовым актом.

2.2. В случае невыполнения (неисполнения) лицом обязанности, которая должна быть выполнена (исполнена) к определенному правовым актом сроку, административное правонарушение является длящимся, если выполнение (исполнение) данной обязанности не прекращается с истечением установленного срока для ее правомерного выполнения (исполнения)».

Во-вторых, часть 4 ст. 20.8 КоАП РФ после слов «случая, предусмотренного частью 4.1 настоящей статьи» дополнить словами: «частью 1 ст. 20.8 настоящего Кодекса».

В-третьих, с учетом предложенных изменений скорректировать пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

В-четвертых, обобщить судебную практику по делам об административных правонарушениях в области оборота оружия в виде отдельного постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Предложенные изменения, на наш взгляд, будут способствовать реализации предупредительного потенциала института административной ответственности, а также укреплению правопорядка в области оборота оружия.

Литература

1. Бахрах Д.Н. Проблемы длящихся правонарушений // Современное право. 2005. № 11.
2. Бахрах Д.Н., Котельникова Е.В. Длящиеся административные правонарушения: вопросы правоприменительной практики // Административное право и процесс. 2005. № 3.
3. Гречкина О.В. Сроки давности привлечения к административной ответственности за нарушение таможенных правил // Административное право и процесс. 2010. № 5.
4. Гуменюк Т.А. Правовая конструкция длящегося и недлящегося административного правонарушения: проблемы правоприменительной практики // Закон. 2014. № 9.
5. Жаров А. Длящиеся административные правонарушения // Законность. 2010. № 11.
6. Инструкция по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации: утв. приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288 // Российская газета. 1999. 7 сентября.
7. Каширин А. Нарушитель во времени // ЭЖ-Юрист. 2008. № 6.
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
9. Кононов Э.А. Материально-процессуальные основы административной ответственности юридических лиц: дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2007.
10. Мещерякова Т.Р. Особенности привлечения к административной ответственности за длящиеся правонарушения // Полицейское право. 2006. № 4.
11. Об оружии: федеральный закон от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681.

12. О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 32. Ст. 3878.

13. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации о административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // Российская газета. 2005. 19 апреля.

14. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.

15. Определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 3 февраля 2015 г. № АПЛ15-10. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

16. О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 марта 2002 г. № 5 // Российская газета. 2002. 19 марта.

17. Панов А.Б. Административная ответственность юридических лиц: монография. М.: Норма, 2013.

18. Плотникова Л.Ю. Проблемы привлечения к административной ответственности за деяние административное правонарушение // Закон. 2008. № 9.

19. Решение Верховного Суда РФ от 3 декабря 2014 г. № АКПИ14-1143. Доступ из СПС «Гарант-СтройМаксимум. Прайм».

20. Серков П.П. Деяние административные правонарушения // Российская юстиция. 2007. № 7.

УДК 342.9

АЛГОРИТМ ДЕЙСТВИЙ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ИСПОЛНЕНИЙ И ФОНОГРАММ

Николай Андреевич Кулаков, преподаватель Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук

E-mail: 2-kvadrat@mail.ru

Статья посвящена исследованию административной ответственности как способу защиты авторских и смежных прав. В рамках статьи автор анализирует правовые основы административной ответственности за правонарушения в области авторских и смежных прав, рассматривает особенности применения мер административной ответственности в указанной области органами внутренних дел, а также формулирует ряд предложений по повышению их эффективности.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; авторские и смежные права; административная ответственность; органы внутренних дел.

ALGORITHM OF ACTIONS OF POLICE OFFICERS FOR SUPPRESSION OF THE ADMINISTRATIVE OFFENSES CONNECTED WITH ILLEGAL USE OF PIECES OF MUSIC, EXECUTIONS AND SOUNDTRACKS

Nikolay Andreevich Kulakov, lecturer of the Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia *Kandidat nauk* degree in Law

The article is devoted to administrative responsibility as a method of protection of copyright and related rights. Within the article, the author examines the legal basis of administrative responsibility for offenses in the field of copyright and related rights, considers the features of the application of measures of administrative responsibility in this area by the bodies of Internal Affairs, and formulates a number of proposals to improve their efficiency.

Keywords: intellectual property; copyright and related rights; administrative responsibility; the bodies of internal affairs.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что интеллектуальная собственность является одной из важнейших составляющих экономического и культурного потенциала Российской Федерации. Наряду со значительными сырьевыми ресурсами Россия располагает высоким интеллектуальным потенциалом отечественных ученых, изобретателей, деятелей культуры и т.д. Всему миру известны такие наши соотечественники, как М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, А.С. Пушкин, Ф.М. Достоевский, К.С. Малевич, Ф.И. Шаляпин и многие другие.

Нет такого государства, которое не было бы обеспокоено судьбой своих интересов в области интеллектуальной собственности. Не является исключением и Российская Федерация. В настоящее время в нашей стране динамично осуществляется переход от пренебрежения институтом интеллектуальной собственности к признанию его одним из ключевых элементов не только духовного, но и экономического богатства страны. Практически не вызывает споров тот факт, что гармоничное развитие российского общества напрямую зависит от создания всех необходимых условий (в том числе и правовых) для сохранения, приумножения и реализации его интеллектуального потенциала.

Возникновение, реализация и защита интеллектуальных прав традиционно строятся на основе частного права. Это обусловлено тем, что интеллектуальный продукт, созданный индивидом (или группой индивидов), принадлежит ему по праву. Данный продукт должен принести автору прибыль, старания автора должны быть адекватно вознаграждены и оценены обществом. В этом заключается частный интерес, лежащий в основе охраны интеллектуальной собственности, наличие которого не подвергается сомнению.

Вместе с тем интеллектуальная собственность является основой для формирования и развития цивилизованного культурного общества, в этом заключается ее важнейшая социальная функция. В связи с этим в государственном регулировании института интеллектуальной собственности наряду с частными интересами авторов ярко выражен и публичный интерес. При этом соблюдение публичных интересов всегда неразрывно связано с вмешательством государства в частноправовые отношения. Едва ли возможны саморегуляция, невмешательство государства в область правовой охраны интеллектуальной собственности, которая является фундаментом национальной экономики и культурного развития. Следовательно, государственное регулирование интеллектуальной собственности должно основываться на нахождении баланса публичных и частных интересов и на сочетании частноправовых и публично-правовых способов защиты интеллектуальных прав.

Все сказанное выше в полной мере относится и к такому виду интеллектуальной собственности, как объекты авторских и смежных прав. В рамках настоящей статьи мы сконцентрируем свое внимание на проблемах правовой защиты данного вида интеллектуальных прав. Одним из проявлений стремления государства к реализации публичных интересов в указанной области является формирование публично-правовых механизмов защиты авторских и смежных прав. В частности, к таковым механизмам относится административная ответственность, предусмотренная ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ. Данная

норма является бланкетной и отсылает правоприменителя прежде всего к гражданскому законодательству.

Гражданско-правовой институт авторского права регулирует отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы или искусства. В соответствии с ч. 1 ст. 1259 ГК РФ одним из объектов авторских прав является музыкальное произведение с текстом или без текста. Музыкальным можно считать такое произведение, когда действительность, определенные образы отражаются при помощи звуков. Музыкальные произведения воспринимаются на слух как при их исполнении, так и при помощи технических средств. Музыкальная форма состоит из нескольких компонентов, к которым относятся мелодия, фактура, полифония, гармония, ритм, композиция и др. [2, с. 640].

Права, смежные с авторскими (смежные права), являются производными от авторских прав. Перечень объектов смежных прав закреплен в ч. 1 ст. 1303 ГК РФ. К числу смежных прав, производных от авторских прав на музыкальное произведение, следует отнести право на результаты исполнительской деятельности и право на фонограмму.

В соответствии со ст. 1313 ГК РФ исполнителем признается гражданин, творческим трудом которого создано исполнение, – артист-исполнитель (например, певец, исполнивший музыкальное произведение). За исполнителем признается творческий характер его труда, а сам он считается автором исполнения. При этом следует отличать творчество исполнителя от творчества автора исполняемого музыкального произведения. Исполнение, несмотря на свой творческий характер, не создает нового музыкального произведения, но создает уникальный, свойственный исполнителю вариант звучания этого произведения [1, с. 275].

В качестве фонограммы понимается любая исключительно звуковая запись исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение (ст. 1304 ГК РФ). Под звуковой записью в данном случае понимается определенная статичная фиксация звуков независимо от используемых для этого технических средств и способов звукозаписи.

Первоначальным субъектом авторских и смежных прав всегда является физическое лицо, творческим трудом которого создано музыкальное произведение (исполнение, фонограмма), – автор. Ему принадлежит весь комплекс интеллектуальных прав – исключительное право (имущественное право) и личные неимущественные права (право авторства, право на имя). Кроме того, субъектами авторских и смежных прав также выступают лица, которые обладают исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности, перешедшими к ним от автора по различным основаниям (в силу закона либо на основании договора). Таких субъектов именуют правообладателями.

Наиболее важным с экономической точки зрения является исключительное право, которое позволяет правообладателю извлекать из музыкального произведения, исполнения или фонограммы материальную выгоду. В наиболее широком смысле исключительное право представляет собой возможность использовать результат интеллектуальной деятельности по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Правообладатель вправе по своему усмотрению разрешать или запрещать другим лицам использование результата интеллектуальной деятельности. При этом отсутствие запрета не является согласием (ст. 1229 ГК РФ). Главная функция исключительного права – обеспечение справедливого вознаграждения автору за осуществленный им творческий труд.

Таким образом, музыкальные произведения, исполнения и фонограммы могут использоваться только при условии заключения договора с правообладателем и выплаты ему авторского вознаграждения. Соответственно, любой пользователь перед началом использования произведения должен заключить договор с правообладателем. Учитывая, что число потенциальных пользователей может быть значительным и правообла-

тель далеко не всегда имеет возможность заключить договор с каждым из них, гражданское законодательство предусматривает возможность создания организаций по управлению авторскими и смежными правами на коллективной основе.

Согласно ст. 1242 ГК РФ, авторы и иные правообладатели могут объединяться и создавать организации, управляющие их имущественными правами на коллективной основе. Любая такая организация может претендовать на получение государственной аккредитации в одной из шести сфер коллективного управления, перечисленных в ст. 1244 ГК РФ. Для того чтобы получить такую аккредитацию, организация должна соответствовать требованиям и критериям, установленным Правительством РФ [3]. В настоящее время на основе государственной аккредитации коллективное управление авторскими правами осуществляет Российское авторское общество (далее – РАО), а смежными правами – Всероссийское общество интеллектуальной собственности (далее – ВОИС).

Правила сбора, распределения и выплаты вознаграждения авторам, исполнителям и изготовителям фонограмм устанавливаются Правительством РФ [4]. В соответствии с Правилами плательщиками являются юридические лица и физические лица-индивидуальные предприниматели. Так, если предприниматель осуществляет или организует публичное исполнение музыкального произведения с помощью технических средств в месте, открытом для всеобщего пользования, то он должен заплатить за использование объекта авторских или смежных прав. Плата за использование объектов авторских прав взимается РАО, а за использование смежных прав – ВОИС. Впоследствии данные организации распределяют полученные от пользователей средства между правообладателями.

Как отмечает генеральный директор Российского авторского общества С.С. Федотов, на практике работа по лицензированию пользователей, естественно, не так проста: к сожалению, уровень правовой грамотности пользователей не так высок, как хотелось бы [7]. В настоящее время, несмотря на активизацию деятельности РАО и ВОИС, в среде субъектов, использующих музыкальные произведения в своей коммерческой деятельности, по-прежнему преобладает правовой нигилизм и нежелание осуществлять предусмотренные законом отчисления. В связи с этим, на наш взгляд, возрастает роль административной ответственности за нарушения авторских и смежных прав как оперативного способа реагирования на такие нарушения.

Возвращаясь к анализу ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, отметим, что объективная сторона исследуемого состава административного правонарушения выражается в совершении действий, направленных на незаконное использование объектов авторских и смежных прав в целях извлечения доходов. Учитывая, что, как отмечено выше, музыкальные произведения, исполнения и фонограммы могут использоваться только при условии заключения договора с правообладателем и выплаты ему авторского вознаграждения, неуплата соответствующих взносов в РАО или ВОИС является одним из способов совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ.

Дела об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ рассматриваются судьями (ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ) на основании протоколов, которые, в частности, уполномочены составлять должностные лица органов внутренних дел (п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ). В соответствии с приказом МВД России «О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению административных протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию» протоколы об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 7.12 КоАП РФ, уполномочены составлять:

- должностные лица подразделений по организации применения административного законодательства (далее – ООПАЗ);

- должностные лица подразделений по исполнению административного законодательства (далее – ИАЗ) [6].

Согласно официальным статистическим данным, в 2010-2014 гг. сотрудниками органов внутренних дел было пресечено 25 934 административных правонарушения по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ (2010 г. – 2 072, 2011 г. – 7 837, 2012 г. – 4 620, 2013 г. – 5 300; 2014 г. – 6 105 правонарушений). При этом в соответствии с п. 11 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» сотрудники полиции обязаны пресекать административные правонарушения, отнесенные законодательством об административных правонарушениях к их подведомственности. Следовательно, помимо сотрудников подразделений ООПАЗ и ИАЗ, сотрудник любого другого подразделения полиции обязан принимать меры, направленные на пресечение административных правонарушений, предусмотренных в том числе и ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ. Так, по данным ГИАЦ МВД России, в 2014 г. участковыми уполномоченными полиции было пресечено около 10% от числа всех правонарушений по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, пресеченных органами внутренних дел.

Наряду с этим анализ материалов дел об административных правонарушениях демонстрирует, что дела об административных правонарушениях по ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ возбуждаются преимущественно по факту выявления контрафактных дисков*. Административные правонарушения, связанные с неуплатой субъектами предпринимательской деятельности установленных выплат в РАО или ВОИС, выявляются и пресекаются значительно реже, а во многих регионах такая практика отсутствует в принципе. Как следствие, отсутствует и выработанный теорией и практикой единый алгоритм действий сотрудников полиции по пресечению данного вида правонарушений.

Основная сложность пресечения административных правонарушений, связанных с незаконным использованием музыкальных произведений, исполнений и фонограмм, заключается в том, что сотрудники полиции не могут самостоятельно, без участия специалистов РАО или ВОИС, выявить признаки такого рода правонарушений. Для того, чтобы сделать это, необходимо установить два элемента объективной стороны:

- 1) фактическое публичное исполнение индивидуальным предпринимателем или коммерческой организацией музыкальных произведений;
- 2) отсутствие отчислений в РАО или ВОИС со стороны таких предпринимателей или коммерческих организаций.

В соответствии с требованиями законодательства о защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля сотрудники полиции не вправе проводить в отношении последних каких-либо проверочных мероприятий, которые не отнесены к компетенции органов внутренних дел. Сотрудники полиции не могут провести плановую или внеплановую проверку индивидуального предпринимателя или юридического лица на предмет соблюдения законодательства об авторских и смежных правах. Установление наличия в действиях индивидуальных предпринимателей или коммерческих организаций признаков анализируемого нами административного правонарушения возможно только в рамках возбужденного административного расследования [5]. В свою очередь, для его возбуждения у должностного лица органов внутренних дел должен быть повод. Очевидно, что поводом для возбуждения административного расследования в данном случае может быть заявление сотрудников РАО или ВОИС, в котором они укажут на то, что конкретный субъект коммерческой деятельности использует музыкальные произведения с нарушением авторских или смежных прав.

* Анализ проводился на основе 50 судебных решений судов общей юрисдикции Хабаровского, Приморского краев, Новосибирской, Нижегородской, Волгоградской, Ростовской областей методом свободной выборки за период с начала 2011 по конец 2014 г. URL: <http://www.gcourts.ru> (дата обращения: 17.02.2015).

В связи с вышесказанным интересна практика отдельных регионов, в которых правонарушения подобного рода были выявлены, а виновные привлечены к административной ответственности. В качестве примера приведем материалы дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, № 5-268/10.

Из материалов дела следует, что в отдел по борьбе с правонарушениями в сфере потребительского рынка и исполнения административного законодательства (далее – ОБСПР и ИАЗ) УВД по Петроградскому району г. Санкт-Петербурга поступило заявление от председателя регионального отделения ВОИС по г. Санкт-Петербургу. Заявление содержало информацию о том, что руководитель ЗАО «СПБ Сеть пивных баров» осуществляет публичное исполнение музыкальных произведений без согласия авторов. По факту данного заявления должностными лицами органов внутренних дел была проведена проверка, в ходе которой был произведен осмотр одного из помещений ЗАО «СПБ Сеть пивных баров». В ходе данного процессуального действия установлено, что на момент осмотра руководство ЗАО «СПБ Сеть пивных баров» действительно осуществляло публичное исполнение музыкальных произведений в целях создания комфортной обстановки для посетителей, то есть для увеличения оборота предприятия и получения прибыли.

В дальнейшем инспектором ОБСПР и ИАЗ УВД по Петроградскому району г. Санкт-Петербурга по данному факту было вынесено определение о возбуждении дела об административном правонарушении и проведении административного расследования. После завершения административного расследования дело было направлено в Петроградский районный суд г. Санкт-Петербурга, который вынес решение о привлечении руководителя ЗАО «СПБ Сеть пивных баров» к административной ответственности.

Необходимо отметить, что роль представителей ВОИС не ограничилась только составлением и подачей заявления. Из материалов дела следует, что в ходе проверки информации об административном правонарушении и в рамках административного расследования сотрудники ВОИС принимали участие в осмотре помещения ЗАО «СПБ Сеть пивных баров», выступали в качестве свидетелей, а также представляли интересы обладателей нарушенных авторских прав по доверенности.

Приведенный пример далеко не единственный в практике органов внутренних дел г. Санкт-Петербурга. Из 12 дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ, проанализированных нами, 10 дел возбуждено по поводу заявления представителей ВОИС или РАО*.

Таким образом, алгоритм действий сотрудника полиции по пресечению административных правонарушений, связанных с незаконным использованием музыкальных произведений (исполнений, фонограмм), в общем виде должен включать в себя следующие этапы:

- принятие заявления от представителей РАО или ВОИС;
- возбуждение административного расследования;
- получение объяснения от представителей РАО или ВОИС;
- приобщение к материалам административного расследования документов, подтверждающих статус заявителей, иных материалов, подтверждающих факт публичного исполнения музыкального произведения (например, видеозаписи) без заключения договора с РАО или ВОИС;
- осмотр принадлежащего юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещения, фиксация факта публичного исполнения музыкального произведения;

* Исследование проводилось в районных судах г. Санкт-Петербурга (Петроградский, Василеостровский, Невский, Калининский) в марте 2013 г.

- выдвижение законного требования в адрес юридического лица или индивидуального предпринимателя, осуществляющего публичное исполнение музыкального произведения с нарушением авторских или смежных прав, о прекращении противоправного деяния;

- при необходимости, изъятие оборудования, используемого для незаконного исполнения музыкальных произведений, в порядке ст. 27.10 КоАП РФ;

- получение показаний свидетелей;

- составление протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ.

Подводя итог, еще раз отметим, что государственное регулирование в области интеллектуальной собственности должно основываться на стремлении к оптимальному сочетанию частноправовых и публично-правовых способов защиты интеллектуальных прав. Одним из публично-правовых способов является административная ответственность за нарушение авторских и смежных прав, предусмотренная ч. 1 ст. 7.12 КоАП РФ. Распространенным способом совершения данного правонарушения является публичное исполнение музыкальных произведений без договора с РАО или ВОИС.

Пресечение данного правонарушения возможно исключительно в рамках взаимодействия представителей РАО или ВОИС и сотрудников полиции. В рамках данного взаимодействия государственно-властные полномочия полиции по применению мер административного принуждения и полномочия РАО или ВОИС взаимодополняются. Последние по своей инициативе фиксируют признаки правонарушения и собирают первоначальную доказательственную базу (чего не может сделать полиция в рамках оперативно-розыскных мероприятий, для проведения которых при пресечении административного правонарушения нет законных оснований), а сотрудники полиции применяют меры административного принуждения в отношении правонарушителя.

Применение предложенного нами алгоритма действий сотрудников полиции будет способствовать эффективному пресечению правонарушений в области нарушения авторских и смежных прав и позволит привлечь лиц, совершивших правонарушение, к административной ответственности.

Литература

1. Комментарий к части четвертой ГК РФ / под ред. А.Л. Маковского. М., 2008.
2. Корчагина Н.П., Моргунова Е.А., Погуляев В.В. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / под ред. В.В. Погуляева. М., 2008.
3. Об утверждении Положения о государственной аккредитации организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 992 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 2. Ст. 114.
4. Об утверждении Правил сбора, распределения и выплаты вознаграждения исполнителям и изготовителям фонограмм за использование фонограмм, опубликованных в коммерческих целях: постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 988 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 2. Ст. 12.
5. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52. Ст. 6249.
6. О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию: приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2012. № 23.
7. Федотов С.С. Вопросы соблюдения прав интеллектуальной собственности в России // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2014. № 4.

УДК 342.9

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: СОВЕТСКИЕ ГОДЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Ольга Владимировна Ковальчук, адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: ov.kovalchuk@mail.ru

В статье рассматривается ретроспектива государственного регулирования в области дорожного движения в советский период с выделением особенностей правового регулирования в этой сфере на различных этапах развития Советского государства, обозначены основные переходные этапы изменения государственной политики в сфере безопасности дорожного движения в современный период.

Ключевые слова: безопасность; дорожное движение; транспортные средства; правила дорожного движения; дорожно-транспортные происшествия.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATE REGULATION IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC: THE SOVIET YEARS AND THE MODERNITY

Olga Vladimirovna Kovalchuk, post graduate of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article discusses a retrospective of state regulation in the field of road traffic in the soviet period, highlighting the peculiarities of legal regulation in this area at different stages of development of the Soviet State, the main transitional stages of change of a state policy in the sphere of traffic safety during the modern period are designated.

Keywords: safety; road traffic; vehicles; traffic rules; traffic accidents.

Установление порядка движения транспортных средств (ТС) по дорогам является одной из форм организации, регулирования и безопасности жизнедеятельности общества. Проблема организации уличного движения и его безопасности тесно связана с вопросами развития городов, строительства дорог и транспорта. С самых древних времен особое внимание человек уделял строительству дорог как одному из видов коммуникаций, которые служили признаком цивилизованности и могущества государства.

Вместе с тем транспортное развитие порождало проблемы в упорядочении процесса дорожного движения (ДД) и вызывало необходимость государственного вмешательства в данный процесс.

Несмотря на то, что тема исторической периодизации развития ДД довольно дискуссионная в силу различных подходов к ней разных исследователей [1, с. 46-48], представляется возможным выделить четыре исторических периода становления его государственного регулирования: 1) имперский; 2) советский; 3) российский (современный); 4) новейший.

Имперский период, продолжавшийся с середины XVII в. до 1917 г., ранее нами уже был рассмотрен [4, с. 69-72]. Подробнее остановимся на остальных трех исторических периодах.

Советский период развития ДД охватывает 1917-1991 гг. При этом он имеет свои четыре исторических этапа.

Первый этап – начало становления советской государственности, временной интервал с 1917 по 1941 г. Февральская революция 1917 г. в России начала процесс реформирования страны, разрушение старого шло во много раз быстрее, нежели создание нового. Первые Правила дорожного движения в Советском государстве появились в 1920 г., когда В.И. Ленин подписал Декрет «Об автодвижении по г. Москве и ее окрестностям». Это был первый правовой документ в сфере безопасности дорожного движения (БДД), введивший новые правила уличного движения, устанавливающий порядок надзора за их соблюдением.

Во второй половине 1922 г. местные Советы издали Постановление «О движении по улицам города Москвы» [7, с. 6, 30]. Оно было направлено на упорядочение движения пешеходов, велосипедистов, гужевого и автомобильного транспорта.

В 1924 г. на улицах Москвы появился первый светофор, что положительно сказалось на регулировании уличного движения. В этом же году впервые для регулирования уличного движения стали применять желт.

Значимой мерой в решении проблемы БДД явилось Постановление Совета народных комиссаров СССР «О признании имеющей силу для Союза ССР международной Конвенции относительно передвижения автомобилей», подписанное в декабре 1925 г. В соответствии с этим постановлением научно-технический комитет Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) разработал новую систему дорожных знаков. Центральное управление местного транспорта, в свою очередь, выработало инструкцию по их применению на территории всей страны, которая была утверждена НКПС 2 февраля 1926 г. В 1927 г. на улицах Москвы были установлены первые шесть дорожных знаков, которые сыграли важную роль в упорядочении ДД.

В 1929 г. постановлением Центрального исполнительного комитета РСФСР были организованы квалификационные комиссии для допуска к управлению автотранспортом по трем категориям: автобусы, грузовые автомобили и такси. Однако по мере увеличения автомобильного парка в нашей стране проблемы по обеспечению БДД начали расти. В связи с этим на XVI съезде ВКП(б) в 1930 г. был разработан Циркуляр «О мероприятиях по усилению охраны безопасности уличного движения» [2, с. 126-136], в котором предлагалось пересмотреть действующие Правила уличного движения. В новых правилах указывался порядок сдачи экзаменов и получения водительских прав; перечислялись технические неисправности, при наличии которых нельзя было эксплуатировать автомобиль; определялась скорость движения – 40 км/ч и др.

Рост количества автомобилей требовал новых подходов к безопасности на дорогах, и в 1931 г. на июньском Пленуме Центрального Комитета ВКП(б) было принято решение об усовершенствовании отбора и подготовки кадров автомобильного транспорта, о разработке новых Правил уличного движения, об изучении вопроса о подземных и наземных переходах на наиболее перегруженных улицах и площадях. В этом же году Главное управление рабоче-крестьянской милиции утвердило переработанные Правила уличного движения [2].

Дальнейшее развитие автодорожного транспорта и усиление работы по обеспечению БДД определялись в программе «О мероприятиях по улучшению дорожного хозяйства», принятой Правительством в 1934 г. В это же время была организована Государственная автомобильная инспекция (ГАИ). На ГАИ возлагался контроль по выполнению всеми учреждениями, предприятиями, организациями и лицами установленных законов и правил по автотранспорту. Программа во многом ускорила перестройку органов автодорожного транспорта. В 1935 г. руководство дорожным строительством и обеспечением БДД возлагалось на Народный комиссариат внутренних дел СССР (НКВД), а руководство автомобильным транспортом возлагалось на местные Советы. Поэтому в 1936 г. в целях надзора за безопасным движением на дорогах ГАИ была включена в состав Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР

(ГУРКМ НКВД), 3 июля этого же года было утверждено и Положение о ГАИ ГУРКМ НКВД СССР. Это стало днем рождения ГАИ [3, с. 50-53].

Продолжалась работа и по совершенствованию Правил уличного движения. Так, в 1940 г. отделом ГАИ ГУРКМ НКВД были разработаны первые Типовые правила движения по улицам городов и дорогам СССР. Они отражали состояние автомобильного и дорожного дела, опыт организации ДД и новые подходы к его совершенствованию. На основе новых правил разрабатывались местные ПДД, которые сыграли положительную роль в организации ДД и обеспечения безопасности всех его участников [3, с. 50-53].

Таким образом, исторический период становления молодого Советского государства потребовал совершенствования форм и методов работы государственного аппарата. Это относилось и к деятельности по обеспечению БДД. В целях дальнейшей правовой регламентации автотранспортной системы были созданы государственные органы по охране общественного порядка – милиция, одним из направлений деятельности которой являлось обеспечение БДД.

Второй этап связан с особенностями военного времени. Великая Отечественная война 1941-1945 гг. перестроила всю деятельность государственных органов в области БДД на военный лад. Сложившаяся обстановка внесла некоторые коррективы в практику надзора за техническим состоянием и использованием автотранспорта. На фронте в 1944 г. еще продолжались боевые действия, а в тылу уже принимались новые решения по обеспечению БДД. Так, Мосгорисполком были утверждены и введены в действие новые Правила уличного движения, повышающие требования к пешеходам и водителям. В данный период правовое регулирование в области ДД не претерпело существенных изменений и по большей части носило специфический, военизированный характер.

Третий этап – послевоенные годы – начало 1990-х гг. Восстановление разрушенного войной народного хозяйства сопровождается возросшими объемами дорожного строительства и темпами автомобилизации страны. Существенную роль в 1959 г. сыграло Постановление Совета министров СССР «Об усилении борьбы с аварийностью на автомобильном транспорте», которое возложило обязанность разрабатывать мероприятия по обеспечению БДД на советы министров союзных республик, министерства, ведомства и местные органы. На руководителей автохозяйств, согласно принятому документу, возлагалась ответственность за содержание автомобилей в технически исправном состоянии, укрепление трудовой дисциплины водителей и проведение мероприятий по борьбе с ДТП [2].

Учитывая развитие грузовых и пассажирских перевозок, Совет министров СССР принял решение о единых по всей стране правилах движения автотранспорта по улицам городов и автомобильным дорогам. Первые единые по всей территории Союза ССР Правила движения по улицам и дорогам были утверждены МВД СССР в 1960 г. и введены в действие с 1 января 1961 г.

Важным и особым событием этого периода стало присоединение СССР к Конвенции о дорожном движении и Протоколу о дорожных знаках и сигналах. Согласно Конвенции, в 1963 г. Советом министров СССР в установленные ранее ПДД были внесены дополнения и изменения. Была приведена в соответствие Инструкция о порядке выдачи документов гражданам СССР на право управления транспортными средствами (ТС) в других странах и документов на сами ТС, участвующим в международном движении, равно как выдача документов гражданам других стран – водителям ТС, пересекающим границу СССР.

Обобщив вышесказанное, можно сделать вывод о том, что, несмотря на активное восстановление всех отраслей хозяйственного комплекса страны в период тяжелейшего послевоенного времени, правовая основа в области ДД не претерпела коренных изменений в сравнении с довоенными годами. Государством в этот период больше внимания уделялось оборудованию автомобильных дорог и улучшению надзора за движе-

ем по ним. Период с середины 50-х до середины 60-х гг. был очень важным в развитии и совершенствовании деятельности ГАИ по обеспечению БДД.

Четвертый этап (вторая половина 1960-х – начало 1990-х гг.). В 1964 г. Комитетом государственной безопасности при Совете министров СССР был принят ряд единых норм, действующих на всей территории СССР: правила регистрации и учета автотранспорта; правила проведения государственного технического осмотра автомобилей и мотоциклов; правила учета ДТП; Положение о порядке присвоения квалификации водителя автомобиля, мотоцикла, трамвая и троллейбуса.

В 1973 г. постановлением Совета министров СССР было принято положение, в соответствии с которым советы министров союзных и автономных республик в случае ДТП, повлекшего гибель людей, должны образовывать комиссии в целях установления причин таких ДТП и принятия по ним мер. Кроме того, оно содержало решение об обязательном оснащении ремнями безопасности легковых автомобилей. Таким образом, Советское государство на уровне министерства обращает внимание на профилактику и предупреждение аварийности на транспорте.

Особым событием этого периода является ратификация в 1972 г. Конвенции о дорожном движении 1968 г. В соответствии с ее положениями было введено единое водительское удостоверение, водители при этом делились на группы в зависимости от категорий ТС (А, В, С, D, Е), что отменяло выдачу международных водительских удостоверений. Новые водительские удостоверения стали действительны на территории всех государств, подписавших Конвенцию о дорожном движении.

В феврале 1978 г. было принято Постановление Совета министров СССР «О мерах по предупреждению дорожно-транспортных происшествий и снижению тяжести их последствий», предусматривавшее широкий комплекс мероприятий, которые должны осуществлять как государственные, так и общественные органы в целях обеспечения БДД и снижения аварийности транспорта в современных условиях.

Определенную роль в предупреждении нарушений установленных правил в области ДД, профилактике ДТП сыграл Указ Президиума Верховного Совета СССР 1983 г. «Об административной ответственности за нарушение Правил дорожного движения». Позже Кодекс РСФСР об административных правонарушениях 1984 г. [8] впервые четко сформулировал понятие правонарушения, объединил и урегулировал правовые нормы и общественные отношения, складывающиеся в различных областях жизни, в том числе в области дорожного движения.

Относительно данного исторического этапа необходимо отметить, что по мере развития Советского государства правительство придавало все большее значение проблеме обеспечения БДД. Усиление ответственности за нарушение норм и правил, действующих в сфере ДД в 1980-е гг., не давало существенного эффекта, рост количества нарушений ПДД и ДТП продолжался. Этот исторический период отмечается началом организации обеспечения БДД. Была образована ГАИ МВД СССР – необходимый надзорный орган по обеспечению четкой безаварийной работы автомобильного транспорта, регулированию ДД. Участие ГАИ в деятельности по предотвращению аварийности на автомобильном транспорте сыграло существенную роль в реализации административных методов управления в советский период. Этот период ознаменован введением в 1987 г. единых ПДД, выполняемых всеми участниками ДД, и выходом нового КоАП РСФСР, действовавшего более пятнадцати лет.

Российский (современный) период отмечается с начала 90-х гг. – с зарождения глубоких реформ, повлекших большие перемены во всем массиве административно-правовых норм, который был обновлен, расширен, модернизирован, стал более демократичным. Именно тогда в административном праве произошли коренные изменения. Государственные органы начинали свою деятельность по обеспечению БДД в трудных и новых для нашей страны условиях. Законодательная база, по существу, устарела и не соответствовала новым правовым отношениям.

В 1993 г. постановлением Правительства РФ были утверждены и установлены на всей территории России ПДД [9], которые до сих пор продолжают действовать, претерпевая многочисленные изменения и дополнения. В декабре 1995 г. вступает в силу Федеральный закон «О безопасности дорожного движения» [6], определивший правовые основы БДД на территории Российской Федерации.

Между тем существовавшая ранее система обеспечения БДД в России оказалась неработоспособной в новых условиях и вытеснялась новыми экономическими, коммерческими интересами. Обстановка на дорогах начала обостряться также в связи с массовым поступлением в страну автомобилей зарубежного производства, мощные и динамические качества которых резко выделяли их из транспортного потока отечественных автомобилей. Улицы и дороги не отвечали требованиям нормативов безопасности, а многие из них уже давно исчерпали свою пропускную способность. Дорожное покрытие, мосты и путепроводы нередко находились в аварийном состоянии. Профилактика дорожной безопасности осложнялась низким уровнем средств регулирования, недостаточным информационным обеспечением водителей.

В этих сложных условиях возникает необходимость в существенной переработке правовой базы не только самой ГАИ, но и всей государственной системы обеспечения БДД. В 1998 г. Указом Президента Российской Федерации ГАИ реорганизована в Государственную инспекцию безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГИБДД) и утверждено Положение о ГИБДД МВД Российской Федерации.

Таким образом, этот исторический период стал для России значимым временем ее демократизации и реформирования как в правовом аспекте, так и административном.

Начало 2000-х гг. определяется как *новейший период* в истории России, который характеризуется изменениями в политическом руководстве страны, началом укрепления российской государственности, проведением серии реформ, в том числе административной направленности. К изменениям в государственном регулировании в области ДД в данном историческом периоде в первую очередь следует отнести вступление в силу в 2002 г. нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [5]. Положения КоАП РФ, посвященные ДД и обеспечению его безопасности, рассмотрению материалов о правонарушениях в области ДД, существенно изменились по сравнению с КоАП РСФСР. Новый Кодекс установил подробный перечень правонарушений в области ДД, выделив их в отдельную главу.

Стремительное развитие автомобильного транспорта заставило законодателя обратить особое внимание на проблему правового регулирования ДД. Приоритетным направлением российской государственной политики на новейшем этапе, обусловленным сохраняющейся сложной аварийной обстановкой, становится проблема обеспечения БДД. Возникшая необходимость использования программно-целевого подхода организации ДД получила свое развитие еще в 1996 г. в виде Федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в России на 1996-1998 годы» [10]. Для развития положений и реализации задач данной программы приказом МВД России от 30 марта 1998 г. № 194 утверждается Концепция развития и совершенствования деятельности ГАИ МВД России на период 1998-2005 гг., которая определила основные направления в работе ГАИ.

В продолжение курса, взятого на реализацию долгосрочных программ развития ДД и обеспечения БДД, в конце 2005 г. была разработана и одобрена Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах» [11]. В ее рамках были предусмотрены меры по снижению уровня смертности и травматизма в результате ДТП и обеспечению роста безопасности и благополучия населения России. В октябре 2013 г. была принята Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах» [12], которая ставит целью сокращение смертности от дорожно-транспортных происшествий к 2020 г. на 25%

по сравнению с 2010 г. При всей неоднозначности отношения к данной программе специалистов и экспертов судить о ее эффективности довольно преждевременно. Очевидно одно: лишь квалифицированная выработка подходов к формированию федеральных целевых программ и последующая их полномасштабная реализация, в совокупности с полноценным финансированием, позволит существенно улучшить состояние БДД.

Таким образом, в историческом аспекте российского правового регулирования в области ДД можно выделить отдельные исторические периоды, имеющие свои особенности. В них отражаются развитие транспортной инфраструктуры в Российском государстве по мере зарождения автомобильного движения, концепции формирования и совершенствования административных функций полиции-милиции и правовые отношения по обеспечению БДД. Каждому периоду присуща определенная практика деятельности правоохранительных органов по обеспечению БДД и пешеходов. Следует подчеркнуть, что на всех этапах развития Российского государства возникает объективная необходимость совершенствования нормативной регламентации сферы дорожного движения. И настоящее время – не исключение, формирование полноценной системы безопасности дорожного движения – залог безопасности общества и граждан.

Литература

1. Войтенков Е.А. Эволюция системы безопасности дорожного движения в России // Транспортное право. 2009. № 2.
2. Гирько С.И. и др. Органы внутренних дел Российской империи. Т. 1. М.: ВНИИ МВД России, 2002.
3. История органов внутренних дел России. Вып. 7: сб. науч. тр. М.: ВНИИ МВД России, 2003.
4. Ковальчук О.А. Ретроспектива государственного регулирования безопасности дорожного движения в имперский период России (середина XVII века до 1917 года) // Административное право и процесс. 2016. № 2.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1.
6. О безопасности: федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 50. Ст. 4873.
7. Обзор деятельности государственных автомобильных предприятий Республики за пять лет (1918-1923 гг.). М., 1923.
8. О введении в действие Кодекса РСФСР об административных правонарушениях: постановление ВС РСФСР от 20 июня 1984 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. № 27. Ст. 909.
9. О правилах дорожного движения: постановление Совета министров РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 // САПП РФ. 1993. № 47. Ст. 4531.
10. О Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в России на 1996-1998 годы»: постановление Правительства РФ от 7 июня 1996 г. № 653 // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 3017.
11. О Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах»: постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 100 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 9. Ст. 1020.
12. О Федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013-2020 годах»: постановление Правительства РФ от 3 октября 2013 г. № 864 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 41. Ст. 5183.

УДК 342.951

**ИННОВАЦИОННЫЕ РЕШЕНИЯ ПО РЕАЛИЗАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ШТРАФА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ
ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ**

Дмитрий Николаевич Шевырёв, адъюнкт Дальневосточного
юридического института МВД России

E-mail: shevyrevdmityr@gmail.com

В статье рассматривается административный штраф как правовое орудие, способное упорядочить отношения в сфере обращения лекарственных средств. На основе анализа статистических данных и зарубежного опыта выдвигается предложение по внедрению совокупного управленческого инструментария в отечественное законодательство.

Ключевые слова: административный штраф; административная ответственность; фармацевтическая деятельность; производство лекарственных средств; правовые инновации.

**INNOVATIVE SOLUTIONS FOR THE IMPLEMENTATION
ADMINISTRATIVE FINES IN THE FIELD OF DRUGS**

Dmitry Nicolayevich Shevyrev, post graduate of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

The article deals with the administrative penalty as a legal weapon that can streamline relations in the field of medicines. Based on the analysis of statistical data and international experience put forward a proposal for the introduction of the aggregate management tools in domestic legislation.

Keywords: administrative penalty; administrative liability; pharmaceutical activity; manufacturing drugs; legal innovations.

Тенденции развития современного Российского государства прямо взаимосвязаны с эффективностью государственного управления и далеко не всегда в полной мере отвечают ожиданиям. В рыночных условиях возникают повышенные требования к качеству решений, принимаемых государственно-властными структурами.

В целях создания конкурентоспособного, социально ориентированного государства необходимо быть восприимчивым к прогрессивным, коммуникационным решениям, которые будут обеспечивать общественное развитие. Оптимизация экономической политики и поддержание конкурентоспособности государства немислимы без изучения, анализа, адаптации и апробации положительного опыта решения проблем другими странами.

Именно таких взглядов придерживается Правительство Российской Федерации, о чем свидетельствует признание и постановка в качестве важнейшей задачи – присоединение России к Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР)*.

Вступление в ОЭСР предполагает принятие нормативно-правовой базы и ценностей, отражающих приверженность принципам открытой рыночной экономики и разделяемой странами-членами цели устойчивого развития, а также плюралистической демократии, основанной на верховенстве закона и соблюдении прав человека.

* URL: http://ar.gov.ru/ru/o_reforme/index.html

Совокупность национальной системы права Российской Федерации и международно-правовых обязательств, правовая культура российского общества и сложившаяся правовая практика, безусловно, требуют совершенствования.

В условиях стагнации российской экономики очевидна потребность в формировании новой модели ее развития, однако этот процесс не является односторонним и невозможен без реформ в сфере социальной политики государства*.

Консерватизм и уже ставшая традиционной бюрократия не обеспечивают развития в тех областях, где в этом ощущается необходимость. Отчетливо видно, что инновационные решения в большей степени реализуются в частном или промышленном секторе, в то время как сектор общественный остается без попечения. Целью инноваций в социальном кластере представляется не принципиальная возможность получения прибыли, а благосостояние общества, что, в свою очередь, положительно отразится на остальных отраслях, в том числе и финансовой.

В развитии государства обновление и усовершенствование взаимодействия воплощается посредством права. Соответственно инновация в праве представляет новые или изменяет устоявшиеся способы воздействия на различные общественные отношения, при этом ключевым параметром процесса нововведения являются позитивные изменения юридического регулирования.

Сфера здравоохранения является своего рода индикатором индустриального развития страны и требует к себе особого внимания. Правовые гарантии на реализацию естественного права каждого человека на охрану здоровья являются одной из важнейших целей, стоящих не только перед Российским государством, но и перед всем мировым сообществом.

В свою очередь, государственное регулирование в области обращения лекарственных средств выполняет важнейшую роль, поскольку значительная доля бюджета практически любой системы здравоохранения приходится на лекарственные средства [1, с. 18-20]. Отсутствие государственных гарантий соответствия лекарственных средств принятым стандартам лишает работоспособности всю систему здравоохранения и влечет за собой огромное количество негативных последствий.

Российский фармацевтический рынок представлен большим количеством предприятий – производителей лекарственных средств, организациями оптовой и розничной торговли лекарственными средствами, при этом уже на протяжении длительного времени отрасль находится в условиях постоянной реформы, характер которой во многом противоречив и излишне усложнен [2, с. 41-45].

Анализ показателей эффективности государственного управления в сфере обращения лекарственных средств отражает множество опасных проявлений, о которых говорят в профессиональной среде и научном сообществе, в частности это нарушение лицензионных требований [10].

С точки зрения публичных органов, использование принудительных средств воздействия должно достигать цели предупреждения противоправных деяний. В контексте избранной тематики, осуществление субъектом деятельности с нарушением лицензионных требований имеет своим следствием юридическую ответственность.

Не вдаваясь в теоретические изыскания, отметим очевидный факт – специфика отношений, подлежащих защите со стороны государства, через соотношение ценности блага – объекта посягательства и возможных или наступивших последствий находит свое выражение в санкции соответствующей правовой нормы.

Различные виды юридической ответственности (административной, уголовной, гражданской) в качестве меры наказания устанавливают штраф [9, с. 5]. Штраф реализует все характерные функции других видов наказания, при этом его правовая природа является темой для дискуссии. Ряд высказываемых мнений отражает точку зрения, при-

* URL: <http://pronedra.ru/macroeconomics/2015/11/18/ulyukaev-vvp-rossii>

знающую различия административного и гражданско-правового штрафа в части наличия в первом компенсационной, или восстановительной, функции [6, с. 35; 7, с. 28].

В некоторых исследованиях административный штраф отождествляют с законодательно установленным ограничением имущественного права, понуждающего к правомерному поведению [4], или же выделяют материальную составляющую как санкцию за совершение правонарушения, предусмотренного КоАП РФ, выражающуюся в принудительном взыскании денежных средств в доход государства.

В соответствии с действующим законодательством административным штрафом признается денежное взыскание, выражаемое в национальной валюте Российской Федерации. Несмотря на то, что подобная лаконичность законодателя предполагает возможность субъективной трактовки конкретной правовой нормы [3, с. 96], существенное количество дифференцированных изменений законодательства довольно подробно предписывает ее реализацию.

В настоящее время исчисление административного штрафа, помимо базового способа – суммы в рублях, устанавливается еще двенадцатью способами и в ряде случаев требует сложных математических операций, сопряженных с привлечением специалистов.

Отношения, охраняемые законом, и их ценность не всегда осознаются субъектами правоотношений ввиду отсутствия конкретного размера наказания, определенного санкцией, и сложного порядка определения суммы административного штрафа. В этих обстоятельствах наказание не реализует законодательно установленной задачи по предупреждению правонарушений, что отражает безусловную необходимость такого рода инструмента, как административный штраф, и сложности, возникающие при его применении.

С правовой точки зрения любые процессы целесообразнее исследовать через призму официальных данных, даже если степень их достоверности не всегда коррелирует с реальной картиной мира и экспертными оценками. Такой подход позволяет на качественном уровне давать оценку происходящим процессам, что является важным условием при разработке и внедрении инновационных схем.

Итак, ответственность за нарушение лицензионных требований и условий при осуществлении предпринимательской деятельности установлена ст. 14.1 КоАП РФ. Важно отметить, что под грубым нарушением, указанным в ч. 4 названной статьи, понимается невыполнение лицензиатом ряда требований, предусмотренных Положением о лицензировании фармацевтической деятельности [8]. В официальной отчетности Росздравнадзора такие нарушения относятся к ряду «типичных нарушений», выявляемых при проверках (например, несоблюдение правил хранения лекарственных средств и т.д.).

В результате по искам лицензирующих органов в связи с обозначенными нарушениями, совершаемыми отдельными субъектами предпринимательской деятельности, судебными органами за 2013-2014 гг. наложено административных штрафов в сумме 32915, 9 тыс. руб., при этом средняя сумма штрафа на организацию не превышает 11 150 руб. Кроме того, взыскание денежных средств составляет 77,4%, что говорит о неэффективности его реализации.

Несомненно, процесс определения размера административного штрафа должен учитывать все обстоятельства совершения правонарушения. Объективность, понятность и открытость процедуры привлечения к административной ответственности являются первоочередной целью деятельности органов публичной власти.

В правовой науке высказывалось мнение о необходимости внедрения методики определения размера наказания через наложение на минимальный штраф повышающих коэффициентов, отражающих обстоятельства совершения правонарушения. Это означает буквально следующее: например, при являющемся правонарушении одним из таких показателей для определения базовой суммы штрафа может быть применен срок, в те-

чение которого длилось нарушение, т.е. коэффициент времени, который может быть установлен условно в 2,5% от минимального размера штрафа, предусмотренного в санкции нормы [5, с. 92].

По нашему мнению, данная методика, безусловно, заслуживает внимания, наличие конкретной детализирующей формулы обеспечит исполнение принципа соразмерности административного наказания совершенному деянию и будет способствовать оздоровлению органов юрисдикции через сужение дискреции.

Статические данные в отношении действующих лицензиатов, осуществляющих фармацевтическую деятельность в масштабах Российской Федерации, показывают, что даже из небольшого процента проверенных организаций (всего 8% от общего числа лицензиатов) каждая вторая нарушает законодательство, регламентирующее фармацевтическую деятельность*.

В отношении производителей лекарственных средств для медицинского применения, Минпромторг России отказал в предоставлении (переоформлении) лицензии 26 предприятиям на основании результатов проверок лицензионных требований, а также на основании того, что в представленных документах имелась искаженная или недостоверная информация. При этом за 5 лет лицензионная деятельность прекращалась только по инициативе предприятия (22 организации)** . Это означает, что регулятор с особым вниманием относится к процедуре аннулирования лицензий и заинтересован в эффективном взаимодействии с производителями лекарственных средств.

Учитывая сложившуюся ситуацию, государству необходимо использовать новые управленческие решения, способные обеспечить административное давление на организации, по различным причинам допускающие нарушения правовых норм, и в то же время не скатиться к репрессиям по отношению к бизнесу, оставив его на рынке. Такой своеобразный компромисс, на наш взгляд, будет также способствовать улучшению инвестиционного климата.

В связи с этим административный штраф выглядит одним из самых привлекательных правовых орудий, способных упорядочить общественные отношения в рыночных условиях.

Объективно, производственный кластер зарубежных стран, занимающих ведущее положение в мировой экономике, находится на другом уровне развития, что позволяет ориентироваться на него не только в области фармацевтики, но и в сфере управления.

Так, например, в Соединенных Штатах Америки одной из административных мер в отношении производителей, обеспечивающих приведение фармацевтического продукта в соответствие с требованиями законодательства, является назначение судом выплаты – возмещения. За несвоевременное устранение указанных недостатков предусматривается либо выплата процентов с продаж (*Abbot* – 16%, *Wyeth* – 18,5%, *Schering* – 24,6%), либо ежедневная выплата фиксированной суммы. И та и другая выплачиваются до достижения соответствия фармацевтической продукции всем необходимым требованиям. Конечно, в зависимости от категории правонарушения орган юрисдикции может использовать более жесткие административные меры, где размеры выплат могут достигать существенных сумм (*Wyeth* – 30, *Abbot* – 100, *Schering* – 500 млн. дол.). Подобные выплаты лишают правонарушителя полученной нечестным путем прибыли, а также удерживают его от совершения в дальнейшем противоправных действий. Отметим, что размер возмещения не всегда напрямую связан с реституцией, и на практике назначаемая сумма выплат обычно достаточно велика для того, чтобы ответчик воспринял ее всерьез, но не предполагает полного изъятия прибыли, полученной с помощью небезупречного лекарственного средства [11].

* URL: <http://www.roszdravnadzor.ru/drugs/>

** Информационное письмо Минпромторга России (исх. №47196/19 от 6 ноября 2015 г.).

Без всякого сомнения, такой подход является превосходным инструментом, действие которого уже проверено на практике. Квинтэссенция системы реализуется через ступенчатость и последовательность действий государства по защите своих граждан от потенциально опасной продукции. Беспристрастное принуждение к исполнению закона обеспечивает единство требований к субъектам обращения лекарственных средств, что, в свою очередь, способствует оздоровлению конкуренции и развитию бизнеса.

На основе имеющихся сведений следует сделать вывод, что объединение зарубежных инструментов реализации соответствующих санкций с математической методикой определения размера административного штрафа принципиально возможно, а внедрение такой инновационной концепции в национальное право не препятствует реализации базовых принципов административной ответственности.

Фундаментальной целью применения административного штрафа является функционально-положительные изменения в поведении субъекта правонарушения. Выступая в качестве внешнего средства побуждения к соблюдению действующего законодательства, демонстрируя неотвратимую реакцию государства на правонарушение в каждом конкретном случае, предложенная правовая концепция будет проявляться в формировании действенного механизма административного регулирования нового уровня.

Литература

1. Багирова В.Л., Шаназаров К.С., Ковалева Е.Л. Роль фармакопейного комитета и института стандартизации в государственной системе контроля качества лекарственных средств // Новая аптека. 2002. № 2.
2. Денисова М.Н., Соколова В.В. Структурные изменения на российском фармрынке в I квартале 2005 года // Ремедиум. 2005. № 7.
3. Дугенец А.С. Административно-юрисдикционный процесс: монография. М., 2003.
4. Кизилов В.В. Административная ответственность гражданских служащих России: взгляд в будущее. Саратов, 2011.
5. Логинова Е.С. Методика определения размера административного штрафа как способ обеспечения законности в административно-юрисдикционной деятельности, осуществляемой в сфере охраны атмосферного воздуха // Юридические записки. 2013. № 1.
6. Лукьянова Г.В. Административный штраф как вид административных наказаний: по материалам ОВД ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
7. Максимов И.В. Административный штраф: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995.
8. О лицензировании фармацевтической деятельности: постановление Правительства Российской Федерации от 22 декабря 2011 г. № 1081 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 1. Ст. 126.
9. Студеникина М.С. Основные новеллы Кодекса РФ об административных правонарушениях // Закон. 2002. № 7.
10. Шевырёв Д.Н., Тюкалова Н.М., Пятигорская Н.В. О некоторых вопросах соблюдения лицензионных требований к перевозке лекарственных средств в Российской Федерации // Ремедиум. 2014. № 12.
11. James R. Harris. Good Manufacturing Practices (GMPs) and Related FDA Guidelines // Pharmaceutical manufacturing handbook. 2008.

КРИМИНАЛИСТИКА. СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 343.985.1

О ТАКТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОДГОТОВКИ К ДОПРОСУ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ТЯЖКИХ И ОСОБО ТЯЖКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Елена Юрьевна Казачек, старший преподаватель;
Евгений Александрович Киселёв, заведующий криминалистической
лабораторией кандидат юридических наук, доцент
(Пятый факультет Института повышения квалификации Академии СК России)
E-mail: dobrychkaa@mail.ru
keajin@gmail.com

При совершении преступлений в отношении несовершеннолетних важнейшим первоначальным следственным действием является допрос потерпевшего. Подготовка к допросу данной категории лиц имеет ряд особенностей, которые необходимо учитывать при выборе тактики проведения допроса. От грамотной подготовки к проведению данного следственного действия нередко зависит результативность всего расследования по уголовному делу. Обобщение следственной практики позволило сформулировать рекомендации, направленные на совершенствование подготовки следователей к допросу несовершеннолетнего потерпевшего при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений.

Ключевые слова: допрос; несовершеннолетний потерпевший; подготовка к допросу; следователь; преступление; следственное действие.

ON THE TACTICAL FEATURES OF THE PREPARATIONS FOR THE INTERROGATION OF A MINOR VICTIM WHEN THE INVESTIGATION OF GRAVE AND ESPECIALLY GRAVE CRIMES

Elena Yurievna Kazachek, senior lecturer;
Evgeny Alexandrovich Kiselev, head of the forensic laboratory
Kandidat nauk degree in Law, associate professor
(Fifth faculty of Institute of improvement of professional skill of the Academy
of Investigatory committee of the Russia)

In the Commission of crimes against minors the most important initial investigation is the interrogation of the victim. Prepare for the interview this category of persons has a number of features that must be considered when choosing the tactics of interrogation. From proper training to conduct this investigation often depends on the effectiveness of the investigation in the criminal case. Study, generalization of investigative practices allowed to formulate recommendations aimed at improving the training of investigators to the interrogation of a minor loss-singing in the investigation of grave and especially grave crimes.

Keywords: questioning; juvenile victims; prepare for the interview; the investigator; crime; investigative action.

В соответствии с Конвенцией о правах ребенка [7] Президентом Российской Федерации перед обществом поставлена задача по формированию в России системы, обеспечивающей защиту прав каждого ребенка [9]. Для решения этой задачи в Российской Федерации должна быть создана система дружественного по отношению к ребенку правосудия. Одно из ведущих мест в этой системе занимают следственные органы Следственного комитета Российской Федерации, которые в своей деятельности обязаны обеспечивать права и свободы несовершеннолетних.

В связи с этим на следственные органы ложится дополнительная ответственность по сбережению от дальнейшего психического травмирования несовершеннолетних – жертв преступных посягательств в ходе производства предварительного следствия.

Особый порядок производства по делам в отношении несовершеннолетних, установленный уголовно-процессуальным законом, требует дополнительных гарантий их прав, так как основывается на социально-психологических, возрастных и других особенностях несовершеннолетних.

Наиболее распространенным первоначальным следственным действием, без которого не обходится расследование уголовного дела и которое позволяет следователю более полно восполнить событие совершенного преступления, является допрос потерпевшего.

Проведение допроса несовершеннолетнего без подготовительной стадии может свести его значимость к минимуму, а в иных случаях, в связи с невозможностью повторного проведения, – к безрезультативности. Здесь следует согласиться с мнением профессора Л.В. Бертовского, который отмечает, что вне зависимости от категории и сложности дела подготовительная стадия допроса является самой ответственной. На данной стадии принимается решение о проведении допроса, осуществляется его организационно-техническое обеспечение, изучаются имеющиеся нормативные материалы, методическая, справочная и иная литература; проводятся мероприятия, направленные на установление основных характеристик допрашиваемого и предмета допроса; определяются временные и пространственные координаты допроса, состав участников; осуществляется планирование допроса; определяется имидж следователя и порядок вызова на допрос [1, с. 32].

Анализ следственной практики, а также проведенный опрос сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации показывает, что, как правило, следователь ограничен во времени подготовки допроса*. Поэтому видится, что предложенная ниже структура первоначального этапа допроса позволит следователю выработать собственный подход к осуществлению данного следственного действия.

Подготовительная стадия допроса строится с учетом следующих факторов, влияющих на его результативность: безотлагательность данного следственного действия; физическое и психо-эмоциональное состояние ребенка; невозможность в некоторых случаях повторного проведения.

С учетом этих факторов в подготовительную стадию допроса несовершеннолетнего представляется возможным включить следующие элементы [3, с. 90-94]:

1. Установление цели, задач и предмета допроса несовершеннолетнего на основе имеющихся данных по уголовному делу. В связи с тем, что допрос является одним из значимых на первоначальном этапе расследования следственных действий, целесообразнее его проводить только после получения показаний от взрослых лиц и изучения иных данных, имеющихся в деле. В связи с временными ограничениями в проведении допроса несовершеннолетнего такой подход позволит следователю не только сформи-

* Опрос проводился с 18.01.2014 по 25.12.2015 среди слушателей курсов повышения квалификации Пятого факультета повышения квалификации (с дислокацией в г. Хабаровске) ИПК ФГКОУ ВО «Академия СК России». Опрашивались следователи и руководители следственных отделов СУ СК России по ДФО. Всего было опрошено 150 сотрудников.

ровать вероятные версии происшедшего, подобрать соответствующие тактические приемы, восполнить недостающую информацию, но и рационально распределить усилия, направленные на решение поставленных задач.

2. Изучение личности допрашиваемого несовершеннолетнего. Криминалистический и педагогический аспекты изучения личности несовершеннолетнего преследуют цель получения полной информации о допрашиваемом, которую следователь использует для прогнозирования его поведения в соответствующей следственной ситуации, установления психологического контакта и избрания верной тактики допроса несовершеннолетнего.

Реализация данного элемента в подготовительной стадии допроса осуществляется посредством получения следователем консультации у специалиста в области детской психологии и педагогики, что будет способствовать не только установлению с несовершеннолетним психологического контакта и расположению его к себе, но и позволит уберечь его от дальнейшего психического травмирования при воспоминании происшедшего события.

В качестве положительного примера такого взаимодействия со специалистами в области детской психологии и педагогики необходимо отметить создание в Хабаровском крае в 1993 г. распоряжением губернатора Хабаровского края Краевого центра охраны психосоматического здоровья детей и подростков (ныне – Краевой центр психолого-медико-социального сопровождения). Министерство образования и науки Хабаровского края 12 апреля 2013 г. подписало Соглашение об организации информационного взаимодействия со Следственным управлением Следственного комитета РФ по Хабаровскому краю и Центром по фактам нарушения прав, свобод и законных интересов детей, об оказании помощи детям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, в том числе несовершеннолетним участникам уголовного судопроизводства, а также об участии в следственных действиях, проводимых следователями Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Хабаровскому краю с участием несовершеннолетних [5, с. 99].

3. Планирование времени допроса, при котором необходимо учитывать следующее: допрос несовершеннолетнего потерпевшего в ночное время запрещен; время проведения допроса должно соответствовать его возрастным особенностям; вызов несовершеннолетних на допросы должен осуществляться в свободное от обучения время.

4. Выбор места проведения допроса несовершеннолетнего потерпевшего. При этом желательно обеспечить условия, создающие атмосферу доверия. Порядок оформления такого места предложен в приказе Следственного комитета Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 19 [8]. Данный приказ может быть взят за основу оборудования помещений для производства следственных действий с участием несовершеннолетних потерпевших с соответствующей обстановкой (детская мебель, игрушки, куклы, в том числе анатомические), что будет способствовать достижению более полного психологического контакта следователя с потерпевшим [2, с. 176-179].

5. Привлечение в необходимых случаях к участию в допросе специалиста (педагога, психолога), родителей и иных законных представителей, других авторитетных для подростка лиц.

6. Техническое обеспечение допроса. Применение технических средств при допросе позволит в дальнейшем избежать возможности изменения несовершеннолетним потерпевшим своих показаний, а также использовать результаты проведенного следственного действия в судебном заседании без дополнительного вызова несовершеннолетнего в суд. Включение данного элемента в подготовительную стадию допроса возлагает на следователя не только подготовку самих технических средств, но и соблюдение процессуального порядка их использования в следственных действиях [6, с. 217-221].

7. Подбор тактических приемов допроса несовершеннолетнего потерпевшего. К данному моменту подготовки следственного действия следует отнести особенно

вдумчиво. Анализ следственной практики показывает, что следователи недооценивают значение этого элемента подготовки к допросу, ограничиваясь свободным рассказом несовершеннолетних потерпевших о происшедших событиях. В конечном итоге «следственные огрехи», допущенные при таком допросе, не всегда представляется возможным восполнить.

Все тактические приемы, используемые при допросе несовершеннолетних потерпевших, имеют свою специфическую задачу, так как они направлены на достижение определенных целей. К тактическим приемам, используемым при допросе, относят: установление психологического контакта с несовершеннолетним, актуализацию его памяти, разоблачение лжи и устранение искажений при добросовестном заблуждении.

Правильно подобранные тактические приемы, направленные на установление с несовершеннолетним потерпевшим психологического контакта, позволят следователю не только подготовить его к предстоящему общению, но и снять предубеждение и настороженность, а также облегчить понимание целей и задач проведения данного следственного действия. Для этого следователю необходимо использовать информацию, полученную при подготовке к допросу, и в ходе проведения следственного действия избрать следующую тактику [1, с.65]:

- во-первых, создать доброжелательную обстановку самого допроса, в ходе которого проявлять искренний интерес к допрашиваемому. Вести разговор в кругу его интересов;

- во-вторых, допрос вести в корректной форме, учитывая, что следователь – должностное лицо, выполняющее важные функции, но вместе с тем демонстрировать доброжелательность;

- в-третьих, в ходе общения называть несовершеннолетнего потерпевшего по имени. Внимательно слушать и кивком головы поощрять его рассказ о себе. Вызвать у несовершеннолетнего интерес к следователю как собеседнику по общению;

- в-четвертых, выслушивать мнение несовершеннолетнего до конца;

- в-пятых, провести с несовершеннолетним потерпевшим предварительную беседу на тему, не связанную с допросом;

- в-шестых, в случае необходимости, обращать внимание несовершеннолетнего потерпевшего на логику изложения;

- в-седьмых, до начала допроса разъяснить несовершеннолетнему потерпевшему цели и задачи допроса.

Результатом правильно избранной тактики будет создание такой обстановки, которая вызовет интерес у несовершеннолетнего потерпевшего к допросу и его результатам, а также позволит ему почувствовать значимость своих показаний.

Помимо приемов, направленных на установление психологического контакта, следователю в период подготовки к допросу, учитывая индивидуально-психологические особенности несовершеннолетнего, его психическое состояние на момент допроса, жизненный опыт и другое, надлежит подобрать тактические приемы, направленные на получение максимально достоверной информации о происшедших событиях.

Одной из самых важных задач следователя при допросе несовершеннолетних потерпевших является подбор и применение тактических приемов, направленных на оказание помощи несовершеннолетнему по воспоминанию случившегося. Активизировать память несовершеннолетнего возможно с использованием трех видов ассоциаций: по смежности, сходству и контрасту. Активизация памяти ассоциаций по смежности позволит несовершеннолетнему вспомнить события или действия, идущие последовательно, между которыми существует связь; ассоциация по сходству дает возможность несовершеннолетнему вспомнить сходный объект; ассоциация по контрасту – вспомнить при восприятии какого-либо предмета или события, отличающегося прямо противоположными признаками.

Тактические приемы, направленные на актуализацию памяти несовершеннолетнего, включают:

1) постановку напоминающих вопросов (следователь задает несовершеннолетнему несколько напоминающих вопросов в хронологической или логической последовательности об обстоятельствах предшествующих, сопутствующих или следующих за событием преступления);

2) демонстрацию вещественных доказательств (во время демонстрации следователем того или иного доказательства несовершеннолетний узнает предъявленный ему предмет, воспринятый им, и вспоминает забытые ранее обстоятельства, связанные с ним);

3) демонстрацию материализованной информации (следователь в ходе допроса использует фоторобот разыскиваемого лица, рисованный портрет подозреваемого, атласы с рисунками элементов внешности человека, альбомы образцов различных видов одежды и др.);

4) использование художественных способностей несовершеннолетнего (следователь предлагает несовершеннолетнему изобразить воспринятый им ранее предмет или ситуацию);

5) оглашение показаний ранее допрошенных и др.

Таким образом, указанные выше тактические приемы могут способствовать восполнению в памяти несовершеннолетнего забытых обстоятельств и получению полных и достоверных показаний.

Кроме того, при подготовке к допросу несовершеннолетнего необходимо предусмотреть использование тактических приемов, направленных на разоблачение лжи и устранение искажений при добросовестном заблуждении. Такими приемами могут быть: 1) допущение легенды; 2) вызов; 3) внезапность; 4) последовательность; 5) отвлечение внимания; 6) форсированный темп; 7) замедленный темп; 8) инерция; 9) использование «слабых» мест личности несовершеннолетнего; 10) создание состояния напряжения; 11) создание определенного представления об осведомленности следователя; 12) повторность и др.

Но далеко не всегда несовершеннолетний, давая показания, лжет. Очень часто в показаниях несовершеннолетнего могут быть обнаружены искажения, являющиеся результатом добросовестного заблуждения.

Тактические приемы, направленные на устранение лжи, должны включать: 1) постановку дополнительных вопросов; 2) постановку контрольных вопросов; 3) демонстрацию вещественных доказательств и др.

Соблюдение указанных требований повышает эффективность и качество допросов несовершеннолетних свидетелей, способствует получению от них достоверных показаний.

Заключительным элементом подготовительной стадии допроса несовершеннолетнего является составление плана допроса. При составлении плана учитываются элементы подготовительной стадии допроса, а также формулируются вопросы, подлежащие выяснению, и их последовательность, определяются доказательства, подлежащие предъявлению, порядок их предъявления, а также технические средства, используемые при допросе.

Определяя последовательность вопросов, следует учитывать, что сначала задаются благоприятные для несовершеннолетнего вопросы, не вызывающие отрицательной реакции, затем – нейтральные, в конце допроса задаются самые важные вопросы. Вопросы должны быть максимально упрощены, они должны быть ясны и понятны для несовершеннолетнего, не содержать, по возможности, специальных юридических терминов [4, с. 43].

Особую роль в подготовительной стадии допроса несовершеннолетнего потерпевшего играет эмоциональный настрой следователя. Следователь должен настроить

себя на доверительный разговор с ребенком, избегать внушающего воздействия на несовершеннолетнего интонацией своего голоса, мимикой выражать удовольствие, разочарование или удивление ответами.

Предлагаемый подход к подготовительной стадии допроса несовершеннолетнего потерпевшего позволит создать стройный алгоритм действий в ситуации необходимости проведения допроса. Тщательная подготовка следователя, как известно, позволяет грамотно реализовать все стадии следственного действия, подробно выяснить обстоятельства, подлежащие установлению по делу, и достичь главной цели уголовного судопроизводства – защиты личности от преступных посягательств, а также обеспечить права и свободы несовершеннолетнего.

Литература

1. Бертовский Л.В. Допрос. Тактика и технологии. М.: Экзамен, 2015.
2. Галкин Д.В. Использование зеркала Гезелла при расследовании преступлений, связанных с насилием над детьми // Криминалистика – прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития: мат-лы междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики (г. Москва, 16 октября 2014 г.). М.: Академия СК России, 2014.
3. Казачек Е.Ю. Организационно-тактические особенности допроса по уголовным делам с участием несовершеннолетних // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения: сб. науч.-практ. тр. М., 2013. Вып. 1.
4. Казачек Е.Ю., Киселёв Е.А. Некоторые аспекты подготовки к допросу несовершеннолетнего потерпевшего // Российский следователь. 2015. № 11.
5. Ким Е.П., Киселёв Е.А. Некоторые аспекты создания механизма социальной реабилитации несовершеннолетних, пострадавших от насилия (по материалам Хабаровского края) // Противодействие преступлениям, совершаемым несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Москва, 13 февраля 2015 г.) / под ред. А.И. Бастрыкина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
6. Киселёв Е.А. О тактических особенностях применения технико-криминалистических средств при расследовании насильственных преступлений // Деятельность правоохранительных органов по обеспечению законности и правопорядка в Азиатско-Тихоокеанском регионе: проблемы и перспективы: сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: ДВЮИ МВД России, 2015.
7. Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г. (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.
8. Об оборудовании специальных помещений для производства в Следственном комитете Российской Федерации следственных и иных процессуальных действий с участием несовершеннолетних: приказ Следственного комитета РФ от 3 марта 2015 г. № 19. URL: <http://www.pravo.ru>
9. О национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы: указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 2994.

УДК 343.9

СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И (ИЛИ) СБОРОВ С ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

Андрей Александрович Коновод, руководитель Следственного управления
СК России по Еврейской автономной области

E-mail: drednout75@mail.ru

В статье рассматриваются особенности и содержание способа совершения уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, его место в криминалистической характеристике и роль в расследовании указанных преступлений.

Ключевые слова: уголовно-правовая характеристика; способ совершения преступления; криминалистическая характеристика преступления; уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица; расследование преступлений; предмет доказывания; следственные версии.

WAY OF COMMISSION OF CRIME AS A COMPONENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTIC OF EVASION OF TAXES AND (OR) COLLECTING FROM THE NATURAL PERSON

Andrey Aleksandrovich Konovod, head of Investigative management
Investigative committee of the Russia on Jewish Autonomous Oblast

In article features and the maintenance of a way of commission of evasion of taxes and (or) collecting from the natural person, his place in the criminalistic characteristic and a role in investigation of the specified crimes are considered.

Keywords: criminal and legal characteristic; way of commission of crime; criminalistic characteristic of a crime; evasion of taxes and (or) collecting from the natural person; investigation of crimes; proof subject; investigative versions.

Проводя сравнительно-правовое исследование таких основополагающих для расследования преступлений категорий, как уголовно-правовая и криминалистическая характеристики, приходим к обоснованному выводу о том, что первая из них важна для разрешения вопросов квалификации содеянного. Квалификацию преступлений «начинают с анализа объекта посягательства, затем выделяют признаки самого деяния, т.е. определяют рамки и содержание объективной стороны. Далее выделяют все признаки субъекта преступления и содержание субъективной стороны (форма вины, мотив и цель). Данная схема позволяет установить сходство либо различие как между совершенным деянием и юридической моделью, так и между смежными деяниями, внешне схожими по ряду признаков» [13, с. 16].

Что касается криминалистической характеристики преступлений, то она указывает на существенные стороны преступления (является описанием на основе выявления закономерностей при обобщении практики [15, с. 24], типичного для преступления, относится к уровню общего) и в связи с этим необходима для повышения эффективности расследования того или иного преступления. «Способствуя выявлению оптимальных путей и способов расследования, криминалистическая характеристика не может быть ничем иным, как только основополагающим, отправным положением в структуре частной методики расследования. На нее должны опираться методические рекомендации» [11, с. 133].

При расследовании преступления криминалистическая характеристика оказывается методическим началом (трафаретом, «накладываемым» на изучаемое событие) в выборе направления расследования, особенно на первоначальном этапе. С этой целью на первоначальном этапе, используя первичную информацию, а также дополнительные данные (если была предварительная проверочная деятельность), на основании имеющейся следственной ситуации выдвигаются возможные версии, составляется план расследования и производятся первоначальные следственные действия, оперативно-розыскные и регистрационные мероприятия, направленные на задержание и избличение лица, совершившего преступление [20, с. 80].

Криминалистическая характеристика является базовым понятием в методике расследования отдельных видов преступлений. Несмотря на длительное изучение данной проблемы, она до настоящего времени остается дискуссионной. С одной стороны, можно отметить преувеличение роли и возможностей криминалистической характеристики в практике расследования преступлений [8, с. 20-25], с другой – мы вынуждены констатировать, что некоторые исследователи, активно занимавшиеся изучением данной проблемы, пришли к пессимистическому выводу о бесперспективности рассматриваемого аспекта криминалистической науки.

Данная дискуссия отразилась и на понятийном аппарате – на сегодняшний день в науке нет даже единого подхода к определению понятия «криминалистическая характеристика преступления» [4, с. 15]. Удачным представляется определение криминалистической характеристики как информационной [19, с. 24] категории, отражающей свойства и признаки преступлений определенной классификационной группы, имеющие значение для расследования [1, с. 65].

Но не только определение понятийного аппарата в данной сфере является спорным. Дискуссионным в настоящее время остается вопрос о данных (элементах) криминалистической характеристики преступления [6, с. 225; 2, с. 72; 3, с. 2-3], то есть ее составляющих, которые в своей совокупности и корреляциях определяют ее содержательную структуру, изучение последней необходимо для лучшего понимания сущности криминалистической характеристики преступлений. Отсутствие универсальной модели стало следствием различия в криминалистически значимых данных (элементах) для каждой отдельно взятой группы уголовно наказуемых деяний. Там, где важным будет являться один набор информации о преступлении, в другом случае он может потребовать существенной корректировки.

По мнению Н.Г. Шурухнова, «структуру общей криминалистической характеристики образуют данные о материальных следах преступления; способе совершения и сокрытия преступления; месте и времени совершения преступления; механизме совершения преступления; об обстановке совершения преступления; о предмете преступного посягательства; наиболее распространенных целях и мотивах совершения преступления; личностных свойствах субъекта преступления; личностных свойствах потерпевшего; об обстоятельствах, способствующих совершению преступления, и др.» [25, с. 23].

Не вдаваясь в полемику по поводу содержания криминалистической характеристики преступления, скажем только о том, что вряд ли правильно ограничиваться лишь материальными следами преступления и исключать данные о подготовке к совершению противоправного деяния.

Как нам представляется, содержание криминалистической характеристики должно быть опосредовано предметом доказывания [23, с. 48] с учетом особенностей расследования той или иной категории преступлений. Мы убеждены, что наличие конкретных данных (элементов) криминалистической характеристики тогда будет обосновано и целесообразно, когда они, на основе корреляций, позволят установить обстоятельства происшедшего и причастное к этому лицо.

Вопрос о том, какие данные (элементы) должны составлять структуру криминалистической характеристики уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического ли-

ца, однозначного разрешения в теории криминалистики также не нашел. Существует некоторое количество мнений по данной проблематике [14, с. 17-31; 12, с. 588-593].

С учетом результатов ранее проведенных исследований, анализа материалов уголовных дел мы предлагаем включить в криминалистическую характеристику рассматриваемого преступного посягательства данные о подготовке к совершению преступления; способах совершения преступления; об обстановке совершения преступления; о следах совершения преступления; свойствах личности субъектов, осуществляющих уклонение от уплаты налогов и (или) сборов.

При этом следует отметить не только наличие некоторой совокупности составляющих криминалистической характеристики, но и их взаимосвязь [22, с. 3], которую, бесспорно, требуется учитывать для правильного анализа рассматриваемого явления. Криминалистическая характеристика должна формироваться как систематизированное описание ее составляющих, имеющее конечной целью создание необходимых предпосылок для эффективного расследования. Мы убеждены, что наполнение составляющих криминалистической характеристики не должно быть хаотичным, более того, они должны иметь корреляции с другими данными таким образом, чтобы знание одних позволяло выяснить другие, неизвестные обстоятельства, находящиеся с первыми в закономерной связи. Кроме того, следует помнить, что содержание составляющих криминалистической характеристики определяется спецификой преступлений той или иной категории.

Способ совершения преступления относится к предмету доказывания, является базой для выдвижения версий, что особенно важно при раскрытии преступления [5, с. 36; 21, с. 149]. Обладая знаниями о типичных способах совершения преступлений определенной категории и накладывая их на известные нам обстоятельства совершенного преступления, мы можем построить примерную модель конкретного деяния, предположить систему действий субъекта и с учетом этого определить механизм следообразования, пути и способы расследования.

При этом верным представляется утверждение [9, с. 16], что, являясь наиболее значимым признаком объективной стороны состава преступления, способ совершения преступления, при отсутствии его определения в уголовном законе, имеет различные трактовки, которые вызывают научные дискуссии.

Мы склонны рассматривать способ как некую систему детерминированных действий, направленных на совершение и сокрытие преступления и связанных с использованием соответствующих орудий и средств, необходимых для реализации преступного замысла.

Эти данные являются одними из самых важных в системе криминалистической характеристики, так как оставленные специфические следы являются основным источником сведений о качественной стороне преступного поведения правонарушителей. Не случайно исследователи [24, с. 48] отмечают, что способ совершения преступления содержит наибольший объем информации, позволяющий ориентироваться в существе и особенностях совершенного преступления, его обстоятельствах, круге лиц, среди которых следует искать преступника.

Относительно способа уклонения от уплаты налогов в юридической литературе учеными и практиками высказываются различные точки зрения, где ведется речь о десятках, а порой и сотнях различных способов [16, с. 199; 7, с. 29]. Их содержание в ряде случаев носит весьма обобщенный характер, что не может в достаточной степени показать механизм совершения налогового преступления.

Применительно к уклонению от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица мы, с учетом проведенных исследований, склонны выделить следующие тенденции: 1) очевидность факта совершенного преступления; 2) несложность способа совершения преступления; 3) действия по сокрытию совершенного деяния.

Говоря о способах совершения уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физических лиц, необходимо отметить, что криминалистическая доктрина пока еще не выработала их единой классификации. Несмотря на многообразие существующих по данному вопросу точек зрения, отметим лишь некоторые из них. Так, известный специалист в области налогового законодательства И.И. Кучеров выделяет такие способы уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, как:

- 1) открытое игнорирование налоговых обязанностей;
- 2) выведение субъекта налогообложения из-под налогового контроля;
- 3) неотражение результатов финансово-хозяйственной деятельности в документах бухгалтерского (налогового) учета;
- 4) маскировка или искажение объекта налогообложения;
- 5) искажение экономических показателей, позволяющих уменьшить размер налогооблагаемой базы;
- 6) использование необоснованных изъятий и скидок [17, с. 215-216].

Другой позиции придерживаются Е.П. Ищенко и К.А. Пирцхалава, предлагающие рассматривать способы совершения налоговых преступлений, в том числе уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физических лиц, в зависимости от уровня организации и преступной квалификации виновных лиц. Авторы выделяют следующие способы совершения преступления:

- 1) утаивание финансово-хозяйственных операций; обман налоговых органов; уничтожение учетных документов;
- 2) отражение в бухгалтерской документации вымышленной финансово-хозяйственной деятельности (вуалирование); осуществление неправильных бухгалтерских проводок; искажение финансовой отчетности и ведение «двойной» бухгалтерии;
- 3) одновременное утаивание и вуалирование криминалистически значимой информации [12, с. 592-593].

Мы считаем необходимым согласиться с мнением Н.Е. Мерецкого, который отмечает, что основным источником информации о совершенном преступлении являются налоговая декларация и документы, которые в соответствии с законом подтверждают доходы и (или) расходы (социальные, имущественные вычеты) налогоплательщика [21, с. 152].

Итак, предпринятый анализ научных исследований, уголовного законодательства, проведенное обобщение правоприменительной практики позволяют сделать следующие выводы.

1. Несмотря на указанное многообразие способов совершения рассматриваемого преступления, все они должны быть разделены на две группы, исходя из характера действий преступника. Так, диспозиция ст. 198 УК РФ четко указывает на то, что уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица может быть осуществлено двумя основными способами: 1) непредставлением налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным; 2) включением в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений. Включение законодателем способа в статью Особенной части УК РФ требует при расследовании данного преступления доказывать именно предусмотренный вариант противоправной активности или бездействия субъекта.

К сожалению, многие исследователи не учитывают этого законодательного аспекта и в качестве способов уклонения от уплаты налогов называют некоторые виды противоправной деятельности, которые по своему характеру либо предшествуют непосредственному совершению преступления (например, уклонение от регистрации в налоговых органах), либо имеют место в процессе (подготовка фиктивных документов) или после его совершения (уничтожение учетных документов как вариант сокрытия противоправной деятельности).

Непредставление налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным, осуществляется путем фактического отказа налогоплательщика – физического лица в установленный законом срок представить налоговую декларацию и иные необходимые документы в налоговый орган. При этом сам по себе факт непредставления этих документов еще не является преступным. Для констатации факта уклонения от уплаты налогов и (или) сборов посредством данного способа требуется наличие дополнительных условий, к числу которых относятся: истечение срока для представления декларации; истечение срока уплаты соответствующего налога; наличие возможности представить декларацию; действия налоговых органов, побуждающие к представлению декларации и иных обязательных документов; фактическая неуплата налога [10, с. 470]. К сказанному можно добавить и то, что использование названного способа уклонения от уплаты налогов свидетельствует об открытом игнорировании отдельными налогоплательщиками своих обязанностей перед бюджетом. В этой ситуации лицо даже не стремится ввести налоговые органы в заблуждение, а просто оставляет их в неведении [18, с. 77-110].

Другим названным в законе способом уклонения от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица является включение в налоговую декларацию или иные документы, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным, заведомо ложных сведений. При этом, как уже было отмечено ранее, заведомо ложные сведения, о которых идет речь в ст. 198 УК РФ, могут касаться не только данных о доходах и расходах налогоплательщика, но и другой информации, необходимой для правильного исчисления и уплаты налога.

2. Несмотря на то, что закон содержит исчерпывающий перечень способов совершения данного налогового преступления, достижение преступного результата возможно посредством применения и других способов, однако последние по своей криминалистической природе будут являться разновидностями тех способов уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, которые названы в ст. 198 УК РФ. Поэтому мы склонны вести речь о разновидностях содержания и непосредственного проявления тех способов уклонения, которые нашли свое закрепление в УК РФ.

В качестве примера приведем следующие рассуждения. В статье 198 УК РФ предусмотрен такой способ совершения преступления, как включение в налоговую декларацию заведомо ложных сведений. Такие действия могут быть реализованы посредством занижения прибыли [2, с. 126] или завышения материальных затрат, которые понесло лицо в ходе своей деятельности. Например, включение в затраты материала заказчика; составление подложных документов на списание материалов; завышение в накладных цен приобретенных товаров; включение в ведомости на получение заработной платы подставных лиц; включение в затраты отчетного периода предполагаемых затрат; включение стоимости основных средств в стоимость малоценных и быстроизнашивающихся предметов с упрощенным порядком списания и т.д.

Опираясь на сказанное, мы склонны рассматривать под способом уклонения от уплаты налогов определенную совокупность действий (бездействий), совершенных физическим лицом, индивидуальным предпринимателем или представителем от их имени, направленных на умышленную неуплату предусмотренных законодательством налогов либо их части.

Литература

1. Александров В.И. Налоговые преступления: криминалистические проблемы расследования. СПб., 2002.
2. Александров И.В. Налоговое расследование: основы криминалистической методики: монография. М.: Юрлитинформ, 2012.

3. Атаманов Р.С. Криминалистическая характеристика мошенничества в онлайн-играх // Российский следователь. 2011. № 21.
4. Башкатов И.В. Террористические акции - угроза международному сообществу (криминалистическая характеристика преступлений как типовая информационная модель) // Международное уголовное право и международная юстиция. 2011. № 2.
5. Борин Б.В. Сходство и отличие оперативно-розыскной характеристики преступлений экономической направленности от других видов характеристик, используемых в криминальных науках // Российский следователь. 2014. № 6.
6. Гаджиев В.Э., Мкртычян Б.А. Уголовная ответственность за кражи скота и оперативно-розыскное обеспечение борьбы с ними. Новосибирск: Изд-во юрид. фак. НГАУ, 2011.
7. Гончаров С. Игра в семерочку // Совершенно секретно. 2001. № 12.
8. Густов Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
9. Данилова Б.Г., Цатурян Т.В., Саркисов Р.Р. Способ совершения преступления как квалифицирующий признак преступного деяния // Российский судья. 2013. № 10.
10. Жалинский А.Э. Комментарий к ст. 198 УК РФ // Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. 3-е изд., изм. и доп. М., 2000.
11. Зуев Е.И., Шурухнов Н.Г. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика (актуальные проблемы). М., 1988.
12. Ищенко Е.П., Пирцхалава К.А. Методика расследования налоговых преступлений // Криминалистика: учебник / под ред. Е.П. Ищенко. М., 2000.
13. Кадников Н.Г. Квалификация преступлений и вопросы судебного толкования. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2011.
14. Карякин В.В., Махов В.Н. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях. М., 2005.
15. Ключков В.В. Криминалистическая характеристика преступлений: состояние и перспективы исследований // Криминалистическая характеристика преступлений. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984.
16. Кузнецов А.П. Политика государства в налоговой сфере: уголовно-правовые средства и организационно-тактические методы. Н. Новгород, 1995.
17. Кучеров И.И. Налоги и криминал. М., 2001.
18. Кучеров И.И. Налоговые преступления: учеб. пособие. М., 1997.
19. Лузгин И.М. Некоторые аспекты криминалистической характеристики и место в ней данных о сокрытии преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984.
20. Мерецкий Н.Е. Значение первоначального этапа расследования преступлений // Организация деятельности органов расследования преступлений: управленческие, правовые и криминалистические аспекты (к 60-летию кафедры управления органами расследования преступлений): сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. М.: Академия управления МВД России, 2015. Ч. 2.
21. Мерецкий Н.Е. Влияние первоначальной информации на расследование преступлений, связанных с уклонением от уплаты налога на доходы физических лиц // Правопорядок в современном мире: актуальные проблемы обеспечения и охраны: сб. науч. тр. Хабаровск: ДВГУПС, 2016.
22. Платонова Л.В. Налоговая преступность: социально-психологическая и криминологическая характеристики. М.: Норма, 2005.
23. Радаев В. В. Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике: лекция. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987.
24. Хмыров А. А. Криминалистическая характеристика преступления // Криминалистическая характеристика преступлений: сб. науч. тр. М.: Всесоюзный ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. 1984.
25. Шурухнов Н.Г. Криминалистика. М., 2002.

УДК 343.985

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА В ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НАСИЛЬСТВЕННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ МАЛОЛЕТНИХ

Алексей Владимирович Черкашин, старший преподаватель
Дальневосточного юридического института МВД России
E-mail: xthrtcc@mail.ru

Автор в статье раскрывает обстановку, складывающуюся в сфере противодействия оперативных аппаратов органов внутренних дел преступлениям сексуального характера в отношении малолетних. Указывает на некоторые проблемы противодействия данным преступлениям и предлагает возможные пути решения существующих проблем.

Ключевые слова: основания проведения оперативно-розыскных мероприятий; административный надзор; эффективное противодействие; выявление преступлений.

TO A QUESTION ON THE GROUNDS OF OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE WORK OF THE CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENTS IN COMBATING VIOLENT CRIMES OF A SEXUAL NATURE AGAINST MINORS

Alexey Vladimirovitch Cherkashin, senior lecturer of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia

Author of the article reveals the situation that is taking shape in the area of combating the operational units of the Interior investigated crimes category. Points out some problems of counteraction to these crimes, and offers possible solutions to existing problems.

Keywords: foundation of operational and search activities; administrative supervision; effective counteraction; detection of crime.

Правильное толкование правоприменителем оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) важно не только для обеспечения законности их проведения, но и для дальнейшего использования результатов этих мероприятий в уголовном процессе, что, собственно, и является конечной целью их проведения [12]. Ведь в теории и практике судебно-следственной деятельности на протяжении длительного времени важное место занимает проблема легализации непроцессуальной (ориентирующей) информации. Это в первую очередь относится к процессуальному оформлению взаимодействия следователя и оперативного работника по использованию полученных в период реализации оперативно-розыскных мероприятий сведений в раскрытии и расследовании преступлений [5, с. 7]. Образно говоря, нужно не только знать название инструмента, но и уметь применить его по прямому назначению.

Законодатель в ст. 7 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД») [8] довольно полно указал основания проведения ОРМ. На первом месте в перечне оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий законодатель не зря назвал наличие возбужденного уголовного дела, тем самым придав ему первостепенное значение.

Важным для практических работников явилось и законодательное закрепление такого основания, как поступление в орган внутренних дел информации о признаках противоправного деяния, о лицах, имеющих к нему отношение, и т.д. Данное основание позволяет проводить ОРМ по усмотрению сотрудников оперативных подразделений, не ограничиваясь наличием возбужденного дела или зарегистрированного факта противоправной деятельности. И это обстоятельство способствует повышению наступательности в борьбе с преступностью. В рамках данной статьи не имеет смысла перечислять подробно весь перечень оснований, тем более, что ее цель несколько иная, в основном касающаяся некоторых трудностей, возникающих у практических работников при осуществлении административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, при выявлении обстоятельств их преступной деятельности и последующем ее документировании. Поэтому более подробно остановимся на первых трех основаниях, указанных в ч. 1 ст. 7 ФЗ «Об ОРД».

Практически во всех предусмотренных законодателем основаниях необходимо наличие возбужденного уголовного дела либо дела оперативного учета, за исключением случаев поступления в ОВД информации о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении и лицах, причастных к указанному событию. А как быть в случае, когда на территории обслуживания оперуполномоченного проживает лицо, ранее судимое за совершение насильственного сексуального преступления в отношении малолетнего и находящееся под административным надзором? На каком основании проводить комплекс ОРМ, если отсутствует оперативная информация о подготовке лица к совершению преступления? А сбор оперативно значимой информации в отношении данной категории лиц посредством проведения комплекса ОРМ необходим, т.к. невозможно собрать нужную информацию без применения негласных мер. Как справедливо отмечает Н.Е. Мерецкий, «для упреждения действий лиц, осуществляющих подготовительные действия к совершению преступления, может применяться весь спектр ОРМ, в частности оперативно-тактические комбинации, познавательный смысл которых состоит в преодолении дефицита информации и расширении оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий» [6, с. 61, 72]. Ведь ни для кого не секрет, что данные преступления имеют важную особенность – отличаются стабильно высоким рецидивом. Согласно медицинским статистическим данным, лица, страдающие нарушением сексуального предпочтения, иначе говоря, педофилией, не оставляют своих «увлечений», стремятся реализовать сексуальные потребности при наступлении любого удобного случая*. И это стремление патологическое, постоянное. Кроме того необходимо учитывать, что данный диагноз ставится далеко не всем преступникам указанной категории. И причины тому разные, а основная – в подавляющем большинстве случаев не проводилась экспертиза в отношении обвиняемого. Из этого вытекает, что находящихся среди обычных людей преступников изучаемой категории неконтролируемое количество. Но даже при наличии указанного диагноза, данные лица вменяемы и, к сожалению, не подлежат изоляции от общества. Соответственно, они свободно проживают среди людей, их деятельность практически бесконтрольна, и вопрос об основаниях проведения ОРМ в отношении указанной категории лиц остается открытым, как и безопасность детей, попадающих в поле зрения данных индивидов. В данном случае традиционные способы сбора информации, такие как агентурный метод, малоэффективны, т.к. данная категория преступников предпочитает не распространяться о своих «увлечениях», поскольку в обществе превалирует резко негативное отношение к таким людям [11, с. 78-82].

По данным Уполномоченного РФ по правам ребенка П.А. Астахова, в 2014 г. на 35,6% выросло число детей, признанных потерпевшими от преступлений против половой неприкосновенности. В частности, пострадавших от понуждения к действиям сек-

* URL: <http://www.newsru.com/russia/04feb2015/udo.html> (дата обращения: 30.01.2016).

суального характера (ст. 133 УК РФ) стало больше на 162,5%, половых сношений и других действий сексуального характера (ст. 134 УК РФ) – на 121%, изнасилований (ст. 131 УК РФ) – на 28,3%, насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) – на 24,4%, развратных действий (ст. 135 УК РФ) – на 15,6%. По статистике, вышедшие из мест заключения педофилы становятся рецидивистами в 98% случаев*.

В настоящее время основными инструментами правового воздействия на лиц, причастных к преступной деятельности, являются уголовно-правовое и процессуальное законодательство; законодательство, регулирующее ОРД, и Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». Их назначение и процедура применения вполне понятны.

Рассмотрим подробнее некоторые положения Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» (далее – ФЗ «Об административном надзоре») [7]. Согласно данному закону, органами внутренних дел осуществляется наблюдение за рассматриваемой категорией лиц в части соблюдения ими административных ограничений. Ограничений не так уж много, и сводятся они в основном к запрету на пребывание в определенных местах и в определенное время. Статья 4 ФЗ «Об административном надзоре» гласит: «В отношении поднадзорного лица могут устанавливаться следующие административные ограничения:

- 1) запрещение пребывания в определенных местах;
- 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;
- 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации».

На наш взгляд, указанные ограничения далеко не в полной мере способствуют эффективной профилактике преступлений, особенно исследуемой категории, т.к. ОВД физически не в состоянии отследить каждодневные маршруты передвижения поднадзорных и, тем более, их действия. Статистические данные ИЦ УМВД России по Хабаровскому краю за 2012-2014 г. свидетельствуют о постоянной тенденции роста повторного совершения преступлений, в том числе предусмотренных ст. 131 УК РФ, и недостаточной эффективности института административного надзора.

Более того, рассматривая ограничения, указанные в положениях ФЗ «Об административном надзоре», можно отметить, что норма закона, регламентирующая запрет на пребывание вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток, вызывает вопросы по ее практическому осуществлению. Это касается прежде всего лиц, судимых за совершение насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних. Дело в том, что в дневное время ограничить пребывание поднадзорного вне жилого или иного помещения невозможно, т.к. ему необходимо обеспечивать себя, т.е. найти место работы, а также решать иные хозяйственно-бытовые вопросы, а в ночное время на улицах населенных пунктов практически нет малолетних, они находятся дома. И нет смысла в данной норме, она не работает. Соответственно, принимаемые меры не дают должного результата и безопасность маленьких граждан РФ не обеспечена на требуемом уровне.

Как представляется, необходимо выявлять лиц рассматриваемой категории уже на стадии их умысла к совершению преступлений сексуального характера. Очевидно, что для более эффективного противодействия данным преступлениям, повышения качества

* URL: <http://izvestia.ru/news/584936#ixzz3xvzY83iP> (дата обращения: 30.01.2016).

профилактики и своевременного их выявления без использования возможностей ОРД соответствующих служб ОВД не обойтись [1, с. 25-29].

Вернемся к рассмотрению некоторых положений ФЗ «Об ОРД» в части, касающейся оснований проведения ОРМ.

Нами было проведено анкетирование 112 сотрудников УУР УМВД России по Хабаровскому краю, имеющих стаж работы в уголовном розыске от 3 до 15 лет. Проанкетированные сотрудники отметили, что современная редакция ФЗ «Об ОРД» не позволяет наступательно проводить ОРМ до поступления информации о подготовке лица к совершению преступления, т.е. на стадии формирования и обнаружения преступного умысла, а также то, что положения ФЗ «Об административном надзоре» работают неэффективно.

Таким образом, следует отметить, что наступательность при своевременном выявлении лиц, замышляющих совершение данного вида преступлений, и в их предотвращении практически отсутствует. По результатам изучения уголовных дел, опроса оперработников установлено, что значимая информация начинает поступать уже после совершения преступления. Соответственно, при сложившейся ситуации говорить об эффективности предотвращения преступлений исследуемой категории не приходится. Даже при наличии высокой степени рецидива указанных преступлений современная редакция ФЗ «Об ОРД» не позволяет средствами оперативно-розыскной деятельности своевременно получать информацию о лицах, намеревающихся совершить сексуальное преступление в отношении малолетнего, в том числе повторно. Законодатель в ст. 7 данного закона перечислил основания проведения ОРМ, тем самым узаконив их проведение, и одновременно, в какой-то мере, ограничил возможности оперативных подразделений. Видимо, по мнению законодателя, подобные ограничения призваны усилить контроль за ОРД и легитимность проведения ОРМ. Однако данное обстоятельство способствует в то же время сковыванию инициативы сотрудников оперативных подразделений и не обеспечивает быстроты реагирования на информацию о нарушениях прав граждан [4, с. 16-21].

Наличие определенного вида накопительных дел, образуемых в системе ОРД, не позволяет проводить в отношении фигурантов этих дел ОРМ, осуществляется лишь накопление информации, практически не имеющей оперативной значимости.

Какой же выход из вышеописанной ситуации можно предложить?

Законодатель в ч. 3. ст. 55 Конституции РФ предусмотрел возможность ограничения прав и свобод человека: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

Однако, например, после удовлетворения судами заявлений об установлении административного надзора, некоторые поднадзорные лица, ссылаясь на ст. 1, 2, 6, 15, 17-19, 21-23, 25, 27, 30, 37, 45-47, 49-51, 54-57, 118, 120 и 123 Конституции РФ, подали в Конституционный Суд РФ жалобы с просьбой признать неконституционными основные нормы ФЗ «Об административном надзоре». Данная просьба была мотивирована тем, что, по мнению заявителей, им повторно назначено наказание за одно и то же преступление, что перечень административных ограничений по указанному закону практически соответствует уголовному наказанию в виде ограничения свободы, они были освобождены из мест лишения свободы до вступления в силу названного закона, и обратной силы данный закон иметь не может, что суд рассматривает дело об установлении административного надзора в порядке не УПК РФ, а в порядке ГПК РФ, в связи с чем на них возлагается незаконная обязанность давать объяснения против себя.

Часть исследователей позицию таких осужденных находят достаточно обоснованной [2, с. 44-47], поскольку сопоставительный анализ административных ограничений, установленных ч. 1 ст. 4 ФЗ «Об административном надзоре», и уголовно-

правовых ограничений, установленных ч. 1 ст. 53 УК РФ для осужденных к ограничению свободы, показывает их фактическое тождество [10, с. 16-19].

В связи с этим Конституционный Суд РФ в Определениях от 22 марта 2012 г. № 597-О-О, от 24 сентября 2012 г. № 1740-О, от 24 сентября 2012 г. № 1741-О отметил, что не находит оснований для принятия соответствующих жалоб, и по поводу вышеприведенных доводов указал следующее. Административный надзор как осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с ФЗ «Об административном надзоре» временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных этим Федеральным законом (п. 1 ст. 1), относится к мерам предупреждения преступлений и других правонарушений, оказания на лицо индивидуального профилактического воздействия (ст. 2), а не к мерам ответственности за совершенное правонарушение. При этом применение административного надзора, в отличие от уголовной ответственности, связывается не со временем совершения преступления, а с освобождением лица из мест лишения свободы и с наличием непогашенной либо неснятой судимости, которая влечет за собой правовые последствия в случаях и в порядке, предусмотренных федеральными законами (ст. 86 УК РФ). Установление судом административных ограничений не может рассматриваться как возложение ответственности за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением, или ее отягчение. Соответственно, и положениями ФЗ «Об административном надзоре» при их применении в отношении лиц, имеющих судимость, не придается обратная сила [9].

Таким образом, можно сделать вывод, что административный надзор не является продолжением наказания лицу, освобожденному из мест лишения свободы. Он имеет целью предупреждение повторных преступлений со стороны ранее судимых лиц путем систематического наблюдения за ними и оказания на них индивидуального профилактического воздействия со стороны должностных лиц органов внутренних дел, а не органов исполнения наказания. Установление надзорных обязанностей и ограничений состоит в том, чтобы помешать лицу продолжить противоправную деятельность, воспрепятствовать возобновлению и установлению преступных и иных антиобщественных связей, не дать возможности совершать правонарушения в определенное время и в определенных местах.

Учитывая изложенное, опираясь на определенный положительный опыт применения данной административной меры, нам представляется возможным предложить построение модели оперативно-профилактического надзора, регулирующей правовые отношения ОВД с лицами, ранее судимыми. Специфика оперативно-профилактического надзора будет заключаться в правомерности использования оперативными аппаратами ОВД возможностей ОРД параллельно с внесением некоторых изменений в положения ФЗ «Об ОРД» в части, касающейся оснований проведения ОРМ.

Нами предлагается отдельной статьей ФЗ «Об ОРД» регламентировать основания и порядок применения оперативно-профилактического надзора, а ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» дополнить самостоятельным пунктом: «наличие у лица, находящегося под оперативно-профилактическим надзором, судимости за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления».

Повторимся, что в современной редакции ФЗ «Об ОРД» не позволяет проводить оперативно-розыскные мероприятия до получения информации о приготовлении лица к совершению преступления, а традиционные источники получения опережающей оперативно значимой информации при выявлении преступлений данного вида неэффективны. Соответственно, действия лиц, ранее судимых за совершение насильственных преступлений сексуального характера в отношении малолетних, фактически остаются бесконтрольными. Предлагаемые нами изменения позволят сотрудникам оперативных

аппаратов гораздо эффективнее использовать возможности ОРД по своевременному выявлению лиц, намеревающихся совершить сексуальное преступление.

Литература

1. Гусев В.А. Основания, условия и процедура изъятия документов, предметов, материалов и сообщений при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Законодательство и практика. 2009. № 1.
2. Дулов Е.Ю. Административный надзор. Первые шаги применения нового закона // Административное право и процесс. 2012. № 12.
3. Ефремов А.М. Процессуальный статус оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Оперативник (сыщик). 2004. № 1(1).
4. Луговик В.Ф. Проблемы правового регулирования порядка представления органами внутренних дел документов прокурорам, осуществляющим надзор за исполнением Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» // Оперативник (сыщик). 2010. № 2 (23).
5. Мерещкий Н.Е. Криминалистика и оперативно-тактические комбинации: науч.-практ. пособие. М.: Юрлитинформ, 2007.
6. Мерещкий Н.Е. Применение оперативно-тактических комбинаций в расследовании преступлений: монография. Хабаровск: ДВЮИ МВД РФ, 2000.
7. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.11.2013). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Оноколов Ю.П. Институт административного надзора соответствует Конституции России и является эффективным инструментом предупреждения рецидивной преступности // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 6.
10. Тепляшин П.В. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10.
11. Черкашин А.В. Общественное движение борцов с сексуальными насильниками малолетних: помощь полиции или произвол? // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2014. № 3 (28).
12. Чечетин А.Е. К вопросу о понятии оперативно-розыскных мероприятий // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Оперативно-розыскная теория и практика в государствах – участниках СНГ): сб. науч. тр. / под ред. А.Ю. Шумилова. М.: ИД Шумиловой И.И., 2003. Вып. 6.

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

УДК 349.41

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЕМЕЛЬНЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Сергей Евгеньевич Калёнов, доцент кафедры Хабаровского государственного университета экономики и права кандидат юридических наук

E-mail: kalyonov-sergey@yandex.ru

В статье анализируются особенности дисциплинарной ответственности за земельные правонарушения, а также дискуссионный в юридической науке вопрос о соотношении норм Трудового кодекса РФ и Земельного кодекса РФ, регулирующих дисциплинарную ответственность за земельные правонарушения. Предлагается новая редакция п. 1 ст. 75 Земельного кодекса РФ, конкретизирующая земельные административные правонарушения организации, при совершении которых она обязана привлечь своего работника к дисциплинарной ответственности.

Ключевые слова: земельное правонарушение; дисциплинарная ответственность; административная ответственность организации; загрязнение земель.

LEGAL REGULATION OF DISCIPLINARY LIABILITY FOR LAND OFFENCES

Sergey Evgenyevich Kalyonov, chair associate professor of the Khabarovsk State University of Economics and Law *Kandidat nauk* degree in Law

The article analyzes the characteristics of disciplinary liability for land offences, which is a debatable subject in legal science of the question between the ratio of standards and regulations of the Labour code and the Land code of the Russian Federation, governing disciplinary liability for land offences. Proposed new wording of paragraph 1 of article 75 of the Land code of the Russian Federation, refining the land administrative offences of the organization in the commission of which it is obliged to engage its employee to disciplinary action.

Keywords: land offense; disciplinary liability; administrative liability of the organization; pollution of lands.

В деле обеспечения земельного правопорядка и законности в области использования и охраны земель, как и в любой другой сфере правовых отношений, огромное значение имеет институт юридической ответственности, предполагающий реализацию различных ее видов, в том числе и дисциплинарной ответственности.

Следует согласиться с тем, что дисциплинарная ответственность за земельные правонарушения, как и за иные правонарушения, способна стать одной из самых эффективных мер в силу оперативности ее наложения, а также тесной связи с трудовой деятельностью, которая наносит наибольший ущерб земельным ресурсам [8]. В научных работах, посвящённых проблемам реализации юридической ответственности за земельные и экологические правонарушения, подчеркивается особая роль института дисциплинарной ответственности в обеспечении рационального природопользования и охраны окружающей среды в целом [2; 10; 21]. Такую ответственность нередко назы-

вают регрессной, поскольку в результате неверных действий работника «на организацию-работодателя будет наложено административное взыскание в связи с негативным воздействием на состояние земель» [15].

В научной литературе нет единого подхода в решении вопросов о том, является ли дисциплинарная ответственность самостоятельным видом ответственности, применяемым за совершение земельных правонарушений, а также о том, что является объектом дисциплинарного правонарушения, выражающегося в невыполнении или в ненадлежащем выполнении требований земельного законодательства (требований по охране и рациональному использованию земель).

Так, А.П. Анисимов и С.А. Чаркин полагают необоснованным «существующее выделение дисциплинарной ответственности за земельные правонарушения» [1, с. 82]. Сторонники этой точки зрения [3; 17; 18] обосновывают данный вывод тем, что «дисциплинарная ответственность – категория трудового права», она «означает ответственность работников за совершенные ими дисциплинарные правонарушения (проступки), поэтому принципиально неверно говорить о дисциплинарной ответственности работников за совершение «земельных правонарушений».

Иной позиции придерживаются, в частности, А.А. Ялбулганов [15] и Ю.Г. Жариков [9], рассматривая дисциплинарную ответственность за земельные правонарушения в качестве самостоятельного вида (самостоятельной «формы») юридической ответственности.

Несставя задачи всестороннего исследования этого дискуссионного вопроса в рамках настоящей статьи, все же подчеркнем: решение его связано с определением всех элементов дисциплинарного правонарушения, совершаемого работником, в обязанности которого входит обеспечение соблюдения требований земельного законодательства (лично или путем организации деятельности подчиненных).

Вполне очевидно, что субъект рассматриваемого правонарушения специальный – работник, состоящий в трудовых отношениях с работодателем. При этом не отличается особенностями, обусловленными «земельным» характером самого правонарушения, субъективная сторона земельного дисциплинарного проступка: он может быть совершен, как и прочие правонарушения, неосторожно либо умышленно. Вместе с тем специфичны такие элементы его состава, как объективная сторона и объект.

Само деяние как неотъемлемый признак объективной стороны выражается здесь в нарушении правил, обусловленных трудовой функцией работника, которые предписаны нормами трудового права. Однако же в силу содержания трудовой функции эти же требования являются и требованиями, обеспечивающими рациональное использование и эффективную охрану земель. «Имеются в виду случаи, когда нормы трудовой дисциплины работника одновременно являются и нормами земельного законодательства, а нарушение их одновременно является и нарушением трудовой дисциплины» [19]. В связи с этим наиболее обоснованной позицией представляется идея о том, что объектом земельно-дисциплинарного проступка (правонарушения) является комплекс земельных и социально-трудовых отношений [4, с. 91]. Однако же, на наш взгляд, ее стоит уточнить: состав дисциплинарного проступка, совершаемого специальным субъектом – работником, в обязанности которого входит обеспечение выполнения земельно-правовых требований, включает объект, представляющий собой не комплекс (не совокупность) отношений двух видов (земельных и трудовых), а отношения, которые одновременно следует рассматривать и в качестве трудовых, и в качестве земельных. Не «двуобъектностью», а единым, но дуальным (двусторонним) объектом характеризуется состав исследуемого правонарушения (проступка). Это вполне объяснимо, учитывая комплексный характер земельного права.

Институт юридической ответственности за земельные правонарушения (институт Общей части земельного права) состоит исключительно из заимствованных из других отраслей охранительных норм, в том числе и норм трудового права. Соответственно,

нет обособленных, собственно земельно-правовых норм, регулирующих основания и порядок применения иных видов юридической ответственности за земельные правонарушения. Охранительные нормы административного, уголовного, гражданского права, которые применяются к лицам, нарушившим земельно-правовые предписания, считаются одновременно нормами земельного права, следовательно, такой же двойственностью обладают объекты «земельных» административных правонарушений, «земельных» преступлений (например, предусмотренных ст. 254 УК РФ), гражданско-правовых деликтов, причиняющих вред землям или конкретным земельным участкам. При этом самостоятельность уголовной, административной, гражданско-правовой ответственности за земельные правонарушения не ставится под сомнение ни законодателем, ни учеными, ни практиками. Эти виды ответственности за земельные правонарушения, подобно ответственности дисциплинарной, обусловленной трудовыми правоотношениями, реализуются соответственно в рамках уголовно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых отношений.

Полагаем, что наиболее актуальной, с практической точки зрения, является не дискуссия о степени самостоятельности дисциплинарной ответственности за земельные правонарушения, а имеющаяся, на наш взгляд, проблема, связанная с недостатками содержания ст. 75 ЗК РФ.

Некоторые ученые, исследуя содержание юридических норм, изложенных законодателем в ст. 75 ЗК РФ, и институт дисциплинарной ответственности за земельные правонарушения в целом, обходят стороной вопрос о соотношении положений Трудового кодекса Российской Федерации и норм ст. 75 ЗК РФ, ссылаясь на общий порядок привлечения работников к дисциплинарной ответственности, изложенный в рамках ТК РФ, согласно которому привлечение работника к ответственности за совершение любого (в том числе земельного) правонарушения, – это право работодателя [15].

М.Ю. Тихомиров отрицает саму «уместность» ст. 75 ЗК РФ в данном нормативном правовом акте, поскольку, во-первых, «совершенно очевидно, что отношения, связанные с применением мер дисциплинарной ответственности, не являются земельными отношениями», а, во-вторых, «дисциплинарный (должностной) проступок может выражаться, например, в нарушении правил внутреннего трудового распорядка, должностных инструкций, положений, приказов администрации, технических правил и т.п. Поэтому принципиально неверно говорить о дисциплинарной ответственности работников за совершение «земельных правонарушений» [18, с. 70]. По сути, эти аргументы означают позицию, отвергающую комплексный характер земельного права.

При этом М.Ю. Тихомиров, не обнаруживая в ст. 75 ЗК РФ особенностей применения дисциплинарной ответственности к работникам в связи с привлечением организации к административной ответственности за определенные земельные правонарушения, указывает, что «нынешняя ее редакция может серьезно дезориентировать учащих-ся и правоприменительную практику» и целесообразно внести изменения в эту статью (не уточняя, какие именно) либо вовсе исключить ее из текста ЗК РФ, поскольку она не обладает свойством правового регулятора [18, с. 71].

Попытки реализовать в правотворческой деятельности предложения об исключении ст. 75 из текста ЗК РФ, как не имеющей регулятивного значения и «дезориентирующей правоприменителя», уже предпринимались. Так, в 2008 г. Курултаем Республики Башкортостан был предложен подобный законопроект, однако эта инициатива не была поддержана в высшем законодательном органе государства [6; 14].

Следует заметить, что произведенная позже корректировка содержания п. 1 ст. 75 ЗК РФ Федеральным законом от 21 июля 2014 г. № 234-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [14] не привнесла каких-либо изменений с точки зрения обсуждаемого вопроса, она лишь незначительно уточнила объективную сторону земельного правонарушения, совершаемого организацией,

обязанной в этом случае привлечь виновного в нарушении земельного законодательства работника к дисциплинарной ответственности.

Е.А. Сухова, анализируя ст. 75 ЗК РФ и подчеркивая связь дисциплинарной ответственности определенных категорий работников, виновных в совершении земельных правонарушений при реализации своей трудовой функции, с административной ответственностью, к которой привлекается организация (именно в связи с указанным виновным поведением работника), оценивает такое положение закона как нарушение «принципа недопустимости двойной ответственности за один совершенный проступок» [16, с. 72].

Действительно, за одно земельное правонарушение, указанное в ст. 75 ЗК РФ, привлекаются к ответственности два субъекта – организация и ее работник. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что, во-первых, это разные виды юридической ответственности.

Во-вторых, учитывая «абстрактную» сущность юридического лица (это юридическая фикция), трудно представить, что оно может совершить противоправное деяние (в данном случае земельное правонарушение) таким же образом и способом, как и лицо физическое. По сути, организация привлекается к административной ответственности за то, что она (при помощи руководителя, организационной структуры) не обеспечила соблюдение своими работниками предписаний земельного законодательства при осуществлении ими трудовых обязанностей, что причинило вред земельным общественным отношениям. В этом – вина организации. И деятельность юридического лица выражается (конкретизируется) в деятельности его должностных лиц и иных работников. В таких случаях организация всегда несет административную (так же, как и гражданско-правовую) ответственность за иных субъектов, однако же связанных с нею правовыми (трудовыми) отношениями. Иная позиция потребовала бы отказа от самого института административной ответственности юридического лица, довольно давно и прочно закрепленного законодательством.

В-третьих, полагаем, что привлечение к дисциплинарной ответственности работника, из-за виновного поведения которого организация привлечена к ответственности административной (ст. 75 ЗК РФ), способствует персонализации, индивидуализации юридической ответственности в отношении физического лица. Она в данном случае должна быть другого вида, нежели та, что применяется к организации, учитывая наличие трудовых отношений работник – работодатель и совершение проступка в процессе трудовой деятельности.

Сделав вывод о двойной ответственности по ст. 75 ЗК РФ, Е.А. Сухова, тем не менее, считает, что «дисциплинарная ответственность должна наступать также во всех случаях совершения работником дисциплинарных проступков в области использования и охраны земель на основании Трудового кодекса РФ и уставов, положений о дисциплине, о трудовых обязанностях работников». К тому же она предлагает ограничиться следующей, исключительно отсылочной редакцией ст. 75 ЗК РФ: «Должностные лица и работники организаций, виновные в совершении земельных правонарушений, несут дисциплинарную ответственность в соответствии с трудовым законодательством» [16, с. 72-73].

Позволим заметить, что изложенные Е.А. Суховой выводы и предложения, если их сопоставить, дают противоречивую картину. Не вполне понятно, предлагается ли обязательное привлечение к дисциплинарной ответственности работника во всех случаях совершения им дисциплинарного проступка в области использования и охраны земель (как безусловная обязанность работодателя) или же полный отказ от предусмотренного в ст. 75 ЗК РФ правила об обязанности организации привлечь работника к дисциплинарной ответственности, если к организации применена административная ответственность за определенные (названные в данной статье) нарушения земельного законодательства, означающий применение дисциплинарной ответственности к соответ-

ствующему работнику по усмотрению работодателя, только лишь на основе общих положений ТК РФ, благодаря предлагаемому исключительно отсылочному характеру ст. 75 ЗК РФ?

Не вызывает сомнений, что предложения эти взаимно исключают друг друга и не могут быть реализованы совокупно. Если допустить первое и работодатель будет во всех случаях совершения работником земельного правонарушения привлекать его к дисциплинарной ответственности, то это: 1) полностью исключает использование нормы ст. 192 ТК РФ о том, что применить к работнику дисциплинарное взыскание – не обязанность, а право работодателя; 2) будет по-прежнему (если следовать рассуждениям Е.А. Суховой) моделировать ситуации «двойной» ответственности, поскольку работники будут в императивном порядке привлекаться к дисциплинарной ответственности: как вне связи с административным наказанием организации, так и в случаях, когда имеет место и административное наказание юридического лица, обусловленное именно поведением виновного работника данной организации, и следующее за этим дисциплинарное взыскание, налагаемое на работника.

Если же взять за основу второе предложение, подразумевающее введение исключительно отсылочной редакции ст. 75 ЗК РФ и использование лишь общих положений трудового права (в том числе упомянутой нормы ст. 192 ТК РФ), то это создаст непреодолимое препятствие к предлагаемому обязательному применению работодателем дисциплинарной ответственности к работнику, нарушившему требования по рациональному использованию и охране земель при реализации трудовой функции. Считаем, что реализация этого предложения будет способствовать ослаблению института юридической ответственности за нарушение земельного законодательства.

Авторы одного из комментариев к Земельному кодексу РФ, назвав условия привлечения работника к дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 75 ЗК РФ, излагают и вовсе парадоксальный вывод: «В то же время на работника и работодателя дисциплинарная ответственность налагается во всех случаях земельных правонарушений, связанных с исполнением трудовых обязанностей» [7]. При этом не ясно: 1) почему дисциплинарная ответственность налагается на работника во всех случаях (или имеются в виду лишь ситуации, подпадающие под п. 1 ст. 75 ЗК РФ); 2) каким образом дисциплинарная ответственность может быть применена к работодателю?

Наиболее обоснованное и соответствующее содержанию п. 1 ст. 75 ЗК РФ мнение, на наш взгляд, высказал В.А. Ершов: «Применение взыскания за совершение дисциплинарного проступка – это право, а не обязанность работодателя, поскольку ТК РФ не требует, чтобы работодатель обязательно налагал на работника за каждый дисциплинарный проступок взыскание... в то же время законодатель в статье 75 ЗК РФ установил обязанность администрации привлекать к дисциплинарной ответственности работников организаций, виновных в совершении перечисленных в ней правонарушений» [5]. При этом, сопоставляя содержание норм ТК РФ в части регулирования дисциплинарной ответственности (ст. 192) и п. 1 ст. 75 ЗК РФ, В.А. Ершов обозначает имеющееся «противоречие» (в ТК РФ – право, в ЗК РФ – обязанность работодателя привлечь работника к дисциплинарной ответственности) терминами «коллизия» и «конкуренция» [5]. Полагаем, что соотношение рассматриваемых норм все же более точно отражает термин «конкуренция», поскольку «коллизия» в праве имеет несколько иную природу, а в данном случае как такового противоречия между исследуемыми нормами нет, их соотношение (общая норма ТК РФ и специальная норма ЗК РФ) «заложено» законодателем.

И все же законодателю следует, на наш взгляд, внести определенные коррективы в нормы, регулирующие дисциплинарную ответственность за нарушение земельного законодательства, а именно в п. 1 ст. 75 ЗК РФ. Полагаем, данный пункт должен быть подвергнут изменению в части указания на то, за что понесла административную ответственность организация, то есть иным образом должно быть сформулировано усло-

вие обязательного применения работодателем дисциплинарной ответственности за нарушение земельного законодательства. Речь идет об объективной стороне административно наказуемого деяния организации.

Здесь возникает вопрос: под действие каких статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях подпадают деяния юридического лица, привлекаемого к административной ответственности, описанные в п. 1 ст. 75 ЗК РФ? Ни одна статья гл. 8 КоАП РФ не содержит такого описания объективной стороны правонарушения, как «проектирование, размещение и ввод в эксплуатацию объектов, оказывающих негативное воздействие на земли». Статья 8.1 КоАП РФ предусматривает ответственность за несоблюдение экологических требований при такой деятельности (в том числе проектирование, размещение, ввод в эксплуатацию), но только если это объекты капитального строительства. К тому же диспозиция соответствующей нормы не указывает на то, что эти объекты негативно воздействуют на земли, в предмет доказывания при установлении элементов и признаков состава правонарушения это не входит.

При этом, исходя из ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [11], земля является составляющей окружающей среды, и «негативное воздействие на окружающую среду – воздействие хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к негативным изменениям качества окружающей среды». Таким образом, негативное воздействие на окружающую среду (в том числе, на землю) оказывает не сам объект (именно на это законодатель указывает в ст. 75 ЗК РФ), а деятельность, связанная с этим объектом.

Можно допустить, что обозначенные в п. 1 ст. 75 ЗК РФ «проектирование, размещение, ввод в эксплуатацию объектов» – противоправное поведение, подпадающее под ст. 8.4 КоАП РФ, если это, например, реализация объекта, не получившего положительного заключения государственной экологической экспертизы, однако же и в этой статье ничего не сказано о негативном воздействии данных объектов на земли.

Кроме прочего, не вполне понятно, почему законодатель в тексте ст. 75 ЗК РФ ограничился лишь указанием на проектирование, размещение и ввод в эксплуатацию негативно влияющих на землю объектов, не закрепив в качестве объективной стороны земельного правонарушения организации консервацию, реконструкцию, вывод из эксплуатации таких же объектов – производственные процессы, несущие не меньшую опасность для окружающей среды, в том числе для земель.

Что же касается загрязнения земель «химическими и радиоактивными веществами, производственными отходами и сточными водами», то относительно этого нельзя сделать однозначный вывод, рассматривается ли «загрязнение» как процесс (само деяние) или как последствие деяния. Если в качестве последствия, то какого именно? Если «загрязнение» – результат нарушения правил обращения с отходами, пестицидами, агрохимикатами, иными опасными для здоровья людей и окружающей среды веществами, то в этом случае деяния организации можно квалифицировать по определенной охранительной административно-правовой норме – по ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ. Однако пункт 1 ст. 75 ЗК РФ вовсе не содержит указания на нарушение каких-либо правил, имеющее результатом загрязнение земель. Кроме прочего, удивительно отсутствие в перечне «загрязнителей» биологических веществ (патогены, ГМО, микроорганизмы и т.д. [13]); отходов потребления, разнообразных и несущих значительную экологическую опасность [20].

Такое правовое регулирование способно создать реальные трудности при ответе на вопрос: «Обязана ли организация, привлеченная к административной ответственности за земельное правонарушение (которое, безусловно, квалифицировано по определенной статье КоАП РФ), применять дисциплинарное взыскание к работнику, по вине которого и допущено нарушение земельного законодательства, или это лишь право организации-работодателя?»

В целях совершенствования института дисциплинарной ответственности за нарушение земельного законодательства и более точной юридической регламентации уже закрепленной в Земельном кодексе РФ обязанности организации применить дисциплинарную ответственность к работнику в связи с возложением на нее административной ответственности предлагаем следующую редакцию п. 1 ст. 75 ЗК РФ: «Должностные лица и работники организации, виновные в совершении земельных правонарушений, несут дисциплинарную ответственность в случаях, если в результате ненадлежащего выполнения ими своих должностных или трудовых обязанностей организация понесла административную ответственность в соответствии со статьями 8.6, 8.7 и частью 4 статьи 8.8 Кодекса РФ об административных правонарушениях».

Составы административных правонарушений, предусмотренных ст. 8.6, 8.7 и ч. 4 ст. 8.8 КоАП РФ, выбраны не случайно, их непосредственным объектом являются собственно земельные отношения рационального использования и охраны земель как части окружающей среды (составы, предусмотренные в ст. 8.1 – 8.5 КоАП РФ, имеют «общезокологический» характер). Правонарушения, предусмотренные ст. 8.6, 8.7 и ч. 4 ст. 8.8 КоАП РФ, по нашему мнению, представляют наибольшую опасность для земельных общественных отношений, их совершение либо причиняет реальный вред землям (и этот вред включен в объективную сторону), либо выражается в деянии, которое может быть причиной ухудшения качественного состояния земель (как природного ресурса и составляющей окружающей среды) в будущем.

Конкретизация составов административных правонарушений, субъектом которых является юридическое лицо (в п. 1 ст. 75 ЗК РФ), позволит безошибочно определить границы юридической обязанности организации по привлечению своего работника, виновного в соответствующем земельном правонарушении, к дисциплинарной ответственности, а это, в свою очередь, будет способствовать укреплению и поддержанию должного правопорядка и режима законности в земельно-правовой сфере в целом.

Литература

1. Анисимов А.П., Чаркин С.А. Теоретические вопросы земельно-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 4.
2. Боголюбов С.А. Экологическое (природоресурсное) право: учебник для юрид. вузов. М., 2010.
3. Болтанова Е.С. Земельное право: учебник. М.: Риор, 2009.
4. Болтанова Е.С. Юридическая ответственность за земельные правонарушения // Журнал российского права. 2014. № 12.
5. Ершов В.А. Все о земельных отношениях: кадастровый учет, право собственности, купля-продажа, аренда, налоги, ответственность. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Заключение Комитета Государственной Думы по собственности Федерального Собрания РФ от 9 октября 2008 г. № 3.9-25/3 (в части исключения дисциплинарной ответственности за земельные правонарушения). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. С.А. Боголюбова. М.: Проспект, 2015. Доступ из СПС «Гарант».
8. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. С.А. Боголюбова. СПб.: Питер Пресс, 2009. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/502> (дата обращения: 03.02.2016).
9. Комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (постатейный) / отв. ред. С.Н. Волков, науч. ред. Ю.Г. Жариков. М.: Юстицинформ, 2009. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Куделькин Н.С. Юридическая ответственность за загрязнение морской среды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
11. Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 29.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

12. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 234-ФЗ (в ред. от 30.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4235.
13. Онищенко Г.Г., Пальцев М.А., Зверев В.В. Биологическая безопасность. М.: Медицина, 2006.
14. Официальный отзыв Правительства РФ от 13 ноября 2008 г. № 4991п-П13 на проект Федерального закона № 45753-5 «О признании утратившей силу статьи 75 Земельного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Постатейный научно-практический комментарий к Земельному кодексу Российской Федерации / под ред. А.А. Ялгулганова (подготовлен для СПС «КонсультантПлюс», 2014). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Сухова Е.А. Юридическая ответственность за нарушения земельного законодательства // Право и экономика. 2006. № 2.
17. Сырых Е.В. Земельное право: учебник. М., 2004.
18. Тихомиров М.Ю. К вопросу об ответственности за «земельные правонарушения» // Право и экономика. 2007. № 5.
19. Улюкаев В.Х. и др. Земельное право: учебник. М.: ЧАСТНОЕ ПРАВО, 2010. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Федеральный классификационный каталог отходов: утв. приказом Федеральной службы по надзору в сфере природопользования от 18 июля 2014 г. № 445 // Российская газета. 2014. 19 сентября.
21. Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды: сб. ст. / отв. ред. О.С. Колбасов, Н.И. Краснов. М., 1985.

УДК 349.6

ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ «ЛЕС»

Ольга Вениаминовна Шарипова, начальник кафедры Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России
кандидат юридических наук, доцент

E-mail: sharipova_2004@mail.ru

Статья посвящена правовому понятию «лес». Лесной кодекс РФ не раскрывает данное понятие. В статье анализируются различные определения леса, приводятся его экологические и юридические критерии, предлагается внесение изменений в ст. 5 ЛК РФ.

Ключевые слова: правовое понятие леса; площадь лесов; деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне леса; экологическое законодательство; зарубежное законодательство.

LEGAL DEFINITION OF FOREST

Olga Veniaminovna Sharipova, chair head of the Vladivostok Branch
of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russia
Kandidat nauk degree in Law, associate professor

The article is devoted to the legal definition of forests. Russian Forest Code does not disclose the concept. The article examines the various definitions of forest. The author calls the environmental and legal features of the forest. The authors of proposes to amend Article 5 of the Forestry Code of the Russian Federation.

Keywords: legal definition of forests; forest area; trees, shrubs and vines that grow in the forest does not grow; environmental legislation; foreign legislation.

В российском законодательстве понятие «лес» не раскрывается, что не позволяет в полной мере выделить его в самостоятельный объект эколого-правовой охраны.

Несмотря на то, что статья 5 Лесного кодекса РФ [9] (далее – ЛК РФ) посвящена понятию леса, четкого определения она не содержит. Можно согласиться с мнением некоторых авторов, что диспозиция ст. 5 ЛК РФ не является удачной [5, с. 100], т.к. не конкретизирует понимание леса [14].

Полагаем, выявление основных критериев понятия «лес» дает возможность получить комплексное представление о нем, его эколого-правовой сущности, а также сформулировать предложения по совершенствованию лесного законодательства.

Некоторые авторы убеждены в том, что статья 5 ЛК РФ не дает четкого понимания термина «лес». Можно предположить, что, выявив основные критерии леса, мы получим возможность определить его эколого-правовую сущность. Кроме того, это позволит разработать и внести предложения по совершенствованию экологического, в том числе, лесного законодательства.

Надо отметить, что в специальной литературе нет единого взгляда на понятие «лес», во множестве источников можно найти самые разнообразные определения.

Например, Советский энциклопедический словарь определяет лес как один из видов растительности, образованных деревьями одного или нескольких видов, у которых смыкаются кроны. Для леса характерно то, что в нем произрастают кустарники, травянистая растительность, в нем живет множество птиц и зверей. Кроме того, лес – это место добычи древесины, ягод и пр. Лес оказывает влияние на климат, защищает грунт, водоносные слои. Другими словами, лес – это один из факторов, который обеспечивает стабильность биосферы, и он нуждается в постоянной заботе в части его сохранности и восстановления [15, с. 703].

В комментарии к Закону РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» (утратил силу) лесами назывались такие совокупности древесно-кустарниковой растительности, которые произрастают на землях лесного фонда, отнесенных к этой категории земель в установленном законом порядке.

В преамбуле к Лесному кодексу РФ 1997 г. (утратил силу) было сказано, что лес – это совокупность лесной растительности и других природных компонентов, например, земли, представителей фауны, которая имеет большое значение с точки зрения экологии, экономики и пр.

Для полного понимания термина «лес» можно обратиться к законам, принятым в других странах. Например, болгарский законодатель к лесу относит не только площади, покрытые девственным лесом, но и искусственными насаждениями, которые ограничены определенной территорией, относящейся к государственному лесному фонду. В болгарском законодательстве дается более широкое определение лесного фонда: фонд охватывает не только сам лес, но места для выпаса скота, скальные выходы, открытые водоемы и т.п. Но вместе с тем к лесу не относятся небольшие участки (не более 0,10 га), на которых произрастает естественная или искусственная древесно-кустарниковая растительность.

В Венгрии под понятием «лес» понимают площади, на которых произрастают деревья, иная растительность естественного и искусственного происхождения, а также места рубки, расположенные на площади не менее 0,5 га.

Румынское законодательство определяет лес как земельную площадь, на которой расположен не только древостой, но и территории, на которых он временно отсутствует. К лесу отнесены и площади, которые подготовлены к высадке деревьев, их территория должна быть не менее 0,10 га [1, с. 34; 11, с. 236].

В российской юридической литературе есть мнение, что лес – это комплекс, в который входят земля, древесная и кустарниковая растительность, представители животного мира и многие другие компоненты природы, связанные между собой на биологическом уровне и оказывающие влияние друг на друга [2, с. 289].

Э.Н. Желваков дает определение лесу как совокупности деревьев и кустарников, занимающих определенную земельную площадь [3, с. 26; 4, с. 144]. Авторы комментария к Лесному кодексу РФ 1997 г. определяли лес как органическую совокупность древесной растительности, земли, животных и других составных частей природы, которые имеют экологическое, экономическое и другое значение [7, с. 21]. В.В. Петров пришел к выводу о том, что лес – это экологический комплекс, представляющий собой совокупность деревьев и кустарников, оказывающий влияние на другие компоненты природы и имеющий большое значение для экономики, культуры и здоровья человека [11, с. 233].

А.Ю. Пуряева предлагает следующее определение леса для ЛК РФ: «Лес – это совокупность живых и неживых тел, находящихся во взаимной связи друг с другом и в связи с окружающей средой, взаимно влияющих друг на друга и на окружающую среду, представленная преимущественно группой близко произрастающих друг с другом древесных насаждений на определенной территории и подлежащая самостоятельному учету и охране как цельная экологическая система» [13].

А.Б. Искоян утверждает, что растительный мир – это набор растений, произрастающих как на земле, так и в воде, которые имеют естественный характер происхождения [6, с. 18]. Необходимо обратить внимание на то, что к понятию растительного мира этот автор относит только дикорастущие растения, в то же время окультуренные растения, по его мнению, не могут относиться к растительному миру. Вместе с тем, как полагает Э.Н. Желваков, охрана и воспроизводство объектов природы невозможны в настоящее время без приложения человеческого труда. Остается очень мало природных компонентов, к которым бы не прикасались разум и руки человека [4, с. 15]. Выращивая лес, человечество своим трудом восстанавливает утраченные лесные ресурсы, формируя тем самым экологические условия своего существования. Иначе говоря, труд, вложенный человеком для восстановления природных, в том числе и лесных ресурсов, перестает придавать им товарно-денежную форму, превращать их в имущество. Древесно-кустарниковая растительность из имущества, товара становится элементом природной среды. Экологическое право относит к экологическим отношениям, возникающие в связи с возобновлением, восстановлением и улучшением природного вещества, тем самым признает, что искусственно выращенные и выпущенные в природу рыбы, звери, птицы, посаженные леса, очищенные воды и воздух есть предметы этих отношений [4, с. 17].

Таким образом, те элементы природной среды, к которым приложен человеческий труд и которые вносятся, внедряются, «растворяются» в ней для выполнения природных функций, также выпадают из понятия «имущество», «товар», приобретают иное (экологические) значение, включаясь в сферу экологических отношений. Поэтому искусственно выращенные леса являются объектом эколого-правовой охраны.

О.И. Крассов определяет лес как объединение всех растений, в их число входят деревья, кустарники, трава и пр. [8, с. 8]. В.К. Быковский полагает, что лес – это набор древесно-кустарниковой и другой растительности, которая растет на земельном участке. В то же время он считает, что размер земельного участка, который можно признать лесом, должен быть определен органом государственной власти, скорее всего, Рослесхозом [1, с. 34].

В учебниках по Особенной части уголовного права также применяют различные по смысловой нагрузке определения. Одни авторы считают, что это охраняемый объект природного происхождения, являющийся неотъемлемой частью экологической системы и состоящий из древесной, кустарниковой и другой растительности, который способен оказывать влияние на окружающую среду, климат и пр. [18, с. 508]. Другие определяют лес как значительный по площади земельный участок, покрытый деревьями и кустарниками естественного и искусственного происхождения [19, с. 331]. Н.И. Заго-

родников также считал, что лес может быть как естественного происхождения, так и искусственно выращенным [16, с. 137].

А.Л. Сулейманов определяет лес как совокупность древесной и кустарниковой растительности, оказывающей влияние на окружающую среду [17, с. 20].

Проанализировав приведенные выше определения, можно сделать вывод о том, что нет единого мнения в части дефиниции правового понятия «лес», что приводит к необходимости его уточнения. Отсутствие единомыслия среди законодателей, ученых-правоведов, специалистов лесного хозяйства приводит к тому, что появилось множество толкований сущности понятия «лес».

Так, некоторые авторы, раскрывая понятие леса, отражают лишь отдельные его признаки. Например, Б.В. Ерофеев, Н.А. Моисеев, В.В. Петров, О.И. Крассов обращают внимание лишь на видовой его состав, не учитывая характер происхождения и минимальную площадь. П.Ф. Повелицына не называет источник происхождения указанных видов лесной растительности [12]. Другие авторы не относят к лесу насаждения искусственного происхождения и не говорят о размере площади, им занимаемой.

Детальное изучение сути и содержания такого сложного эколого-правового понятия, как лес, позволяют нам определить некоторые его признаки, характеризующие его как объект правовой охраны и защиты.

Во-первых – видовой состав леса, то есть совокупность древесной, кустарниковой, травянистой и другой растительности.

Во-вторых – источник происхождения растительности (как естественное, так и искусственное происхождение).

В-третьих, необходимо понимать, что все природные компоненты образуют единое целое, своего рода биогеоценоз, который находится в постоянной связи с другими природными объектами.

В-четвертых – размеры площади, на которой произрастает лес.

Сведя воедино названные признаки, можно сформулировать эколого-правовое понятие леса. Итак, лес – совокупность находящихся в единстве в естественном состоянии (на корню) плотно растущих деревьев, кустарников и иных видов растительности естественного и искусственного происхождения, произрастающих на значительной земельной площади, определенной в установленном законом порядке, – не менее 0,5 га.

Названные нами признаки леса можно условно дифференцировать на две группы критериев: экологические и юридические.

Экологический критерий – это совокупность деревьев, кустарников и другой растительности как естественного, так и искусственного происхождения, находящейся в непосредственной близости друг от друга.

Юридический критерий определяет минимальную площадь лесного массива (не менее 0,5 га). Таким образом, растительность такого же состава, но расположенная на меньшей площади, к лесу отнесена быть не может.

Считаем, что подобные критерии позволят отграничить лес от иной растительности, представляющей, на наш взгляд, самостоятельный объект экологического права.

Вместе с тем следует сказать, что лесное законодательство Российской Федерации не раскрывает понятия «деревья, кустарники и лианы, произрастающие вне лесов». Однако Пленум Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» к деревьям, кустарникам и лианам, произрастающим вне лесов, отнес насаждения, произрастающие в парках, аллеях, отдельно высаженные в черте города деревья, насаждения в полосах отвода железнодорожных магистралей и автомобильных дорог или каналов [10].

К вышесказанному можно добавить, что по происхождению древесно-кустарниковая растительность подразделяется на естественную и искусственно выращенную. В зависимости от выполняемых функций она может быть декоративной, пло-

дово-ягодной, защитной и пр. В частности, к защитной необходимо отнести ту растительность, которая выступает в роли барьера, предохраняющего почву от воздействия ветровой и водной эрозии.

К озеленительным насаждениям следует отнести те, которые высаживают в городах и других населенных пунктах. Основное их назначение – очистка воздуха от пыли, грязи, посторонних газов. Они обогащают атмосферу кислородом и обеспечивают ландшафт.

Фруктово-ягодные насаждения выполняют экономическую, озеленительную и эстетическую роль [11, с. 20].

Подводя итог вышеизложенному, предлагаем ст. 5 ЛК РФ изложить в следующей редакции: «Лес – совокупность находящихся в единстве в естественном состоянии (на корню) плотно растущих деревьев, кустарников и иных видов растительности как естественного, так и искусственного происхождения, произрастающих на значительной земельной площади, определенной в установленном законом порядке, – не менее 0,5 га».

Такое определение позволяет разграничить лес с другими деревьями и кустарниками, произрастающими вне лесов.

Литература

1. Быковский В.К. Лесное право России: учебник. М., 2012.
2. Ерофеев Б.В. Экологическое право России: учебник. М., 2009.
3. Жевлаков Э.Н. Преступления в области охраны и рационального использования растительного мира (флоры). М., 1998.
4. Жевлаков Э.Н. Экологические преступления: уголовно-правовой и криминологический анализ. М., 2002.
5. Зиновьева О.А. Правовое регулирование использования лесов в новом Лесном кодексе РФ // Аграрное и земельное право. 2007. № 3.
6. Искоян А.Б. Правовое регулирование охраны и использования растительного мира. Ереван, 1987.
7. Комментарий к Лесному кодексу РФ / под ред. С.А. Боголюбова. М., 1997.
8. Крассов О.И. Право лесопользования в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991.
9. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50. Ст. 5278.
10. О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 (ред. от 26.05.2015) // Российская газета. 2012. 31 октября.
11. Петров В.В. Правовая охрана окружающей природной среды в странах Восточной Европы. М., 1990.
12. Повелицына П.Ф. Уголовно-правовая охрана природы в СССР. М., 1981.
13. Пуряева А.Ю. Проблемы определения понятия «лес» в законодательстве Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2011. № 5. URL: <http://www.center-bereg.ru> (дата обращения: 11.03.2016)
14. Пуряева А.Ю., Пуряев А.С. Лесное право: учебное пособие: комментарий к действующему Лесному кодексу Российской Федерации с учетом последних изменений законодательства. URL: <http://uchebnik.online> (дата обращения: 17.03.2016).
15. Советский энциклопедический словарь / под общ. ред. А.М. Прохорова. М., 1983.
16. Советское уголовное право. Особенная часть / под ред. Н.И. Загородникова. М., 1965.
17. Сулейманов А.Л. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной порубки деревьев и кустарников: по материалам Республики Дагестан: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2002.
18. Уголовное право. Особенная часть: учебник / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1998.
19. Уголовное право России. Особенная часть / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1999.

УДК 336.201

**ИНСТИТУТ НАЛОГОВЫХ АЛЬТЕРНАТИВ В РОССИЙСКОМ
И АМЕРИКАНСКОМ НАЛОГОВОМ ПРАВЕ***

Александр Васильевич Демин, профессор кафедры Юридического института
Сибирского федерального университета доктор юридических наук, профессор

E-mail: demin2002@mail.ru

В статье рассматриваются диспозитивные компоненты в налоговом праве, в частности, анализируется концепция налоговых альтернатив, получившая известность в правовой науке США. Автор приходит к выводу о том, что использование налоговых альтернатив позволяет налогоплательщикам выбрать оптимальный режим налогообложения и стимулирует их творческую активность, направляя ее в правовое русло. В результате обеспечивается гармонизация публичных и частных интересов в сфере налогообложения.

Ключевые слова: законодательство о налогах и сборах; налоговые альтернативы; диспозитивность; диспозитивные нормы права.

TAX ALTERNATIVES IN THE RUSSIAN AND AMERICAN TAX LAW

Alexander Vasilyevich Demin, chair professor of the Law Institute of the Siberian
Federal University Doctor of Law, professor

The article examines the discretionary components in the tax law. The author in particular analyses the tax elections conception that are known in the legal science of the USA. The author comes to the conclusion that the use of tax alternatives allows taxpayers to choose the optimal tax regime and stimulates their creative activity, directing it into the legal mainstream. Thereby harmonization of public and private interests in the sphere of the taxation is provided.

Keywords: tax legislation; tax elections; dispositivity; default rules.

Налоговое право – отрасль, где господствуют *императивные методы* правового регулирования, оно характеризуется повышенной детализацией и минимизацией свободы субъектов самостоятельно определять свое поведение в рамках налоговых отношений. Это обусловлено сущностью налогообложения как сферой, где *публичные* цели и интересы превалируют над частными, а субъективные права и обязанности *устанавливаются законом*, а не договором.

Субъекты налогового права не свободны в выборе своих «контрагентов». Подавляющее большинство налоговых норм *императивны*, т.е. они представляют собой категорические предписания, жестко фиксирующие рамки дозволенного и должного поведения субъектов. Согласно выводу Конституционного Суда РФ, юридическая природа налоговых отношений характеризуется существенной спецификой, которая обусловле-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта проведения научных исследований «Диспозитивность в налоговом праве и «партнерская» модель налогового администрирования», основной конкурс 2016 г., проект № 16-03-00044.

на их публично-правовым характером и конституционной обязанностью государства обеспечить равное налоговое бремя и защиту прав, свобод и законных интересов граждан и организаций как налогоплательщиков. Указанная специфика определяет использование главным образом *императивного метода* налогово-правового регулирования, а также то, что свобода усмотрения субъектов налогового права связана с наличием прямых нормативно-правовых предписаний законодательства о налогах и сборах [1].

Вместе с тем *диспозитивные конструкции* все активнее «просачиваются» в ткань налогового права, расширяя возможности участников налоговых отношений в части проявления активности и инициативы.

В частности, в последние годы в налогово-правовой доктрине широкое внимание привлекает институт «налоговых альтернатив», который получил в зарубежной литературе наименование «tax elections». Наиболее точное определение этому феномену сформулировала Эмили Сатерсуайт: «Налоговые альтернативы – законодательные положения, которые предоставляют налогоплательщикам возможность выбора из двух или более налоговых режимов для одной транзакции или объекта налогообложения» [8, p. 1].

Ключевым здесь является термин «выбор». «Законодатель, вынужденный выбирать между решением А и решением В, передает право выбора налогоплательщику, который рассчитывает сделать выбор в своих интересах» [7, p. 23]. Речь идет о ситуациях диспозитивного характера, когда два или более налогоплательщика или иных налогообязанных лиц (например, налоговые агенты) получают возможность выбрать и согласовать между собой наиболее благоприятный для себя вариант налогового значимого поведения. Решение о выборе одной из таких налоговых альтернатив оформляется формальной или неформальной договоренностью между участниками налоговых отношений (*private bargaining*).

Примеры налоговых альтернатив, применяемых в российском и зарубежном законодательстве, разнообразны и многочисленны. Например, согласно ст. 63 Налогового кодекса США, налогоплательщик, подавая налоговую декларацию, может выбрать вид налогового вычета: либо стандартный вычет (*standard deduction*), который предоставляется в твердой сумме, либо поштатейные вычеты (*itemize deductions*) фактически понесенных расходов, размер которых нужно обосновать и документально подтвердить. Подобная альтернатива в российском законодательстве именуется *профессиональным налоговым вычетом*: индивидуальные предприниматели по своему усмотрению могут заявить к вычету либо фактические расходы, размер которых не ограничен, но должен быть подтвержден документально, либо презюмируемый вычет в размере 20% общей суммы доходов, полученной от предпринимательской деятельности (ст. 221 НК РФ).

В отличие от российской налоговой системы, алименты в США облагаются подоходным налогом. При этом по умолчанию выплаты алиментов включаются в доход супруга, получающего алименты, и признаются расходами супруга, выплачивающего алименты. Однако если оба супруга согласны, то они могут выбрать иной налоговый режим, а именно: супруг-получатель не будет включать платежи в свой доход, а супруг-плательщик – вычитать их в качестве расходов (ст. 71, 215 Налогового кодекса США). Обоснованность такого шага для налогоплательщиков зависит от того, в какой разряд по шкале прогрессивного налогообложения попадает каждый из них. «Диспозитивный налоговый режим (т.е. режим по умолчанию) алиментов (вычет у плательщика, доход у получателя) в целом приводит к общей налоговой выгоде для обоих бывших супругов в том случае, если плательщик алиментов попадает в более высокий разряд налогообложения, чем получатель» [6, p. 8]. Договоренность между супругами оформляется (переоформляется) ежегодно в произвольной письменной форме и прикладывается к подаваемой каждым из них налоговой декларации.

Еще один пример, который приводят американские авторы, связан с вычетами на детей: согласно ст. 152 Налогового кодекса США, разведенные родители могут согла-

совать, кто из них будет применять налоговый вычет на общего ребенка; если договоренность не достигнута, то по умолчанию вычет применяет тот родитель, который осуществляет опеку над ребенком. Как правило, налоговый вычет на ребенка-иждивенца более выгодно применять тому из родителей, который находится в более высоком разряде налогообложения.

Российское налоговое право использует *плоскую*, а не прогрессивную шкалу подоходного налогообложения. Поэтому целый ряд налоговых альтернатив, актуальных в США, в России не применяется. Вместе с тем, налоговые вычеты на детей в нашей налоговой системе также сопровождаются диспозитивными элементами. Так, в силу пп. 4 п. 1 ст. 218 НК РФ, стандартный налоговый вычет предоставляется каждому родителю в размере, соответственно, 1 400, 3 000 или 12 000 руб. на одного ребенка; при этом налоговый вычет может предоставляться в двойном размере одному из родителей по их выбору на основании заявления об отказе одного из родителей от получения налогового вычета. Как видим, родители имеют возможность отойти от общей диспозитивной модели и «перераспределить» налоговый вычет на ребенка по своему усмотрению. При этом отказаться от получения данного налогового вычета налогоплательщик может, только если он имеет на него право, подтвержденное соответствующими документами. Вычет оформляется заявлением одного из родителей об отказе от его получения. Право на получение налогового вычета ограничено рядом условий, в частности нахождением ребенка на обеспечении налогоплательщика, наличием у налогоплательщика дохода, облагаемого налогом на доходы физических лиц по ставке 13%. В случае если у одного из родителей отсутствуют доходы, подлежащие налогообложению по ставке 13%, «передавать» свое право на получение стандартного налогового вычета другому родителю он не вправе.

В качестве еще одного примера «налоговых альтернатив» американские авторы приводят нормы о так называемом *check-the-box election*. В соответствии со ст. 7701 Налогового кодекса США, любой бизнес, официально не зарегистрированный как корпорация, может *по своему усмотрению* выбрать одну из двух организационно-правовых форм, а именно: 1) форму корпорации, когда подходным налогом облагается юридическое лицо в целом, либо 2) форму товарищества (партнерства), когда налогом облагается не само товарищество, но его участники. При этом нужно лишь подать в налоговый орган заявление по форме 8832 *Entity Classification Election*, где указать выбранную организационно-правовую форму. Ранее более льготный в плане налогообложения статус товарищества (партнерства) нужно было доказывать, проходя так называемый четырехфакторный тест (*four-factor test*) и подтверждая соответствие организационно-правовой формы четырем критериям классификации хозяйствующих субъектов в зависимости от их правовых характеристик. Отмечая диспозитивный характер приведенных налоговых норм, американский автор Стивен Дин называет их образцом «налогового дерегулирования» (*tax deregulation*); этим термином он обозначает «такие изменения налоговых норм, которые предоставляют налогоплательщикам больше свободы в части структурирования транзакций и представления отчетности об их результатах в налоговые органы» [4, р. 394-396].

Классификация налоговых альтернатив возможна по различным основаниям. В частности, можно сгруппировать налоговые альтернативы по характеру субъекта, управомоченного их использовать. Тогда мы получаем налоговые альтернативы, относящиеся к *физическим лицам*, к *юридическим лицам*, а также *совместные* – которые могут применяться и теми, и другими.

По числу участников, вовлеченных в принятие решения, можно выделить *односторонние*, *двусторонние* и *многосторонние альтернативы*. Кроме того, налоговые альтернативы дополнительно подразделяют на «альтернативы, которые касаются налогоплательщиков с совпадающими интересами, и налоговые альтернативы, которые затрагивают налогоплательщиков с расходящимися интересами» [3, р. 428].

Альтернатива одностороннего характера закреплена в абз. 1 п. 3 ст. 218 НК РФ, в силу которого «стандартные налоговые вычеты предоставляются налогоплательщику одним из налоговых агентов, являющихся источником выплаты дохода, по выбору налогоплательщика на основании его письменного заявления и документов, подтверждающих право на такие налоговые вычеты». Как видим, налогоплательщику предоставляется *выбор одной из нескольких альтернатив*: он вправе выбирать любого налогового агента для получения стандартных налоговых вычетов. Причем такие вычеты вправе предоставлять работодатели, выплачивающие доходы работникам не только по трудовым, но и по гражданско-правовым договорам.

Пример двусторонней альтернативы находим в ст. 169 НК РФ, согласно абз. 2 п. 1 которой счет-фактура – по выбору сторон – может быть составлен и выставлен на бумажном носителе или в электронной форме; при этом счет-фактура составляется в электронном виде *по взаимному согласию сторон сделки* и при наличии у них совместимых технических средств и возможностей для приема и обработки этого счета-фактуры в соответствии с установленными форматами и порядком. Обратим внимание, что *способ выражения* взаимного согласия сторон сделки на составление счета-фактуры в электронном виде закон не регулирует, предоставляя покупателю и продавцу возможность самостоятельно определить наиболее удобную для них форму достижения «взаимного согласия». Такое согласие может оформляться с учетом применяемых в предпринимательской деятельности правил поведения (обычаев делового оборота), в том числе посредством обмена документами, без составления одного документа, подписанного сторонами, выполнения действий, свидетельствующих о согласии на составление счетов-фактур в электронном виде, и т. п.

Интересную классификацию предлагает Эмили Кобл, выделяя «налоговые альтернативы, обращенные в прошлое» (*backward-looking tax elections*) и «налоговые альтернативы, обращенные в будущее» (*forward-looking tax elections*) [3, p. 428]. Полагаем, для российской доктрины более подходящими будут наименования «ретроспективные» и «проспективные» налоговые альтернативы. В первом случае налогоплательщик принимает решение по итогам уже прошедшего налогового периода (например, подавая декларацию за прошедший год); поэтому вся информация о правовых последствиях выбора той или иной альтернативы доступна налогоплательщику в момент принятия соответствующего решения. Напротив, проспективные альтернативы предполагают выбор налогово значимого поведения, которое еще только предстоит осуществить в будущем; в этом случае налогоплательщик «не обладает всей полнотой информации о плюсах и минусах выбора каждой из доступных альтернатив» [3, p. 428].

Налоговые альтернативы в зарубежной литературе подвергаются всесторонней критике. Во-первых, отмечается, что их использование сокращает налоговые поступления в бюджетную систему страны, поскольку «налогоплательщик получает более благоприятные налоговые последствия, не изменяя ни одного неналогового аспекта своего поведения или транзакции» [3, p. 445].

Во-вторых, по мнению ряда американских специалистов, налоговые альтернативы продуцируют так называемую «вертикальную несправедливость» в налоговых отношениях: налогоплательщики, которые являются более искушенными в вопросах налогообложения и способны воспользоваться услугами квалифицированных налоговых консультантов, получают здесь явные преимущества перед остальными налогоплательщиками [3, p. 446-447]. Как известно, «горизонтальная справедливость» в налоговых отношениях означает, что налогоплательщики в одинаковых условиях должны уплачивать одинаковые суммы налогов, а «вертикальная справедливость» – что налогоплательщики, имеющие однородные объекты налогообложения, но разные налоговые базы, должны уплачивать различные по размеру налоги.

В-третьих, налоговые альтернативы отчасти усложняют налоговое законодательство, а также применение налоговых норм и налоговое администрирование. В качестве

мер, смягчающих негативное воздействие налоговых альтернатив, предлагается использовать благоприятные для налогоплательщиков диспозитивные нормы – правила по умолчанию (*default rules*), а также широко информировать заинтересованную аудиторию о наличии налоговых альтернатив, возможностях их использования и правовых последствиях сделанного выбора.

В целом же современные западные авторы рассматривают феномен налоговых альтернатив как «неизбежное зло» (*necessary evils*), т.е. как «законодательные механизмы, которые оправданы проблемной комбинацией малопонятных сложных налоговых законов и неудержимо адаптируемых налогоплательщиками стратегий недобросовестного уклонения от уплаты налогов» [8, p. 2].

Правовая природа договоренностей, оформляющих выбор той или иной налоговой альтернативы, носит спорный характер. Полагаем, что такие договоренности относятся к сфере *частного права*. Как правило, законодатель предписывает заключать их в письменной форме, но не устанавливает каких-либо официальных требований к их оформлению. Поэтому – по умолчанию – такие договоренности могут заключаться в *произвольной письменной форме*. Не вызывает сомнений, что каждая такая договоренность выступает частью *сложного фактического состава*, модифицирующего налоговые правоотношения, в которых его стороны принимают участие.

В заключение подчеркнем, что использование налоговых альтернатив свидетельствует о стремлении законодателя более активно внедрять диспозитивные начала в законодательство о налогах и сборах. Такое расширение диспозитивности в системе публичного права – примета времени и выражение объективных закономерностей современного правового развития. Использование налоговых альтернатив позволяет заинтересованным лицам выбрать действительно оптимальный режим налогообложения, задействует мощный *мотивационный потенциал* частных лиц и стимулирует их творческую активность, направляя ее в правовое русло. В конечном итоге обеспечивается гармонизация публичных и частных интересов и формируется устойчивый налоговый правопорядок.

Литература

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Товарищ» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 5 статьи 168 и пунктом 5 статьи 173 Налогового кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 7 ноября 2008 г. № 1049-О-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 2.
2. Brown D.C., Leach C.J. Simple Intuition Gone Awry: Combining Real and Financial Options in Tax Elections (December 19, 2013). URL: <http://ssrn.com/abstract=2023857>.
3. Cauble E. Tax Elections: How to Live with Them If We Can't Live Without Them // Santa Clara Law Review. 2013. Vol. 53. № 2.
4. Dean S.A. Tax Deregulation // New York University Law Review. 2011. Vol. 86. № 2.
5. Field H.M. Binding Choices: Tax Elections & Federal/State Conformity // Virginia Tax Review. 2013. Vol. 32. № 3.
6. Field H.M. Tax Elections & Private Bargaining // Virginia Tax Review. 2011. Vol. 31. № 1.
7. Rosenbloom H.D. Banes of an Income Tax: Legal Fictions, Elections, Hypothetical Determinations, Related Party Debt // The Sydney Law Review. 2004. Vol. 22. № 1.
8. Satterthwaite E.A. Tax Elections as Screens // Queen's Law Journal. 2016. Forthcoming. URL: <http://ssrn.com/abstract=2724001>.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. В редакцию представляются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, а также краткие научные сообщения, соответствующие научным направлениям журнала.

2. Все рукописи статей, поступающие в редакцию журнала, проверяются на уникальность текста с использованием системы «Антиплагиат.ВУЗ». Доля оригинального текста должна быть не менее 70%.

3. Статья представляется в редакцию журнала в распечатанном и электронном виде на CD или по электронной почте (e-mail: vestnikdvui@yandex.ru или redactor80@gmail.com).

4. Объем статьи должен быть не менее 10 и не более 20 страниц текста, набранного в соответствии с указанными ниже требованиями.

5. Статья должна быть подписана автором (авторами). Каждому автору необходимо указать: имя, отчество, фамилию (полностью), должность и место работы, ученую степень и звание, почетные звания, почтовый адрес и телефон для контактов, а также адрес электронной почты. Статьи адъюнктов и аспирантов должны также иметь подпись их научного руководителя, заверенную соответствующим образом.

Перед подписью автора и научного руководителя (после списка литературы) следует указать: «Представленный материал ранее нигде не публиковался и в настоящее время не находится на рассмотрении на предмет публикации в других изданиях. У авторов нет конфликта интересов, связанных с этой публикацией (если авторов два и более). Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю (не возражаем)».

6. Обязательно наличие аннотации, ключевых слов (не более семи речевых единиц) и пристатейных библиографических списков. Объем аннотации – около 500 знаков (включая пробелы). Аннотация не должна быть перифразом названия статьи, включать малоинформативные формулировки. Библиографический список составляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008.

7. Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах должны быть представлены на русском и английском языках.

8. Статья должна иметь шифр УДК.

9. Технические требования к статьям:

- набор осуществляется в программе «Word» шрифтом «Times New Roman», размером 14 пунктов с полуторным междустрочным интервалом;

- библиографические ссылки внутритекстовые. В квадратных скобках указывается порядковый номер издания, на которое автор ссылается, при необходимости указывается номер страницы;

- название файла статьи – по фамилии автора (авторов).

10. В случае несоответствия присланных рукописей требованиям к оформлению статей, редколлегия оставляет за собой право вернуть рукопись автору без рассмотрения.

11. Рукописи статей рецензируются в соответствии с Положением об институте рецензирования журнала «Вестник Дальневосточного юридического института МВД России» (размещено по адресу: <https://dvui.mvd.ru/document/6828906>). Основными критериями рецензирования являются: актуальность; научная новизна; теоретическая и прикладная значимость; логичность и последовательность изложения; аргументированность основных положений; достоверность и обоснованность выводов. Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала в зависимости от результатов рецензирования.

12. Плата за опубликование статей не взимается.

13. Статьи для опубликования направляются в следующие сроки: для первого номера – до 25 января, для второго номера – до 1 апреля, для третьего номера – до 1 июля, для четвертого номера – до 1 октября.